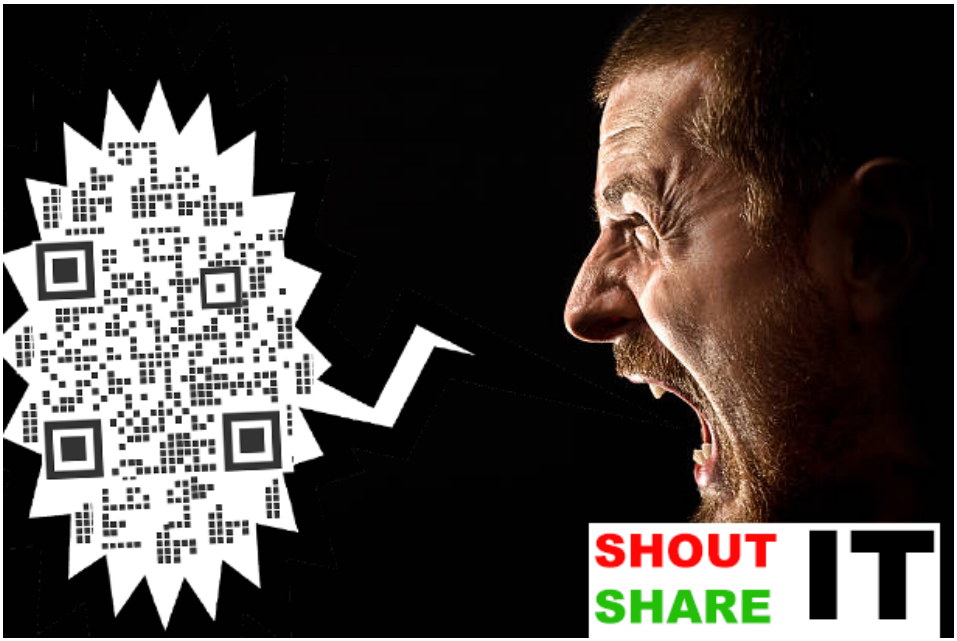
Библиотека современной прозы

Моя малая родина

Валерий Балясников

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«МОЯ МАЛАЯ РОДИНА» – очередная книга талантливого писателя Валерия Балясникова. Она представляет собой сборник интересных автобиографичных рассказов, в которых автор делится интересными и реальными событиями из своей жизни, исследованием собственных «корней» и родословной, историями о любви, дружбе, душевными переживаниями о происходящем в нашей стране (к которой, конечно же, автор испытывает самые тёплые чувства), а также впечатлениями о поездках за рубеж. Книга написана очень хорошим литературным языком и будет интересна широкому кругу читателей.

- Валерий Балясников
  - 1. Наши корни

Валерий Балясников
Моя малая родина

1. Наши корни

В каждой семье, в каждом поколении есть те, кто задавал своим дедушкам и бабушкам, родителям и самому себе вопросы: «Откуда мы родом, сколько наших, кто мы?» Были времена в нашей истории, когда на такие вопросы старались давать уклончивые скупые ответы: «Мы из крестьян», или «Внучек, помни, в тебе золотник голубой крови».

Уходят поколения. Будущим остаются их могилы, дела, мечты и надежды. В каждой семье есть крупицы того, что хранит тепло и память об ушедших поколениях. Свидетельств этому много, они разнообразны и разрозненны. Многое утрачивается, время неумолимо. Оно удаляет от нас лица и события, превращая их в воспоминания, легенды и предания.

Не раз каждый слышал в свой адрес: «Ты кто такой?» или «Ты, чья будешь?» И часто обнаруживаем, что знаем о своих предках не так уж и много. Узнавая свой род, мы становимся духовно богаче, сопричастными к фактам жизни близких и дальних родственников. Примеры их жизни – самые действенные аргументы в воспитании будущих поколений. Через них мы лучше познаем жизнь и события истории нашей Родины.

В начале 1950-х годов в разговоре Александра Павловна Жмотова, в девичестве Махонина, на вопрос «Откуда Вы родом?» ответила: «Из Бронниц мы», – ничего больше не добавив. Но в сохранившемся её паспорте, выданном в 1925 году, указано, что место её рождения «Московская губерния, Сергиевский уезд и волость, д. Охотино». Попытки выяснить у старших родственников, где всё-таки родилась наша бабушка и прабабушка, Александра Павловна, ничего не дали. Никто не знал и не слышал, что кто-либо из наших предков был родом из Бронниц.

Точный ответ всё же нашёлся. Сотрудница Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), вышедшая на наш звонок по внутреннему телефону, поинтересовалась о деле, которое привело в архив. Получив краткое изложение сути вопроса о том, что собираю материалы о старинном роде крестьян Сергиева Посада, она ушла за разрешением на выписку пропуска. Вернувшись с ним, она сказала, что начальник поинтересовался о посетителе. Услышав, что из крестьян, он, несколько удивившись, сказал: «Разрешаю!» Затем добавил: «А то у нас сидят тут в читальном зале всё графья, да князья!» Сотрудница проводила в читальный зал, ознакомила с правилами работы, дала путеводитель по фондам архива и первую консультацию, с чего

лучше начать поиск интересующей информации.

Просматривая в архиве метрические книги за 1893 г. церкви Успения села Подсосенье Радонежской десятины Дмитровского уезда, удалось обнаружить в разделе бракосочетаний запись, где о невесте сказано «Бронницкого уезда села Зелёная Слобода крестьянская дочь Александра Павлова Махонина, православного вероисповедания, первым браком. Возраст 17 лет». Естественно, возникло желание съездить туда, посмотреть, что за село, узнать его историю, живут ли сейчас в нём кто-нибудь из рода Махониных.

На карте Подмосковья село Зелёная Слобода найти не трудно. Оно находится в нынешнем Раменском районе в 2-х километрах от впадения р. Пахры в Москву-реку. Из Москвы от станции метро «Выхино» до села ехать автобусом Москва-Константиново или Москва-Володарский не более часа. Село большое, старинное, известно с XVII века. До 1728 года оно в составе Мячковской волости находилось во владении сподвижника Петра I – князя А.Д. Меньшикова. После его опалы, село перешло в дворцовое ведомство.

В 1646 году в нём насчитывалось 46 дворов, большинство из которых принадлежали каменщикам. С давних пор поблизости от села были каменоломни. Производство белого камня в устье р. Пахры велось давно, особенно интенсивно у деревни Верхнее Тяжино. Камень «ломали», распиливали на блоки и поставляли в Москву для строительства Кремля, особняков, из него делали фундаменты, ступеньки, надгробья. Из него сделана, и церковь Покрова Пресвятой Богородицы села Зелёная Слобода. Её, в зелени раскидистых старых деревьев, видно издалека. Белоснежная, пятиглавая с голубыми куполами и золотыми крестами и колокольней в лучах яркого солнца она смотрится благолепно. Храм построен в 1784 году на месте деревянного и «…принадлежит к лучшим образцам русского зодчества. Является народным достоянием», – написано ещё при советской власти на мемориальной доске, установленной при входе в церковь. С 1964 по 1990 годы она была закрыта. Одно время в ней был склад совхоза, а потом использовали как книгохранилище.

На краю села «песошня», так в старые времена называли крутой песчаный косогор к реке Пахра, откуда открывается чудный вид на огромный омут за когда-то мельничной плотиной, на километровую пойму, обрамленную по правому берегу реки заповедным лесом. В конце XIX века всю речную пойму Пахры занимали дубы и реликтовая ольха, и называлось это место «Курманом». Ольху поставляли царскому двору, ею, как говорят, отапливали царские покои. Сгорая в печи, ольха источала

приятный аромат. Река по сегодняшним меркам чистая. «Рыба есть, – говорят местные жители, – попадается крупный судак, лещ, щука, ловят раков». По выходным дням многие москвичи приезжают сюда отдохнуть, покупаться, порыбачить.

Над рекой, на самом высоком месте, сельское кладбище. При входе в него старинная кирпичная арка. Из камня сделаны надгробья. Надгробья разного размера горизонтальные и вертикальные от старости серо-зелёного цвета, с надписями, украшенные различными узорами в виде розеток, завитков свидетельствуют о высокой квалификации ремесленников, обладавших подлинно художественным вкусом. В центре кладбища небольшая часовенка в виде четырехугольного столба, подновленного недавно. На каждой из его сторон установлены мраморные доски с фамилиями 45 жителей села, погибших в годы Великой Отечественной войны. Среди них 11 человек – Махониных, 6 – Чечиленковых, 5 – Дерюгиных, 4 – Струниных, 3 – Абрамовых, 2 – Ляпуновых и других фамилий. Рядом могила протоиерея Иоанна Васильевича Знаменского (1870–1961), бывшего с 1894 г. настоятелем местной церкви, отца знаменитых братьев – бегунов Георгия и Серафима Знаменских. Тут же могилы Махониных. Их много. Создается впечатление, будто находишься в мемориале Махониных. Везде их могилы, да ещё Ляпуновых, Струниных. Священник местной церкви сказал, что в селе большинство жителей носят эти фамилии. Они распространены и в ближайшей округе. В конце XX века в Зелёной Слободе из 80 домов на 20-ти висят таблички с указанием их владельцев – Махонины. В других домах также живёт много сельчан, имеющих родственные связи с этой фамилией.

На предположение, что может быть наши Махонины – родственники здешних жителей села с этой фамилией, священник церкви ответил: «Вероятнее всего они однофамильцы». Версия, что так много Махониных просто однофамильцы, проживающие в одной местности, показалась сомнительной. Во-первых, фамилия «Махонин» происходит ни от личного имени, ни от фамилии какой-то знаменитости, помещика, названия села, местности, профессии и т. д. Фамилия Махонин имеет явно восточные, монгольские корни. Татар-монголов в этих местах было много. Они шли с юга – востока, со стороны Рязани на Москву, в 39 километрах от которой по этому направлению расположено село Зелёная Слобода. Издавна нижнюю часть села, от которой идёт нумерация домов, называют «Татаркой». В нескольких километрах от него, ближе к Москве (с. Чулково), находится Боровский курган, служивший сторожевым постом во время борьбы с ордынскими нашествиями. Очень возможно, что

фамилия происходит от монгольских слов «мах» – конь, «махоня» – жеребёнок или «махонина» – конина. В русском языке много слов с корнем «мах»: махина, махать, махом и т. п. Применительно к фамилии, Махонин можно перевести на русский язык, как «Мах – он», то есть «Конь – он» или «Он как конь», или «Размахивающий конник». По рассказам старожилов села и сохранившимся старинным фотографиям, «настоящие» Махонины были крупные, высокие, широкоплечие и красивые. К «настоящим» Махониным старожилы относят «Павловичей», которые, «как умные» ушли из села ещё в начале XX века. По рассказу Л.А. Киселёвой (Махониной, 1932–2001) «настоящих» Махониных в селе за своих не принимали, считая их как бы «чужими», то есть пришлыми. Возможно, действительно они пришли в село из другого места, в частности, из Рязанской или Белгородской губернии. Так, в одном из сёл Шацкого района Рязанской области много жителей носят фамилию Махонины. Это село находится на границе с Мордовией. Тоже на границе, но уже с Украиной в Шебекинском районе Белгородской области есть село Крапивное, с населением около 1000 человек, среди которых распространены две фамилии: Махонины и Матрёнины. Крестьяне Махонины этого села высокие, крепкого телосложения, до сих пор придерживаются старообрядческих обычаев, мужчины, трактористы и водители, ходят с бородами. Много старообрядцев жило и в деревнях прихода церкви Покрова села Зелёная Слобода, но в исповедальных книгах этой церкви указывалась только их общая численность, без имён и фамилий.

При поиске ответов на возникшие вопросы был использован метод «обратного счёта», то есть от точно установленного факта, спускаясь вглубь веков. По метрическим книгам и исповедальным ведомостям прихожан церкви Покрова села Зелёная Слобода было установлено, что в 1840 году крестьяне Махонины жили в 2-х дворах. В первом – Михаил Илии (р. 1806 г.) и Никифор Илии (р. 1814 г.). Во втором – Иван Илии (р. 1810 г.), Степан (Стефан) Илии (р. 1813 г.) и Василий Илии – большой (р. 1822 г.). К 1865 году количество дворов в селе, в которых жили Махонины со своими семьями, увеличилось до пяти. В 1-м дворе жил Петр Илии (р. 1809 г.); во 2-м дворе – Савва Илии (р. 1820 г.); в 3-м дворе – Василий Илии-1 (большой, старшой, р. 1822 г.); в 4-м дворе – Василий Илии-2 (меньшой, р. 1826 г.) и в 5-м дворе – Степан Илии (р. 1813 г.) вместе с братом Фёдором Илии (р. 1816 г.).

Сравнивая эти списки, можно сделать несколько выводов. Первый, то, что Махонины: Михаил, Петр, Иван, Степан (Стефан), Никифор, Фёдор, Савва, Василий-1 (большой) и Василий-2

(меньшой) являются родными братьями. Некоторые братья жили совместно в одних дворах и были друг у друга крестными детей и внуков. Их отцом был Илия (р. 1785 г.), сын Семена Макарова (р. 1762 г.). Возможно, что он и является основателем очень большого рода Махониных, так как других жителей с таким именем в селе в конце XVIII века не было. Второй, то, что братья Петр, Фёдор, Савва и Василий-2 появились в селе после 1840 года, а до того жили где-то в другом месте. И третий, то, что к 1865 году братья Михаил, Иван и Никифор уже не жили в селе Зелёная Слобода. Возможно, ушли из-за безземелья. Известно, что по этой причине много крестьян Бронницкого уезда во второй половине XIX века расселилось на арендованных ими и пустовавших до того землях вокруг Сергиева Посада, чему также способствовало строительство там железной дороги. В частности, из Зелёной Слободы пришел в окрестности Сергиева Посада Григорий Михайлович Ляпунов с тремя взрослыми сыновьями и внуками. Они положили в 90-х годах XIX в. начало лакокрасочному производству в Хотькове. Там же сын Василия Илии (старшего) – Павел Васильевич Махонин, был управляющим Горбуновской текстильной фабрики.

Легенда, упоминавшаяся выше, будто некоторые Махонины села являются «не настоящими», а взяли эту фамилию, чтобы и их считали, как «Павловичей», умными и особенными, по материалам архива не подтвердилась. Все они являются потомками Ильи Махонина, его девяти сыновей, которые в свою очередь все были многодетными. Так, например, у Василия Илии-младшего от двух браков было 12 детей. В характеристике «Павловичей», о которой говорилось выше, видимо, отразилось то, что в этой ветви рода концентрированно воплотились лучшие качества, присущие Махониным. Память о Павле Васильевиче Махонине и членах его семьи более ста лет хранят жители села.

Павел Васильевич Махонин (1851–1922) был женат на Пелагии Козьмина Волниной (1851–1905), дочери Козьмы Никифорова Волнина, крестьянина Зелёной Слободы. Из 70 дворов села его хозяйство считалось из числа крепких, зажиточных. Надел земли у него был на семь душ мужского пола, всегда была корова, а иногда две, несколько овец, 1–2 поросенка и т. п. В 1890-е годы он жил в Горбунове Дмитровского уезда Московской губернии и служил управляющим фабрики. Село Горбуново было расположено около Хотьково. В нем на левом берегу р. Пажа на месте находившегося здесь фарфорового завода Кузнецова, а затем проданного А.Г. Попову, была в 1875 году создана промышленником Фоминым ткацкая фабрика «Товарищество Горбуновской мануфактуры», которую в 1894 г.

приобрел крестьянин С.А. Сазонов. Фабрика занимала территорию около 11 га, на ней трудилось до 800 рабочих, была оснащена самоткацкими станками, производила различные бумажные и полушерстяные ткани, процесс производства был круглосуточный с 12-часовым рабочим днем и двумя перерывами на завтрак и обед.

В своих воспоминаниях сын П.В. Махонина, Константин Павлович писал: «Отец не имел образования, соответствующего его положению, но был очень способным человеком. Он умел всё: разбирался в машинах, хорошо знал столярное и слесарное ремесло, отлично знал все сельскохозяйственные работы и машины. Имел много инструментов для всяких надобностей. Умел шить на ручной швейной машинке. Он вообще был человек крупного масштаба. Если покупал пшеничную муку, то не на фунты, а так, чтобы её хватило на целый год. Если из Бронниц привозил колбасу, то не 0,5–1 кг, а целый круг толстой колбасы весом килограмма 4. На Пасху или Рождество отец приготовлял ветчину, это значит 2 окорока от крупных поросят, весом не 2–3 кг, а 20! В праздники ветчина появлялась на блюдах, нарезанная не ломтиками тонкими до прозрачности, а ломтями толщиной около 1 сантиметра. И не было у нас обыкновения отделять малышам на тарелочки. В праздники ешь досыта, ну а в будни переходи на щи да кашу – пищу нашу. Отец говорил мало. Да ему этого и не требовалось. Его внушительный вид с огромной бородищей, в очках (кажется, во всём селе никто, кроме отца, не носил очков) действовал на нас устрашающе. Следует сказать, что он нас не бил. У отца была великолепная память. В большие праздники по просьбе попа отец читал в церкви «Апостол», для чего нужно было знать церковно-славянский язык. В долгие зимние вечера читал произведения русских и иностранных писателей, которые издавал и высылал своим подписчикам журнал «Нива». Он был членом церковного хора.

В последующие годы П.В. Махонин перешёл работать управляющим небольшого химического завода братьев Фоминых в Покровском уезде Владимирской губернии. Фомины знали П.В. Махонина ещё тогда, когда он работал у них на Горбуновской текстильной фабрике, и, видимо, высоко ценили его деловые качества как управляющего. Завод со всех сторон был окружён хвойным лесом. Жил он в большом красивом доме, с двух сторон которого были цветочные клумбы с беседкой. Дом был обнесён забором из тонких планок и выкрашен. У отца, как управляющего завода, было много работы. Ему помогал старший сын Алексей, который работал конторщиком. По воскресным дням отец ездил к своим знакомым, чаще всего в Покров, где его считали

уважаемым гостем, потому что рабочие завода все продукты покупали в его магазине.

После продажи Фомиными завода (1900) отец решил заняться сельским хозяйством в Зелёной Слободе. Купил лошадь. На дворе отец устроил верстак и делал собственноручно нужный инвентарь: телегу, длинный воз для перевозки сена, овса, навоза и т. п. Выполнял различные заказы: чинил вёдра, замки, косы, насаживал окосья. Точил ножницы, ножницы для стрижки овец, серпы и т. п. Бесплатно оказывал первую медицинскую помощь. Даже удалял зубы, занозы. Отец был непьющим и некурящим. Не очень сильный физически, он, однако, во время сенокоса с честью выдерживал темп работы, перед обедом выпивал рюмку водки. Он был Мячковским волостным судьёй Бронницкого уезда. Как видно, наш отец был человеком талантливым и родись он на полстолетия позже, стоял бы на высших ступенях общественной лестницы.

Наша мать заботилась обо всём: о детях, о хозяйстве, создавала атмосферу действительного дома, куда всегда на праздники стремились все, начиная от старшей сестры Саши (А.П. Жмотовой) и, благодаря маменьке сохранившая привязанность к нашей семье. Отношения отца к брату Константину (Константин Васильевич Махонин, его жена – Мария Семёновна Ляпунова, р. 1859 г.) были не только натянутыми, а скорее враждебными. Как они возникли, я не знаю. Знаю только, что дядя Константин нас не жаловал, а бабушка, сухая и злая старуха, ненавидела весь мир. Дед, Василий Ильич (В.И. Махонин-старший. – *В.Б.*), был значительно покладистей и хотел, видимо, быть связующим звеном двух семей. В долгие зимние вечера дед иногда появлялся у нас и приносил нам мёрзлые яблоки, которые мы очень любили. Мать была с ним ласкова, и дед относился к ней хорошо. Однажды во время обедни дед вызвал маменьку из церкви, привел её на кладбище около церкви и указал на могилу. На ней лежал в виде памятника шар, который годами валялся у разрушенной плотины старой мельницы на Пахре до тех пор, пока дед не нашёл ему надлежащего и оригинального употребления. Дед сказал матери, что он катил этот шар всю ночь. Кто был похоронен в этой могиле, я не знаю, может мой прадед (Илия Махонин. – *В.Б.*)».

С того времени прошло больше века. На сельском кладбище около могилы Ивана Константиновича Махонина лежит вытесанный из камня идеальной формы шар диаметром более 50 см. Сюда его, выкрасив белой краской, привёз Р.М. Махонин. Он рассказал, что этот шар много лет лежал около дома его бабушки, Л.А. Киселёвой, в котором жили когда-то её прапрадед,

Василий Ильич, и прадед, Константин Васильевич, Махонины. В 1930 годах, когда разоряли приходское кладбище, видимо её дед, Иван Константинович (1880–1958 гг.), перекатил этот шар к дому, чтобы сохранить родовую реликвию. Потом его, рабочего-станочника московского завода «Серп и Молот», репрессировали. В тюрьме, лагерях и на северных поселениях он находился 26 лет. Вернувшись после реабилитации в село, он прожил только один год, и перед смертью попросил внучку, чтобы памятник-шар положили на его могилу. Эту просьбу и выполнил его прапраправнук.

У Павла Васильевича и Пелагии Кузьминичны Махониных были дети: Александра (1876–1957), Евдокия (1878-?), Алексей (1880–?), Александр (1882–1954), Василий (1884–1974), Сергей (1886-?), Федор (1888-?), Константин (1892–1970) и Клавдия (1893–1972). Сыновья были сильно привязаны к деревне. После смерти матери (1905) у них возникла идея постройки нового дома. Под руководством отца они затеял постройку очень просторного дома, квадрат со стороной 8,5 м. Срубить бревна от разобранной речной баржи они наняли артель плотников, так как бревна этой длины были тяжелы, очень толстые. Артель изготовила окна и двери, положила потолочные балки и потолок, поставила слеги для крыши. Крыша была покрыта кровельным железом. Пол Павел Васильевич сделал из аршинных квадратов с рейками между ними, так что получилось вроде паркета. Перегородками дом разделили на три комнаты. Была сложена печка так, чтобы обогревала все комнаты. Новый дом был приставлен к старому. Его выкрасили светло-зелёной масляной краской. В таком доме могла разместиться большая семья. «Постройка дома была последним подъёмом энергии этого кипучего человека – мастера на все руки» – вспоминал об отце сын, Константин Павлович Махонин. После смерти отцом (1922) в этом доме жил его сын Василий Павлович Махонин. В годы первой Мировой войны он унтер-офицер, был награжден Георгиевским крестом. Потом красноармейцем участвовал в Гражданской войне. Вернувшись в Зелёную Слободу, жил в отцовском доме. По воспоминаниям односельчан, Василий Павлович был замечательным человеком, уважительным, гостеприимным, помогал бедным сельским жителям. В 1930 году, во время коллективизации зажиточные семьи: Василия Павловича Махонина, Ивана Константиновича Махонина и Николая Михайловича Ляпунова были раскулачены. Как вспоминала А.К. Петрова (Махонина): «Сослали самых умных и головастых, ломовиков». Раскулаченного В.П. Махонина с женой и тремя детьми сослали под Караганду (Казахстан), где они работала в

шахтах. Красивый дом Павла Васильевича, в 4-е окна с витражами на дверях отобрали и использовали под колхозный детский сад. Потом его перевезли в соседнее село Еганово для конторы колхоза «Заветы Ильича». В конце XX века, в ходе «демократических» преобразований, развала СССР и сельского хозяйства контору колхоза – дом Махониных продали под дачу частному лицу. Он стоит и по сию пору, уже в XXI веке.

Деловые люди в своей округе, как правило, знают друг друга. Павел Васильевич Махонин, управляющий Горбуновской текстильной фабрикой в Хотькове, безусловно, знал мельника Семёна Кузьмича Жмотова из д. Охотино на р. Торгоше. Деревня и фабрика находились близко, на расстоянии 15 км. На современной карте Подмосковья деревня Охотино находится юго-восточнее Сергиева Посада. Если ехать к ней из Москвы по Ярославскому шоссе, то за селом Воздвиженское на 63 км объездного участка дороги нужно свернуть вправо в направлении д. Зубцово. За мостом через речку Торгоша, миновав д. Зубцово и Еремино бетонное шоссе заканчивается неожиданно, сразу за дорожным знаком «д. Охотино». Слева на пригорке крохотная деревенька. В ней одна улица, в яблонях и вековых деревьях семь старых домов типичной для Подмосковья крестьянской постройки. Лето. Солнечный день. Деревня будто греется на солнышке. Справа от шоссе широкий луг, спускающийся вдаль к реке Торгоше. За рекой высокий крутой берег, заросший густым преимущественно хвойным лесом. В деревне и кругом тишина.

В середине деревни у колодца повстречалась подвода. На вопрос: «Есть ли в деревне Жмотовы?» – возница, парень лет 25–27, ответил: «Есть!» – и указал на два дома, стоящие друг против друга при въезде в деревню. Разговорились. Живет здесь, «фермер-не фермер». Продал свои «Жигули», купил лошадь-кобылу, телегу и сани. Упряжь старая, в узлах и веревках. – «Новая упряжь стоит дорого, на неё денег не хватило. Везу молоко дачникам». В телеге три полных трехлитровых банки. Другие дома в деревне: Юдиных, Шашковых, Милягиных и Успенских.

Во время разговора с парнем-«фермером», как выяснилось потом из рода Успенских, к колодцу с коромыслом и вёдрами подошла среднего роста женщина старше 50-ти лет. Парень, повернувшись в её сторону, сказал: «Вот Жмотова!» Мы познакомились, присели на скамейку у колодца. Подошли другие жители деревни. Жмотова (это её девичья фамилия) с любопытством стала рассматривать фотографии, которые были у меня. На одной из них она узнала свою бабку. Но когда и где была сделана фотография и кто ещё с ней сфотографирован, она

точно не знала. Вообще получился странный разговор. С одной стороны, женщина проявляла сдержанное любопытство. Но на задаваемые вопросы о своих предках отвечала с подозрением и опаской, будто думая, как бы чего не вышло, односложно, чаще «может быть, нет, не знаю», тогда, как её соседки были словоохотливее. Такие разговоры в процессе сбора материалов о роде Махониных – Жмотовых были не раз и с другими. Создалось даже впечатление, что соседи знают о нас больше, чем мы сами о себе. Ни в этот раз, ни в другие встречи женщина с коромыслом у колодца так и не пригласила в свой дом. Ну да Бог с ней! Хотя как выяснилось позже она и не так уж и далёкая нам родственница. Но были и другие случаи, когда собеседники вдруг говорили: «Вы нас-то не забудьте, мать у нас Жмотова!»

Крестьяне деревни Охотино и ещё 16-ти деревень в 1752 году составляли приход церкви Успения Пресвятой Богородицы и святителя Николая села Подсосенье (Подсосино – современное название. – *В.Б.*) Радонежской десятины Московского уезда. Из них 13 находилось в вотчине Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Во всех деревнях насчитывалось 127 дворов. Монастырские крестьяне платили десятую часть урожая (дохода) Лавре.

Историки утверждают, что заселение славянами Радонежского края, расположенного в междуречье Вори и Торгоши, началось в XII–XIII веках. С этими местами связана деятельность преподобного Сергия Радонежского. На горе у села Воздвиженское в 1380 году он благословлял Дмитрия Донского и его войско на Куликовскую битву. Отсюда в 1612 году уходили ратники Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского на бой с польско-литовскими захватчиками Лжедмитрия II освобождать Москву. В Радонеже (с. Городок) предположительно родился великий иконописец Андрей Рублев. Эти места намолены многими поколениями российских православных, паломниками, монахами, священниками и иерархами церкви. Во время знаменитой длительной осады Лавры (1608–1610) польско-литовскими захватчиками село Подсосенье с церковью Успения и располагавшийся при ней «под сосною» Богородицкий женский монастырь были сожжены. Церковь была восстановлена в 1616 году и освящена одним из самых почитаемых настоятелей Троице-Сергиевой лавры архимандритом Дионисием. Она простояла более 200 лет. В ней в конце XVIII века были крещены священником Петром Васильевичем Лавровым и первые из рода Жмотовых.

С восшествием на престол императрицы Екатерины II и проведённой ею секуляризации монастырских владений Охотино и ещё 12 деревень с землёй и крестьянами были переданы в

вотчину господ Грузиновых. Грузиновы происходят из донских казаков. Их далёкие предки, носившие фамилию Намчевадзе, пришли из Грузии на Дон, здесь осели и приобрели фамилию – Грузиновы. В списке благородных дворян Дмитровского уезда за 1815 год значатся сыновья коллежского регистратора Осипа Романова Грузинова: Афанасий Осипов, штаб-ротмистр, Николай Осипов, артиллерийский поручик, и Роман Осипов Грузинов. Кроме них у Осипа Грузинова были еще два старших сына: Евграф и Петр, офицеры гвардейских Гатчинских полков Павла I. Оба они участвовали в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов. Казачий старшина Донского Войска Евграф Осипов Грузинов сражался с татарами на Кубани, а его брат Петр отличился в штурме турецких крепостей Очаков и Измаил, за что получил золотой крест и орден Св. Георгия Победоносца 4 степени. В 1793 году Евграф Осипов Грузинов попал в Петербург, где начав службу при наследнике престола Павле Петровиче, быстро становится полковником, получает орден Св. Анны двух степеней. Но решительно отказался принять пожалованные Павлом I десять тысяч десятин земли с одной тысячей крепостных крестьян Московской и Тамбовской губерний. Он перестал посещать храмы и отказался выполнить государев приказ подавить бунт крестьян. В результате был заключен в подземный каземат Ревельской крепости. В 1798 году его отправили в Черкасск под негласный надзор войскового атамана. Евграф и, прибывший за ним в Черкасск, брат Петр жили «тихо и добропорядочно». Но через некоторое время царю и атаману стало известно, что братья Грузиновы разрабатывают «проекты, клонящиеся к нисвержению существующего государственного устройства». Весной 1800 г. войсковой атаман распорядился провести у Грузиновых обыск, результаты которого ошеломили его. Оба брата в тот же день были арестованы. На основании разбирательства двух военно-судных комиссии в августе того же года Павел I утвердил приговор: «Исключённого из службы полковника Грузинова 1-го за измену против нас и государства повелеваем, лиша чинов и дворянства, наказать нещадно кнутом, а имение его отписать в казну». Подобный приговор был вынесен и Петру Грузинову. Приговоры были приведены в исполнение в Черкасске. Евграф Осипов Грузинов был наказан кнутом столь нещадно, что «оной изверг Грузинов через два часа лишился жизни». Петру после наказания кнутом, вырвали клещами ноздри и раскаленным железом на лбу и щеках выжгли клейма. Спустя некоторое время он скончался. «После смерти Павла I новый император Александр I указом от 9 апреля 1801 г. возвратил имение полковника Грузинова, состоящее в городе Черкасске и его

младшим братьям Роману и Афанасию, которые были возвращены в гвардию, дослужились до больших чинов и дожили до глубокой старости».

У Афанасия Осипова Грузинова были дети: Евграф, Петр, Полексина (в замужестве Монакова, действительная статская советница), Глафира (с 1838 г. в замужестве Юшкова, титулярная советница) и Клеопатра (с 1840 г. в замужестве Макарова, коллежская секретарша). В течение жизни Грузиновых некоторые деревни были в их совместном владении или переходили от одного к другому члену семьи. После замужества Клеопатры Афанасьевны Макаровой (Грузиновой) деревня Охотино полностью перешла в её владение, а потом её сыну, поручику Николаю Сергеевичу Макарову.

По десятой народной переписи 1858 года в деревне Охотино Митинской волости Дмитровского уезда проживало 6 дворовых и 27 ревизских душ крестьян мужского пола. В соответствии с реформой, отменой крепостного права императором Александром II, по уставной грамоте № 991 от 12 ноября 1862 года усадьба относилась ко второму (высшему) разряду на том основании, что «деревня Охотино не ограничивается одним земледелием, а доставляются крестьянам выгоды от извоза…». Всей земли в пользовании крестьян было 94 десятины и 1237 сажени. Местным Положением для крестьян деревни был определен высший размер душевого надела – 3 д. 1200 с. (4,93 га. – *В.Б.*). Полученные наделы крестьяне обязаны были выкупать. Выкупная сумма за всю землю крестьянского общества составляла по тем временам очень большую сумму – 1125 рублей. До выкупа крестьяне назывались временно обязанными домохозяевами и несли в пользу помещика оброк в размере 10 рублей в год с каждого душевого надела (в 1897 г. корова стоила 9 руб.). За исправное отдание повинностей всё общество отвечало круговой порукой. Кроме того, деревня имела одну ратническую квитанцию. Акт о пересмотре в 1875 г. размера оброка помещику Н.С. Макарову за домохозяев, крестьян Федора Леонтиева, Василия Егорова, Козьму Никифорова (Жмотова), Гавриила Петрова, Мирона Ильина, Константина Никифорова (Жмотова) – неграмотных, подписал той же деревни Охотино домохозяин Ксенофонт Симеонов (Жмотов). По уставной грамоте рыбная ловля в протекающей здесь речке Торгоше и охота на дичь оставалась в непосредственном пользовании помещика.

По исповедальным ведомостям прихода церкви Успения Пресвятой Богородицы села Подсосенье удалось установить, что в деревне Охотино в 1753 году было 6 дворов. Кто из живших в них положил начало роду Жмотовых, предстояло выяснить,

вычислить. Почему вычислить? Дело в том, что метрические книги и их копии, исповедальные ведомости, которые содержат необходимые данные, за многие годы не сохранились или, из-за их ветхости, архив на руки не выдает. Во-вторых, полнота данных во многом зависит от священника и грамотности дьячка, которые вели эти книги. Они не всегда придерживались принятого порядка записей. Прежде всего, это касается указания фамилий крестьян, имен и отчеств их жен, возраста. В метрических книгах церкви Успения села Подсосенье записи о бракосочетании имеются только с 1830 года. А фамилии крестьян указывали постоянно только с конца 80-х годов XIX века. В начале этого века вместо имени и отчества жен писали просто «его законная жена». Возраст умерших записывали «со слов» родственников. Поэтому расхождения, если сравнивать с метрическими записями, сделанных во время их рождения, составляют иногда 3–6, а то и более лет. То же самое встречается и с указанием возраста в исповедальных ведомостях. В-третьих, некоторые крестьяне, мещане получали фамилию при бракосочетании или со временем менялось её написание. У некоторых людей по их просьбе фамилии образованные от прозвищ или по другим причинам изменялись на благозвучные (вопросами установления фамилий ведала губернская Казенная палата. – *В.Б.*). Так, например, у потомков крестьянина д. Охотино Петра Иудина фамилия за полтора века (1750–1900 гг.) писалась в метрических книгах как Иудин – Июдин – Юдин. Фамилию Жмотов писали иногда и как Жматов.

Фамилия Жмотов впервые упоминается в метрической книге церкви Успения села Подсосенье за 1832 год. Её получили дети крестьянина деревни Охотино Никифора Федорова, то есть Никифора сына Федора. Теперь предстояло выяснить, когда родился Федор, и кто были его родители. По записям в исповедальных ведомостях удалось установить, что в деревне Охотино в период с 1747 по 1762 год было четыре Федора: Фёдор Леонтиев (р. 1741 г.), Фёдор Евдокимов (р. 1749 г.), Фёдор Иванов (р. 1754 г.) и Фёдор Евдокимов (р. 1762 г.). Наиболее вероятным отцом Никифора Фёдорова, положившего начало роду Жмотовых, является Фёдор Леонтиев. Последующее исследование архивных материалов позволило точно установить предков Жмотовых из деревни Охотино Митинской волости Дмитровского уезда Московской губернии. Ими были: Леонтий Иванов (р. 1694 г.), крестьянин д. Охотино, вотчины Свято-Троицкой Сергиевой лавры; Федор Леонтиев (р. 1741 г.), крепостной крестьянин д. Охотино, с 1774 г. вотчины штаб-ротмистра Афанасия Осипова Грузинова; Никифор Фёдоров Жмотов (р.

1776 г.), крепостной крестьянин д. Охотино, вотчины помещицы Клеопатры Афанасьевой Макаровой (Грузиновой); Козьма Никифоров Жмотов (1819–1898), крестьянин, после отмены крепостного права временнообязанный домохозяин д. Охотино, платил оброк помещику Н. С. Макарову; Симеон Козьмин Жмотов (1844–1915), добросовестный домохозяин д. Охотино Митинской волости Дмитровского уезда, мельник-арендатор мельницы на р. Торгоше. От двух браков у него было 10 детей: от первого: Павел (1870–1921), Евдокия (р. 1873 г.); от второго: Александра (р. 1886 г.), Марина и Евдокия (близнецы, р. 1888 г.), Егор (Георгий, 1890–1945), Сергей (р. 1892 г.), Анна (1894–1961), Екатерина (р. и ум. 1895 г.), Михаил (1898–1942) и Мария (1900–1977). Мельник Семен Козьмин Жмотов был невысокого роста, «суров, но не злоблив», неграмотный, пользовался уважением местных крестьян, при встрече они снимали в приветствии шапку и кланялись ему. Его земельный надел на 5 душ мужского пола составлял 24 гектара.

Одним из поводов для знакомства С.К. Жмотова и П.В. Махонина могли быть рекомендации последнего о покупке мельником жерновов. Их самых лучших в России, натуральных высокого качества производили в селе Верхнее Мячково Бронницкого уезда. Видимо, с целью укрепления деловых связей эти отцы решили поженить своих старших детей. Павел Васильевич Махонин сказал, и старшую дочь Александру, которой шёл только 17-й год, выдали замуж. Она этого очень не хотела. Но бракосочетание не по любви, а по расчету родителей состоялось 22 февраля с.с. 1893 года. В этот день в церкви Успения Пресвятой Богородицы и Святителя Николая села Подсосенье венчали крестьянина деревни Охотино Митинской волости Дмитровского уезда Павла Семёновича Жмотова, 23 лет, православного вероисповедания и Александру Павловну Махонину, крестьянскую дочь села Зелёная Слобода Мячковской волости Бронницкого уезда Московской губернии. Рассказывают, что невеста была стройна и высока, очень красива, с небесно-голубыми глазами и с тёмно-русой косой, спускавшейся ниже пояса. Со стороны жениха поручителями были: дядя, двоюродный брат отца, московский мещанин Василий Тимофеевич Жмотов и крестьянин деревни Еремино Николай Алексеевич Смирнов. За невесту поручались брат её отца Пётр Василиев Махонин и брат невесты Алексей Павлов Махонин. Обряд совершали священник Косма Казанцев с дьячком Николаем Лебедевым и псаломщиком Михаилом Успенским. Запись в метрической книге свидетельствовал Сергиево-Посадской Успенской церкви Благочинный священник Николай Иванович Фаворский (1820–

1901 гг. – *В.Б.*) (ЦИАМ, ф. 203-780-2136, т. I). Жених привёз невесту в дом отца в деревню Охотино. В соседней деревне Еремино он арендовал мельницу. В тот же год, в декабре, родилась дочь, а потом с периодичностью 2–3 года ещё десять детей: Татьяна (1893–1965), Клавдия (1895–1974), Дмитрий (1897–1983), Николай (1901–1919), Владимир (1903–1942), Александра (1905–1985), Мария (1907–1987), Виктор (1909–1981), Анатолий (1911–1930), Валентина (1914–1973), Елизавета (1916–1999).

В 1901 году Павел Семёнович с семьей уехала из деревни. Он поступил работать управляющим имения майора Николая Петровича Кисель-Загорянского (1844–1904). Оно находилось на левом высоком берегу реки Клязьмы в древнем селе Образцово Богородского уезда (ныне Щелковского района). Сохранилось предание. Будто бы царь Петр I, охотясь летом в подмосковном лесу, примыкавшем к массиву Лосиного Острова, вышел к одинокому дому. У появившегося из дома крестьянина уставший, разморившийся от солнца царь попросил дать чего-нибудь попить. Тот вынес киселя, который очень понравился царю. В благодарность Петр I отдал этому крестьянину угодья, ближайшие к его дому, и прозвал Киселём. Рядом с сельской церковью Рождества Богородицы сохранилась конюшня. Согласно преданию царь Петр I менял здесь лошадей, когда ездил в село Глинки к своему сподвижнику графу Брюсу Як. В. (1670–1735). В последующие годы один из потомков того крестьянина, Кисель-Загорянский, стал строителем Ярославской железной дороги. В его честь был назван полустанок – «Кисель-Загорянский» (ныне «Загорянская») Монинской ветки.

После смерти Н.П. Кисель-Загорянского в 1904 году Павел Семёнович Жмотов переехал с семьёй в Сергиев Посад и поселился в очень старом, принадлежавшем его отцу, доме № 99, который стоял на перекрестке Болотной и Вознесенской улиц. Как рассказывала Клавдия Павловна Макарова (Жмотова), отец имел ещё один дом, 2-этажный на привокзальной площади, где начинается Кооперативная улица. В Сергиевом Посаде Павел Семёнович занимался извозными работами. Имел несколько десятков лошадей и до 20 наёмных работников. Они зимой рубили лёд и возили его для холодильников в Москву. Извозчиками работали опустившиеся люди разных сословий. Жили они на первом этаже дома. Кормила их Александра Павловна, поэтому всё время у неё уходило на приготовление пищи для большой семьи и многочисленных работников. По выходным дням рабочим устраивали баню, к ним приезжали родители и родственники. К 1917 году П.С. Жмотов состоял

купцом 2-й гильдии, был гласным городской думы. К.П. Макарова (Жмотова) рассказывала, что отец несколько раз проигрывал в карты дом на Кооперативной улице. «Саш, собирай детей, поехали в старый дом (на Вознесенской ул. – *В.Б.*)», – говорил он жене, после очередного проигрыша. С её слов он любил посидеть в кабаке. Иногда извозчики приходили и говорили: «Пал Семёныч в кабаке, просит его забрать».

С началом Русско-германской войны (1914 г.) даже состоятельные люди, к которым тогда можно было отнести семью П.С. Жмотова, стали испытывать материальные трудности. После революций 1917 года материальное положение стало ещё хуже. Как представитель от районов города П.С. Жмотов был избран членом Распорядительного собрания, а потом Совдепа 1-го созыва Сергиева Посада. С 1918 года в стране гражданская война, разруха. В Сергиевом Посаде безработица, голод, свирепствует тиф. После смерти С.К. Жмотова охотинская мельница по завещанию перешла его старшему сыну от первого брака, Павлу Семёновичу Жмотову. Его семья переехала жить в дом, который находился рядом с мельницей. В 1919 г. мельницу кто-то ночью поджог. Семья с 9-ю детьми еле успела выбежать из горящего дома. Мельница сгорела дотла вместе с постройками и домом, жёрнова лопнули. В конце 1920 года П.С. Жмотов мельницу восстановил, но когда вёз из Москвы купленные там новые жёрнова, заболел тифом и вскоре, 1 января 1921 года скончался. Семья оказалась без кормильца, мельницу национализировали. Старшие дочери Татьяна и Клавдии замужем, сын Дмитрий на Гражданской войне. У вдовы, Александры Павловны на руках ещё семь маленьких детей. Было от чего вдове прийти в отчаяние.

Начались годы выживания и становления детей. Они росли вместе с только, что родившимся новым государством – Союзом Советских Социалистических Республик, образованным в декабре 1921 года. Александра Павловна преодолела все невзгоды и трудности. Ещё до революции её дети учились в гимназии и реальном училище. В трудные 1920-е годы вдова предприняла всё, чтобы дети не бросили учебу. Она, как мудрая женщина, «видевшая далеко вперед», знала, что образование – верный, надёжный путь к защите детей от невзгод, с которыми они могут встретиться в жизни. Этому способствовало и то, что в эти годы власти Сергиева много делали для организации эффективного школьного, ремесленного и специального образования. Прорыв к высшему образованию первой в роду крестьян Жмотовых сделала Татьяна Павловна. Ещё до революции она окончила Сергиевскую гимназию, потом Высшие административные курсы связи, а в 1934 году – Плановую академию. Её братья Дмитрий и Виктор

окончили высшие учебные заведения, сестра Мария – техникум, а остальные, кроме Клавдии, неполную среднюю школу. В последующие годы из 17 внуков Павла Семёновича семь окончили средние специальные, и пять – высшие учебные заведения. Из 33 правнуков 19 – выпускники самых престижных вузов СССР, двое стали кандидатами наук. Стремление к знаниям является характерной чертой большинства представителей рода Махониных-Жмотовых.

В семье не принято было говорить о болячках и жаловаться на судьбу. Со стороны создавалось впечатление, что у этих Жмотовых всегда всё хорошо. Дети Александры Павловны были трудолюбивы, активно энергичны и общительны, рано начали работать, с 14–16 лет. Каждый из них при уходе на пенсию имел трудовой стаж более 40 лет. Они обладали ярко выраженными лидерскими чертами характера, доставшимися им по наследству от дедов: С.К. Жмотова и П.В. Махонина. Поэтому возможно не случайно на производстве все они были руководителями: начальниками смен, участков, цехов, отделов и управлений. При этом, если Татьяна, Клавдия, Дмитрий, Мария и Елизавета свои убеждения, позиции и решения отстаивали жёстко, подчас бескомпромиссно, не считаясь иногда с мнением других, в резких и образных выражениях, то Александра, Виктор и Валентина проявляли большую гибкость, дипломатичность в проведении своей линии и в отношениях с подчиненными.

В русских семьях всегда существовал строгий порядок – старшие дети обязаны во всем помогать младшим сёстрам и братьям. Это «правило» естественным образом действовало и в многодетной семье Жмотовых. Сёстры и братья цепко держались друг друга и в последующие годы. Они пронесли любовь друг к другу через всю свою жизнь.

В 1944 году Александра Павловна Жмотова (Махонина) была награждена орденом «Материнская слава». До середины 1950-х годов она жила в Мамонтовке, у дочери Елизаветы Павловны Еремеевой. Туда «на дачу» к бабушке её дети привозили на каникулы внуков. Они её спрашивали: «Бабушка! Почему у тебя щи такие вкусные?» «Потому! Что когда их варю, я молитву творю!» – отвечала она. Бабушка любила теплым летним вечером посидеть с внуками у дома. Глядя на небо, она часто рассказывала им про звёзды и созвездия. И создавалось впечатление, что по небу, как по лугу, гуляет русская крестьянка, неспешно собирающая букет немеркнущих звёзд. Внуки и правнуки вспоминают: «Когда Александра Павловна приезжала в Москву на Остоженку к сыну Владимиру и дочери Марии, где они жили в одном доме со своими семьями, то, поздоровавшись с

сыном и зятем, она обычно доставала из кармана своей длинной юбки «рублёвец», и говорила: «Ребята, вот вам рублик, пусть жёны добавят, купите четвертинку». И добавляла: «На том свете кабаков нет. Выпейте здесь что можно».

Последние годы она жила у своей дочери К.П. Макаровой в Загорске. Как-то правнук спросил Александру Павловну, тогда ей было под 80 лет, почему она в церковь не ходит. «В церкви попы, они люди, а люди ошибаются. Бог должен быть в душе и сердце», – ответила она. Перед смертью Александра Павловна попросила позвать священника исповедаться. Просьбу матери и бабушки родственники, которые были в то время в доме, обсудили, решая как поступить. Ведь многие из них были коммунистами, а их общение с церковнослужителями противоречило партийным уставным требованиям. Обсуждали недолго, за священником послали беспартийную внучку. Когда он приехал из Лавры, всех попросили выйти из дома. Что говорила Александра Павловна священнику, неизвестно. Но при выходе из дома он сказал: «Ваша мамаша – святой человек».

Скончалась Александра Павловна Жмотова (Махонина) 6 августа 1957 года, похоронена на Ваганьковском кладбище. Рядом могилы её детей, зятьёв, невесток и внуков. Неподалеку, на Есенинской аллее, покоится её брат, Александр Павлович, и сестра Клавдия Павловна Махонины. Её брат, Константин Павлович Махонин, бывший старший машинный унтер-офицер, в революцию комиссар миноносца «Молодецкий» Балтийского флота, покинувший Россию в 1918 году, живший и учительствовавший в Чехословакии, писал: «Она умела быть бодрой и оптимистической при всяких невзгодах и сохранила эту способность до конца своей жизни». После смерти под подушкой её кровати нашли Псалтирь (изд. 1898 г.), в котором А.П. Жмотова хранила фотографию своего отца, П.В. Махонина. Как вспоминают внуки, Александра Павловна читала этот Псалтирь, уединившись в своей комнате, стоя на коленях перед Казанской иконой Божьей Матери. Этой иконой, очень древней, она была благословлена своей матерью при венчании. Икона сохранилась и в 1990-х годах отреставрирована в Троице-Сергиевой лавре. В том Псалтири рукой Александры Павловны сделана надпись «… читать 80-й псалом», который начинается словами: «Радуйтеся Богу Помощнику нашему…». Этот псалом читается в благодарность за всякое благодеяние Божие. А также имеется закладка на молитве Давиду, псалом 85, который читается в обстоятельствах, чтоб Господь услышал молитву твою.

В XX веке род Махониных-Жмотовых пополнился новыми поколениями. Первый внук А.П. Жмотовой (Махониной) родился

в 1919 году, их 17 человек. Бурные годы этого столетия, насыщенного многими историческими и трагическими событиями в жизни России, не сломили детей и внуков Павла Семеновича и Александры Павловны. Они были не сторонними наблюдателями, а активными участниками: Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны; учились, работали, организовывали и руководили производством, строили дороги и аэродромы, добывали золото Колымы, обеспечивали почтово-телеграфную связь, работали с инвалидами; в грозные годы Великой Отечественной войны все они встали на защиту Родины на фронте и в тылу. Все они награждены орденами и медалями СССР. Первый правнук родился в 1939 г., их 33. Правнуки Махониных-Жмотовых носят 17 фамилий. Прапра – и – прапраправнуков к 2006 году ещё только 50 человек. Как-то среди внуков и правнуков А.П. Жмотовой (Махониной) зашёл разговор: хорошо бы всех наших собрать вместе за одним столом. На что её старшая дочь К.П. Макарова сказала: «Нас много, пол Москвы наши», – и добавила – «Наши лучше всех!»

2. Как отдавали «Всю власть – Советам» в Сергиевом Посаде

Внук однажды спросили свою бабушку, Клавдию Павловну Макарову (Жмотова, 1895–1972), члена партии с 1930 г., ставшей вдовой в 1937 (её муж, В.А. Макаров, машинист паровоза на станции Сергиев был в партии с 1924 г. по «Ленинскому призыву»): «Зачем вы революцию устроили? Вы ведь не бедствовали. Твой отец, Павел Семёнович, в лисьей шубе ходил. С революцией вы всё потеряли. Работала всю жизнь, а пенсию получаешь меньше чем ученик на «Скобянке» (Загорский электромеханический завод)». Её старшая сестра Т.П. Жмотова, во время Октябрьской революции была зам. председателем Ревкома Московского центрального телеграфа. Обеспечивала двухстороннюю телеграфную связь между Советом Народных Комиссаров в Петрограде и Москвой и продвижение его распоряжений вглубь страны. Была член партии большевиков с января 1918 г., депутатом Моссовета и членом его Исполкома (1918–1919 гг.). Её младший брат, Дмитрий Павлович Жмотов, старший унтер-офицер после Февральской революции был секретарем Ревкома 42 дивизии на германском фронте. Он, член партии большевиков с июня 1918 г. и депутат Сергиевского Совдепа 3-его созыва. В первые годы Гражданской войны он командовал в Сергиеве караульной ротой, с которой участвовал в подавлении савинковского мятежа в Ярославле. Затем с курсов бывших унтер-офицеров был досрочно аттестованным красным командиром отправлен в Особую группу Южного фронта, где в Хвалынске участвовал в формировании 21 дивизии. Она с боями прошла от г. Балашова до Ростова-на-Дону, уничтожая махновцев и антоновцев, громя части армии барона Врангеля. С особым добровольческим батальоном им. Моссовета в составе 9-ой Кубанской армии он участвует в ликвидации английского десанта в Керченском проливе. За успешные боевые действия Д.П. Жмотов был награжден С.М. Будённым именным оружием. На тот вопрос К.П. Макарова ответила: «Кто не жил при капитализме, тот не знает что это такое. Мы-то жили, а другие бедствовали. Мы боролись за лучшую жизнь. Мы боролись не за то, что построили».

На календаре 7 ноября. Для одних это черный день большевистского переворота в России, для других – красный день начала новой социалистической эры. Это день Октябрьской социалистической революции. Мы живём уже в XXI веке. И нам

важно знать всё, что связано с этой датой, от непосредственных участников и очевидцев, которые находились в центре событий, не только в Питере или в Москве, а и в нашем городе и селе. Знать ещё и для того, чтобы не повторять горьких ошибок.

Историческим событиям октября 1917 г. предшествовала Февральская буржуазная революция, в результате которой было свергнуто царское самодержавие в России. Как свидетельствуют очевидцы, «Сергиев посад… февральскую революцию встретил восторженно. Она здесь приняла ярко выраженный «демократический» характер, сохранившийся ещё долго после Октябрьских дней». Для руководства городской жизнью в духе нового демократического строя 2 марта 1917 г. в Сергиевом Посаде был выбран и открыл 1-е заседание Распорядительный комитет, сменивший Собрание уполномоченных. В него вошли более 100 человек, представители всех слоёв населения. В Распорядком принимали всех, кого только присылала какая-либо группа граждан. Он «… с первых же шагов своих сделался в Сергиевом Посаде более авторитетным среди населения… его поддерживала и Лавра… в лице архимандрита Кронида», он взял на учёт продукты: пшеничную, ржаную и пеклеванную муку, соль, сельди, сахар-рафинад и песок, пшено, гречневую и манную крупы, горох и мыло». А 18 марта им были введены карточки. На следующий день состоялось собрание 500 рабочих и ремесленников. В его резолюции по вопросу организации власти было отмечено «принимается желательность демократической республики…». На этом собрании было принято и предложение об образовании по волостям крестьянских Советов.

26 марта в собрании рабочих и ремесленников участвовало 250–300 человек. Оно избрало Сергиево-Посадский Совет рабочих депутатов в составе 34 человек. Первый Совет был разношерстным, в него вошли представители многочисленных, но мелких цехов города. Он мирно сотрудничал с Распорядительным комитетом, который осуществлял фактическую власть в городе. 3 апреля Совет возглавил Рыбаков, поручик 29 пехотного полка, расквартированного в городе с июля 1916 года. Он заявил «…в отношении некоторых членов комитета, в случае, если Комитет (Распорядительный – В. Б.) не примет представителей Совета в свой состав, следует принять репрессивные меры, о характере которых лучше, пожалуй, умолчать». Угроза подействовала. Распорядительный комитет 17 апреля принял в свой состав 24-х представителей Совета рабочих депутатов и объединившегося с ним Совета солдатских депутатов. В тот же день на особую Комиссию представителей Совета возложили учёт всех запасов продовольствия у монастырей и торговцев.

Положение с продовольствием становилось угрожающим. Была установлена норма отпуска черного хлеба 1/2 фунта (200 г) на человека. Через четыре дня было решено провести учёт запасов и у частных лиц. Первое крупное волнение в городе на почве голода произошло 10 мая. К складам поставили охрану, «… но, голод надвигался быстро и неумолимо». В мае Распорядительный комитет был распущен. В июле 1917 г.» для Сергиева Посада наступили трудные дни… голод». В конце июля (30) были проведены всеобщим, прямым и тайным голосованием всего населения города выборы в Думу.

По решению Временного правительства в конце августа в Сергиев Посад прибыли эвакуированные из Петрограда Электрокурсы (шестимесячное военное учебное заведение по подготовке младшего командного состава в специальных частях войск осуществляло обучение телеграфно-телефонному, радиотелеграфному, электромеханическому, минно-подрывному и минно-подводному делу). Их разместили на 4 этаже здания Духовной академии. Среди солдат Электрокурсов были коммунисты-большевики, которые оказали существенное влияние на ход последующих событий.

С получением известий о захвате в Петрограде власти большевиками Сергиевский Совдеп вынес резолюцию о поддержке Временного правительства. После октябрьского переворота крестьяне быстро организовали на местах Советы, а затем Комитеты бедноты, которые имели широкие полномочия по выяснению имущественного положения граждан и по распределению продовольствия. В декабре военный комендант Сергиева Посада, член РСДРП(б) Рейнвальд В.И. создал из добровольцев (5–8 чел.) отряд красногвардейцев, который нёс карательную службу.

К январю 1918 г. в Сергиевом Посаде сложилась уникальная ситуация, аналогов которой не было в Московской губернии. Существовала городская Дума, считавшая себя бесспорной законной властью. Существовал и Совдеп. Ревком, официально упразднённый, фактически оставался у власти, действуя от имени Совета. «Дума была бессильнее Совета», который собирал налоги. Но Совет не решался распустить Думу. «Только, когда к городскому Совету присоединился волостной Совет крестьянских депутатов, Сергиево-Посадский Совет рабочих и крестьянских депутатов заговорил о ликвидации Думы».

Процесс ликвидации городской Думы ускорился с прибытием в феврале 1918 г. из Петрограда Главного военно-технического управления армии и Электрошколы (Военная электротехническая школа выполняла задачу пополнения профессиональных знаний у

старшего командного состава войск связи и специальных электротехнических частей). Среди обслуживающего персонала и солдат ВЭШ было много революционно настроенных и коммунистов-большевиков. Был создан комендантский взвод, а затем из дезертиров, мобилизованных и добровольцев сформирована рота (командир Д.П. Жмотов). Она несла караульную службу.

На заседании 16 февраля Исполком Совдепа принял резолюция: «Ввиду того, что Сергиево-Посадская городская Дума не пользуется доверием Совета, а также и среди трудового населения посада, что Дума не работоспособна, что её функции находятся вне ведения Совета, Исполнительный комитет в принципе постановил ликвидировать Думу после надлежащей на то подготовки». Совет распустил городскую Думу 24 марта. Были проведены и перевыборы Совета. В новый состав вошли представители от районов города, которые оказались правыми и в большинстве в Совете. «Он проводил примирительную политику, поэтому население относилось к Совету и Ревкому доброжелательно».

В апреле 1918 г. состоялось первое заседание «кружка» по организации в Сергиевом Посаде Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков-коммунистов). До того в Сергиевом Посаде общегородской организации коммунистов не существовало. Собрание приняло решение о создании организации коммунистов, и ходатайствовать перед ЦК об её учреждении. С протоколом в Москву был послан Д. Никольский. Количество членов организации увеличивалось. Собрание коммунистов (19 чел.) 10 июля осуществило первый приём в действительные члены РКП(б). На общем собрании коммунистов, состоявшемся 22 августа 1918 г., был поставлен вопрос о реорганизации местной власти в городе. Действовавший Совдеп был признан кулацким и неправильно избранным, представлявший «… в своём большинстве мещан, кулаков и купцов… Собрание вынесло постановление: «Существующий Совдеп распустить. Вся власть в городе и прилегающих к нему окрестностях переходит полностью к коммунистической партии большевиков». Партия выделяет из своей среды ответственную перед ней Коллегию… – Революционный комитет «Ревком». В тот же день Совдеп был распущен. На следующий день утвержден новый состав Ревкома. В него вошли наиболее активные члены РКП(б). Взяв в свои руки власть, Ревком объявил, что его лозунгами являются: 1. Защита интересов бедноты и интенсивная работа по её организации; 2. Организация рабочих и крестьян; 3. Беспощадная борьба с контрреволюцией. При нём образовали

бюро по организации выборов в Совдеп 3-го созыва. Московский губернский Исполком, заслушав 24 августа 1918 г. сообщение о событиях в Сергиевом Посаде, постановил: «санкционировать роспуск Сергиевского Совдепа в виду его контрреволюционности и передать власть в посаде и районе его Революционному комитету впредь до перевыборов Совета и Исполкома согласно Советской Конституции». Ревком, оставшись единственным органом власти в Сергиевом Посаде, начал действовать вполне самостоятельно. Как отмечала газета «Трудовая неделя» почти половину городской организации составляли молодые, в большинстве случаев без всякого партийного стажа, коммунисты Военной электротехнической школы. «Они претендовали на роль первой скрипки в организации РКП(б)».

30 августа Ревком получил известие о покушении на В.И. Ленина. В ночь на 31-е он, совместно с приехавшими из Москвы представителями ВЧК, провёл повальный обыск всех жителей посада. При обыске кроме оружия было найдено много продовольствия. В процессе дальнейших обысков по району и объявленной добровольной сдачи было изъято несколько тысяч единиц разнообразного оружия, которое находилось у вернувшихся с фронта солдат и офицеров, а также у массы дезертиров.

В сентябре Продовольственной комиссией была закрыта частная торговля. Для обеспечения революционного порядка 12 сентября были взяты заложники из известных в городе граждан. На общем собрании коммунистов района 15 ноября 1918 года был впервые избран местный, а затем районный комитет партии, состав которого вплоть до окончания Гражданской войны, несколько раз менялся, в связи с тем, что многие коммунисты отправлялись на фронт.

В декабре 1918 г. направлен в ВЧК для заключения в концлагерь бывший волостной старшина. Граждане Сергиева Посада облагаются единовременным чрезвычайным Революционным налогом; разверстка от 1 до 800 тыс. рублей совзнаками. Ревналогом было обложено 323 человека. Налог был разложен и на монастыри, имения, а также на средних и зажиточных крестьян (от 200 до 600 руб.). Лавра должна была уплатить 17,5 млн. рублей. При участии Ревкома создается Совет профсоюзов. В 1919–1920 годах профсоюзы Сергиева сформировали 10 продотрядов, отправленных в другие губернии на заготовку продовольствия.

В начале 1919 г. городская газета опубликовала сообщение: «Комиссия по организации выборов в местный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов доводит до сведения,

что на основании постановления местной Коммунистической партии (большевиков) выборы в Совдеп назначены на 15 января» («Трудовая неделя» № 2/25 от 7 января). Выборы перенесли на 26 января и проводились по двум спискам кандидатов. Объединённый список № 1 лиц, выставленных от Коммунистической партии большевиков и районов Сергиева Посада, включал «старых испытанных революционных работников… настоящих защитников Советской власти и неуклонно проводящих её идеи». И список № 2 лиц, выставленных от Рабочих союз и Рабочих комитетов, которые на выборы шли под лозунгом «Голосуйте за посадцев!» В разгоревшейся борьбе между местными лидерами профсоюзов (нашими) и коммунистами («чужими», «пришлыми») последних обвиняли в том, что они действуют без учёта местных условий, не знают нужд населения, устраняются от насущных повседневных дел. Коммунисты в свою очередь обвиняли профсоюзных лидеров в том, что они раздают нереальные обещания.

Выборы в Совдеп 3-го созыва состоялись 26 января 1919 года. В его состав вошли всё члены Ревкома. Из 50-и членов нового Совдепа 36 человек (72 %) были в возрасте от 20 до 30 лет, 9 – от 31 до 35 лет и 5 человек – от 36 лет и старше. Коммунисты и сочувствующие им составляли большинство – 30 человек (60 %), а остальные были из других партий и беспартийные. По роду деятельности из них были: военные – 23 человек, рабочие и кустари – 10, профсоюзные работники – 9 и представители интеллигенции – 8 человек. Таким образом, военнослужащие, рабочие и кустари в возрасте до 30 лет, коммунисты и им сочувствующие преобладали в избранном Совдепе. Руководитель Ревкома Ванханен О.Ф. стал председателем Совдепа и Исполкома, остальные коммунисты были назначены заведующими и членами основных его отделов. Выполнив задачу: «взять власть в свои руки на местах», Ревком передал 4 февраля 1919 г. дела вновь избранному Совету, его Исполкому и был распущен. С этого времени в Сергиевом Посаде была твердо установлена Советская власть.

Проведение политики и решений новая власть осуществляла по схеме: уездный – волостной исполнительные комитеты – районный сельский совет. Руководство деятельностью Совдепов взяли на себя ячейки компартии большевиков. К марту 1919 года было образованы ячейки коммунистов в Сергиевской, Хотьковской, Софринской, Булаковской, Путиловской и Озерецкой волостях. Однако их влияние не было значительным. В конце 1919 года была проведена партийная неделя, в результате вербовки (термин тех лет – В. Б.) в партию записалось 232

человека. «Трудовая неделя» в 1921 году писала: «…нестройность, бессистемность, неопределенность …в работе райкома объясняется тем, что весь его состав, за исключением одного товарища, люди пришлые, незнакомые с местными условиями работы, незнающие даже товарищей, с которыми им приходится работать, в смысле практической работы…».

По окончании Гражданской войны задачи Советов изменились, они стали органами восстановления разрушенного хозяйства. Как известно, политически, вопрос власти на селе не был решен в ходе пролетарской революции 1917-го года. Созданные сельские советы по составу, крестьянские, были неоднородны по интересам, с неясными для них функциями. Основные вопросы, в том числе и о переделе земли, решались по-прежнему на общинном сходе. Выборы, как способ «демократического» формирования органов политической власти для крестьян был относительно нов. Проводившиеся в начале XX века при царском правительстве, они были дискредитированы в глазах народа. Поэтому большинство относилось к ним с безразличным равнодушием.

Пассивность избирателей к выборам сохранилась и в первые годы Советской власти. К осени 1924 года явка избирателей снизилась до самого низкого уровня. К этому времени в Сергиевском уезде было 11 волостных исполкомов и 105 районных сельских советов. Газета «Плуг и Молот» писала: «Выборы в сельсоветы, которые были в Московской губернии осенью 1924 г. не утверждены – причина слабое участие крестьянства в выборах. По Сергиевскому уезду на выборы пришло 19 % при необходимом (установленном. – *В. Б.*) минимуме – 35 процентов. Женщин участвовало – 11 процентов».

Такая тенденция отмечалась во многих местах страны и очень встревожила центральную власть. Было решено, во-первых, при проведении выборов жёстко и последовательно выполнять ст. 65 Конституции об отстранении эксплуататоров от власти путем лишения их избирательных прав. Газета писала: «… число лишённых увеличилось – НЭП открыл тех, кто ранее прикрывался овечками в волчьей шкуре по отношению к крестьянству». Избирательные комиссии «стали зорко оберегать состав власти». В помещениях сельских советов за 20 дней до выборов стали вывешивать списки лиц лишённых избирательных прав. Газета «Плуг и Молот» отмечала: «… если раньше на лишённых избирательных прав смотрели так себе, не придавая этому особого значения, то в 1924/25 г. в избирательные комитеты посыпались жалобы: «Как? за что? почему? докажите!» Им не стали выдавать продуктовые карточки. Если в 1923 году,

лишённых прав выборов и быть избранными в сельсоветы, было всего по уезду 778 человек. То в 1926/1927 г. таких стало уже 1155 человек, или на 48,5 % больше. Во-вторых, было решено: усилить агитацию через газеты, радио и собрания; повысить персональную ответственность руководителей Советов и избирательных комиссий; придать дню выборов праздничную атмосферу; активизировать работу особенно среди женщин и бедняков. В-третьих, были расширены права бедноты и батраков. Им было дано много разных льгот. Провозгласив лозунг организации и всемерной поддержки бедноты, опоры на неё в борьбе с кулачеством, партия коммунистов-большевиков стала восприниматься беднотой как «свой собес».

Проведенная работа дала положительные результаты. Беднота дружно явилась на выборы, явка повысилась. Результаты выборов в сельские советы по Сергиевскому уезду: 1923/1924 гг. – 26,7 – % принявших участие в выборах от общего числа избирателей; 1924/1925 гг. – 19 (53,5 – повторные выборы); 1925/1926 – 62,9; 1926/1927 гг. – 62,2; 1927/1928 гг. – 63,7 процента. Ежегодное проведение выборов позволяло, как через мелкое сито проводить отбор «наиболее талантливых людей» – преданных идее построения социализма, способных с энтузиазмом, безусловно, выполнить указания центральных органов власти.

В последующие годы социальная база новой власти расширялась за счет увеличения бедноты. Постепенно народ России, страны богатейшей в мире по имеющимся природным ресурсам, превратился в один из бедных в Европе, и, в конце концов, в 90-е годы XX века он стал могильщиком Советской власти.

3. В эпицентре богоборчества

В Троице-Сергиевой лавре богослужение возобновили в 1946 году. В этот год однажды, проснувшись в летнее утро, внук не увидел как обычно у русской печки бабушку Ольгу Ивановну с чугунками, сковородками, кринками, ухватами. Ушла в Лавру, кажется, на Троицу. Она была тихая, добрая, малословная и набожная женщина, вдова умершего в апреле И.Ст. Балясникова, председателя колхоза «Красный почин» села Каменки. В её доме в большой комнате на одной стене висели фотографии родственников и много различных Почётных грамот Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, участницей которой она неоднократно была: получала по 21–22 поросенка на свиноматку. У другой стены, в углу, около окна стояла часть иконостаса церкви с образами, сохранёнными с 1932 года, когда разоряли храм в селе. Церковь Казанской иконы Божией Матери в селе Каменки была кирпичная, построена в 1831 году на месте сгоревшей деревянной, существовавшей здесь с 1767 года. Возрождение церкви стало возможным благодаря щедрым пожертвованиям помещицы села. В приход входили ещё деревни: Пальчино, Сырнево, Александровская (по фамилии помещика) фабрика, Генутьево и Городищево. В Пасху в течение недели икону Казанской Богоматери обносили по этим деревням. Церковь и приходское кладбище при ней были огорожены. Кирпич для церкви и столбов ограды делали на месте теперешнего сельского кладбища. После закрытия церкви колокольню и столбы ограды разобрали, кирпич взяли для колхозных построек. В разоренной церкви одно время была ремонтная мастерская и машинный двор. Трактора ездили прямо по могилам. Люди сами стирали могилы своих предков. Где ещё такое возможно в мире. М.И. Балясников говорил, что полсела были их родственники, многие из которых похоронены на этом кладбище. Потом церковь использовали как складское помещение, а затем там устроили клуб. В домах расстрелянных священника и дьячка находилась колхозная контора и грибоварная, потом детский сад.

Из Лавры Ольга Ивановна вернулась на следующий день, после полудня. Туда и обратно шла пешком по просёлочной дороге. Путь не близкий, от села до Лавры 25 км. Войдя в дом и подозвав внука, она тихо сказала: «Хоть ты и не крещённый, храни его, чужим не показывай, отец твой партийный, офицер», – и, перекрестив, дала маленькую коробочку. В ней на ватке лежал деревянный резной крестик, от него исходил чудесный,

незнакомый запах. Крестик сохранился. Так некрещёными, при разорённых церквях, но с памятью о Боге выросло несколько поколений русских.

Правда, в начале 1990-х годов богоборцы сделали шаг назад, вернули верующим разорённые храмы. В Сергиево-Посадском районе большинство сельских церквей восстанавливают. В 33-х уже проводятся богослужения, в основном по воскресным дням и большим церковным праздникам. Не хватает священников. Церковь в селе Каменки в 1992 году возвращена верующим. Когда поинтересовались, где иконы церкви, которые хранила Ольга Ивановна Балясникова, её правнучка сказала, что их нет. Один из внуков, живший до того в доме, отдал их за пол литру проезжим ребятам. Умирая от рака в возрасте 60 лет, он говорил, что Бог его наказал, за то, что пропил иконостас. Первую службу у развалин церкви Казанской Божией Матери проводил приезжий священник. Пришло много сельчан и из ближайших деревень. Преобладали приехавшие на лето родственники, молодежь и дачники. У многих на шее виднелись крестики. Но истинно верующих мало, убедиться в этом можно, достояв службу до конца. Церковь в селе восстанавливает Хотьковский Покровский женский монастырь, здесь его подворье. Жителей радует, что храм восстанавливают быстро, но сами они только пассивные наблюдатели, строят приезжие рабочие. Отговариваются: «Когда церковь разрушали, мы были детьми. Кто ломал, не знаем, сейчас пенсионеры, денег, чтобы помочь, нет, пенсии маленькие…».

В XVIII–XIX веках атаки внутренних безбожников усилились под влиянием философских и экономических учений Западной Европы. Одни из них стали проповедовать идеи, корни которых в католическом христианстве. Католики утверждали: «Путь к Богу труден, а человек слаб, подвержен искушению. К Богу нужно идти всем вместе». Поэтому не случайно коллективистские социалистические идеи зародились в католической Франции, и окрашивают её жизнь до настоящего времени, а национал-социалистические (фашистские) идеи – в Италии, процветали в Испании. Другие проповедовали идеи, корни которых в протестантском христианстве. Протестанты утверждали: «Человек – личность, у каждого своя дорога к Богу. Каждый должен выбрать и пройти свой путь к Богу». Эти идеи своё развитие получили в Англии, Германии, а затем наиболее завершённое воплощение нашли в США, где общество построено на крайнем индивидуализме и «правах человека», где «к человеку там надо подойти через закон». Православные иерархи утверждали: «Да, путь к Богу труден! Да, человек слаб! Да, человек – личность! Но так ли важно, кто как идет к Богу – вместе или поодиночке.

Важно, чтобы все шли к Богу». Русское Православие стоит на том, что каждый и вместе должны «действовать на общее благо в труде, в мыслях и в молитве». Тому примеры жития св. преп. Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Русский народ не победим, когда действует, руководствуясь этим нравственным правилом. Иудеи, по требованию которых распяли Господа Иисуса Христа, свои идеи открыто никому не навязывают. Они считают их только своими, народа избранного. Они мигрируют по странам и континентам, концентрируясь там и в тех видах деятельности, где могут получить материальную выгоду, проявляя поразительную способность извлекать её максимально в условиях хаоса, активными организаторами которого они сами и являются. В России иудейская идея обретения рая на земле, посеянная безбожниками социалистами на тщательно подготовленной их предшественниками (нигилистами, народниками и революционными демократами) социальной почве, обильно политой народной кровью в двух войнах (1904 и 1914 годов), дала невиданные до того результаты – хаос мирового масштаба.

В конце XIX – начале XX веков богоборцы всех мастей десятилетиями наносившие яростные разрушительные удары в России, прежде всего по самодержавию, оправдывая их тем, что оно является тормозом социального и экономического развития страны, организовали несколько покушений. Убили в 1881 году императора Александра II, затем покушались на императора Александра III. Они в марте 1917 года принудили императора Николая II отречься от престола. В этой связи митрополит Московский Макарий (М.А. Парвицкий – «Невский», 1835–1926), живший в Сергиевом Посаде, в числе семи высших иерархов Русской Православной Церкви выступил с «Обращением к верным чадам Православной Русской Церкви». В нём резко осуждались действия правящих кругов, прежде всего, обер-прокурора Синода, главы Временного правительства князя В.Н. Львова. В ответ на это правящий комендант Сергиева Посада от Временного правительства распорядился разоружить Лавру. 25 марта у неё было изъято 27 единиц огнестрельного оружия с ящиками боеприпасов, которые были приобретены на случай разбойных нападений.

Вскоре, 9-10 апреля 1917 г., сам Львов В.Н. посетил Сергиев Посад. Он приехал сюда по поводу «погромной литературы», направленной против него и отпечатанной в типографии Троице-Сергиевой лавры. Уезжая Львов, сказал: «Давайте не ссориться». Тем не менее, митрополит Московский Макарий был смещён с кафедры, выселен из Троице-Сергиевой лавры и лишён

положенного содержания. В мае часть иноков, во главе с иеромонахом Смарагдом, выступила против власти Лавры, обвинив её в не сочувствии Временному правительству. В присутствии комиссара Сергиева Посада от Временного правительств у Лавры реквизировали типографию, из-за отказа наместника сдать её в аренду Московскому Совету солдатских депутатов. Затем как отмечалось выше, в августе в здании Духовной академии размещают, эвакуировав из Петрограда школу прапорщиков. При этом был заменён ректор МДА и поставлен лояльный к Временному правительству. Окончательную черту под первым периодом современного богоборчества подвели самые агрессивные безбожники – атеисты. Они расстреляли императора Николая II и его семью. Они подписали договора, по которому Россия лишалась части территорий. Они лишили Россию исторического названия, провозгласив «Союз… республик». Они записали в Конституцию статью об отделении Церкви от государства.

Второй период богоборчества начался после Октябрьской социалистической революции. Воинствующие безбожники свой главный удар сосредоточили на Православной церкви – хранительнице духовных и нравственных основ России. Сергиев Посад минула участь фронтового города в первую мировую и кровопролития гражданской войны. Но он, символ русского православия, оказался в эпицентре богоборчества. Вожди-вдохновители, безбожники по рождению, прекрасно владея технологиями торговцев, используя разные способы и методы, под благовидными предлогами направили людскую энергию на достижение богоборческих целей.

Первыми на себя приняли удар монастыри – духовные центры Православия. Так ещё в 1917 г. при Временном правительстве в Сергиевом Посаде начался голод. Положение с продовольствием становилось катастрофическим. Оно усугублялось хлынувшим потоком беженцев, дезертиров с германского фронта, нищих и беспризорных в надежде на помощь Лавры, которую по завещанию св. преп. Сергия она оказывала нуждающимся в прежние времена. В начале 1918 г. в Сергиевом Посаде действует Ревком коммунистов. В реализации своей власти он опирается на революционно настроенных солдат. Им при стечении народа производится в Лавре обыск: сокровища ризницы поражают воображение, обнаруживается много продовольствия, есть оружие. При свалившихся на город бедах: голод, беженцы, эпидемия тифа, где всегда было относительное благополучие, обнаруженное изобилие, благолепие и порядок производят эффект. Народ возбужден. Ответы на вопросы: «Откуда? Для

кого? Зачем?» – не принимаются. В стране гражданская война. Враг найден, Лавра! Она всегда поддерживала царей и самодержавие. Всё её имущество было национализировано. Церковь лишалась главной материальной основы своего существования и деятельности.

Через местную газету «Трудовая неделя», редактором которой был комиссар Электрокурсов, раздувается антирелигиозная пропаганда. Агрессивно-наступательный тон и содержание статей обыгрывают поговорку: «Попы не сеют и не жнут, но хорошо живут!» В январе 1919 г. в Сергиево-Посадскую тюрьму были заключены: архимандрит Досифей, игумен Анания, иеромонахи Максимилиан и Израиль, иеродьяконы Иов, Варнава и Иннокентий.

В феврале 1919 г. на районном собрании членов РКП(б) было постановлено вскрыть мощи преп. Сергия Радонежского, основателя Свято-Троицкого монастыря, который «выработал и завещал нам наш нравственный порядок». В речи на собрании Московской Духовной академии проф. Ключевский В.О. говорил: «Врата лавры преподобного Сергия затворятся и лампады погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот (нравственный. – *В. Б.*) запас без остатка, не пополняя его». С момента произнесения этих слов прошло 25 лет, как гробница преп. Сергия была вскрыта. Как такое могло произойти? Великий народ такое надругательство сделать не мог. Но «в семье не без урода», нашлись исполнители и их вдохновители.

Помощник комиссара и начальника Сергиевского гарнизона вспоминал, как это происходило тогда. «Несмотря на то, что собрание носило совершенно секретный характер, на другой день монахи и обыватели узнали, что большевики «грязными руками хотят осквернить святые мощи Сергия». Проповедник Духовной академии Варфоломей (расстрелян в 1935 г. – *В. Б.*) 22 марта призвал граждан Посада подписываться под протестом против вскрытия мощей. «Желающих дать подписку о не вскрытии мощей образовалось такое множество, что организовалась очередь. … С февраля по 19 марта монахи во главе с наместником Лавры ходили по деревням, собирали от крестьян подписи о недопущении вскрытия мощей Сергия. Стали собираться собрания протеста. В Исполком поступило около 60 протоколов с подписями» (подписалось 5000 человек – В.Б.). Партия тоже вела свою агитацию, но она «не всегда имела успех». Архимандритом Кронид (Любимов; 1859–1937 гг.), наместник Лавры и 77 членов её братии 4 марта письменно обратилась к председателю СНК с просьбой запретить вскрытие раки с мощами преп. Сергия. На защиту святыни с обращением в Совнарком выступил Святейший

Патриарх Тихон.

Несмотря на протесты духовенства и верующих, 1 апреля пленум Сергиевского Совдепа большинством при тайном голосовании принимает решение о вскрытие мощей преп. Сергия. Это решение было утверждено Мосгубисполкомом. Вскрытие было произведено 11 апреля. «Светило апрельское солнце. Воздух был насыщен весной. …Для охраны Лавры и соблюдения порядка… были установлены пулеметы для всякого случая на колокольне и в Доме Советов, где помещался Исполком». На стенах Лавры находились красноармейцы, а у всех её ворот были расставлены патрули. В шесть часов вечера лаврские ворота были закрыты, но народ всё прибывал и прибывал на площадь перед Лаврой. Она вся была запружена верующими. Слышался плач, стоны, молитвы. Перед Святыми вратами непрерывно пелся молебен с акафистом. Позади людей стояла конная милиция. По настоянию верующих, исполком разрешил перед вскрытием отслужить молебен с водоосвящением и с выносом иконы Сергия на площадь. Разрешили не более как на полчаса.

Комиссия из здания Совета шла к Лавре. Было трудно идти, так как народ тесным кольцом окружил подход к Лавре. Пришлось очистить дорогу,… понуждения и насилия не было. Был в рядах обывателей такой разговор: «Преподобный Сергий, будь милостив, ослепи ты их, большевиков, так, как ты когда-то ослепил поляков!» «Придя в покои митрополита, где жил наместник Кро-нид, мы (С. Бакатин. – *В. Б.*) с Ванханеным задали два вопроса: 1) Правда ли, что до сих пор существуют нетленные мощи; 2) Даст ли нам подписку о том, что он подтверждает нетленность мощей?» На это наместник ответил, что подписки он никакой не даст, и он не может ручаться за то, что мощи целы, что давно когда-то был пожар, и мощи сгорели. В 20 ч. 50 мин. председатель Сергиевского исполкома т. Ванханен предложил духовенству приступить к вскрытию. Иеромонах Иона, назначенный вскрывать мощи, перекрестился, сделал троекратное коленопреклонение, приложился к мощам и начал вскрывать». Вскрытие закончилось в 22 ч. 50 мин. Впуск верующих, которых у Лавры во время вскрытия собралась огромная толпа, продолжался к мощам до 2-х часов ночи.

На экстренном заседании 12 апреля Исполком постановил: «В виду выраженного желания представителями от волостных совдепов, присутствовавших при вскрытии мощей… вскрытые мощи держать открытыми для обозрения граждан… гробницу закрыть стеклянной крышкой, которую опечатать». Очевидец вспоминает: «Вскрытие произвело колоссальное впечатление на сторонников православной религии. Архимандрит Кронид

всенародно заявил, что таких результатов он не ожидал». Как отмечал в своем послании патриарх Тихон «…при вскрытии не было обнаружено никаких подделок… и как следовало ожидать, оскорбление мощей преподобного Сергия вызвало великий религиозный порыв, выразившийся в усиленном паломничестве к его целебоносной раке».

О ходе и результатах вскрытия мощей председатель Сергиевского Совдепа лично доложил председателю Совнаркома В.И. Ленину. Он «остался доволен результатами акции, отметив, что с юридической точки зрения, всё сделано правильно» и «выразил удовольствие, что при вскрытии не было затронуто религиозное чувство верующих, что и предотвратило всякого рода эксцессы». Этот опыт был положен в основу постановления Совнаркома от 14 августа 1919 г об организации вскрытия мощей, а через год (август 1920 г.) – о ликвидации мощей во всероссийском масштабе. К осени 1920 года по всей России были вскрыты 63 раки со святыми мощами.

Но монахи остаются в Лавре, их около 700 человек. С их подачи, по городу и окрестностям ползут слухи, создаются различные мифы: что, мол, преп. Сергий ушёл, что рака была пуста, что Сергий вообще превратился по своей святости в кости и т. д. Поэтому «Исполком, получив задание от партии (большевиков. – *В. Б.*) ликвидировать монастырь, немедленно начал проводить директиву… в жизнь. Ночью на 1-е июля 1919 года в 9 часов вечера были мобилизованы все члены исполкома и члены партии, были разбиты на тройки. Каждой тройке дали конкретные задачи. С 9 часов вечера до 4-х часов утра у монахов был произведён внезапный обыск, при чем нашли массу денег, кредиток царских…. Все отбиралось, заносилось в протокол, копия давалась монаху, ему – же давались 2 пары белья, камилавка… и его выводили на двор, где курсанты под моим (С. Бакатина. – *В. Б.*) руководством строили их в шеренгу». Свои воспоминания С. Бакатин заканчивал словами: «Пала одна из величайших твердынь религии. Падут и другие». Однако в этот раз «монахов, если и не совсем выжили, то всё же крепко сжали, оставив им на долю, возможность молиться…», вспоминает другой очевидец.

В ноябре 1919 года Сергиевский Совдеп вновь вернулся к вопросу о ликвидации Лавры как монастыря и об обыске в помещениях монахов. На основании принятого Совдепом постановления 162 монаха Лавры были переведены в гостиницу Черниговского скита, где был организован «концентрационный лагерь для принудительно заключенных» (термин тех лет. – *В. Б.*), а Лавра закрыта. С протестом против произвола советской

власти 12, 19 и 26 ноября на Красногорской площади у Лавры произошли массовые митинги жителей Сергиева. В ответ на это последовал приказ арестовать инициаторов протеста, активистов церковно-общественного движения. Все церкви и Троицкий собор, канцелярия Духовного собора и архив были опечатаны Комиссией по охране Лавры. Вход в неё разрешался только по пропускам, выданным Советом.

Окончательно Лавру закрыли 7 мая 1920 года. К окончанию Гражданской войны из 1254 монастырей, имевшихся на то время в России, 771 были закрыты. Но безбожников это не устраивало. Комиссар Электрошколы Томский М.П. (в последующем председатель ВЦСПС. – *В. Б.*) в газете «Трудовая неделя» в феврале 1920 г. призывал «… уничтожать всё прошлое, где морочили голову несчастному народу сказками о рае на небе…» Участь притеснения, затем гонения, потом ссылки и заключения в лагеря, постигла и монахов Спасо-Вифанского монастыря (1783), Гефсиманского скита (1844) с пещерным Черниговским отделением (1847), Боголюбской Киновии (1852), пустыни Святого Духа Параклита (1860), подведомственных Лавре, и находившиеся от неё в непосредственной близости.

Важную роль в антирелигиозной пропаганде играли уездные газеты; «Плуг и Молот» – её активный участник. Она продолжила начатое богоборчество ещё ревкомовской «Трудовой неделей». Изменился лишь тон публикуемых антирелигиозных материалов. Раньше он был агрессивно-наступательным, теперь, в середине 20-х годов – обращён к рассудительности и расчётливости людей. Зачем праздновать церковные праздники, когда в поле разгар сельскохозяйственных работ; эти праздники всегда заканчиваются всеобщей пьянкой, мордобоем, часто пожарами, а иногда и убийством. Зачем платить служителям культа большие деньги, когда сами бедны, а налоги не уплачены. Не лучше ли на деньги, потраченные на церковь, купить так нужные в своем хозяйстве машины. Попы живут в хоромах, ничего полезного не делая, а вам, крестьянам, и собраться негде, чтобы обсудить насущные повседневные дела. Любые их негативные поступки газета тут же делала достоянием гласности, публикуя по этому поводу «разоблачительные» материалы, перенося их на всю Церковь. По Конституции 1918 г. священнослужители лишались права выборов. В нем они могли быть восстановлены, если публично попросят об этом, отказавшись от веры. Но, несмотря на всевозможные притеснения и запреты: собирать прихожан церковным звоном, появляться в рясе в общественных местах, брать деньги за проведение церковных обрядов, налог на имущество, как живущих на нетрудовые доходы, до 1926 г. такой

возможностью воспользовались только трое: монах-портной Черниговского скита и два приходских священника.

С целью привлечь на свою сторону Православную церковь и верующих, Временное правительство пошло на уступку, позволив 5 (18) ноября 1917 г. Поместному Собору Русской Православной Церкви восстановить патриаршество, отменённое почти 200 лет назад Петром I. В 1924 г. газета поместила заметку о последнем приезде Патриарха Тихона в Сергиев. За организацию этого приезда Патриарха Тихона в Посад настоятеля Петропавловской церкви о. Сергия (Сидоров) на некоторое время арестовали (расстрелян в 1937 г.).

Каждой власти, партии нужны ударные отряды добровольных помощников, которые по своей инициативе осуществляли бы мероприятия, способствующие достижению целей власти или партии. Царскому режиму нужны были отряды черносотенцев, устраивавшие погромы и избиение демонстрантов. В 1917 году большевики создали Красную гвардию из дезертиров и добровольцев, которые выполняли карательную функцию по отношению к врагам революции. Для борьбы с религией было создано добровольное «Общество безбожников» (1924 г. – *В. Б.*), которое в Сергиевском уезде в 1925 г. насчитывала 283 человека. Оно инициировало через газету отмену церковных праздников, его члены активно вели на местах антирелигиозную пропаганду, участвовали в актах вандализма при уничтожении церквей и памятников, забыв святое русское правило: не ты строил и положил – не тебе брать и разрушать. Руками их соратников 1 мая 1925 г. водрузили на колокольню Лавры, сияющую красную звезду из «лампочек Ильича», осуществили закладку его памятника у стен Лавры.

По многочисленным материалам, опубликованным в газете «Плуг и Молот», можно получить представление о поддержке народом своей церкви и веры, стойкости священнослужителей и монахов. Так подсчёты в 1925 г. показали, что по 8 приходам Рогачёвской волости Сергиевского уезда верующие платили священнику в год в среднем свыше 617 руб. (от 300 до 1000 руб.), псаломщику – 281 рублей. «Кроме того, во многих приходах (они) собирают не малое количество натурой» (председатель сельсовета тогда получал в год 120–180 руб. – *В. Б.*). По данным Сергиевского ЗАГСа по уезду церковные обряды соблюдали при бракосочетании – 94,3 %, при рождении детей – 99,5 %, при смерти – 100 % случаев. По городу, соответственно: 45,5; 54,7 и 52,8 процентов.

Однако антирелигиозная пропаганда постепенно начала давать результаты. С июня 1927 г. отмена церковных праздников

по решению общих собраний сёл и деревень стала массовым явлением. Антирелигиозная пропаганда резко усилилась в 1928 г. и она совпала с началом в уезде коллективизации и культурной революции. Зав. уездным политпросветом требовал: «Все деревенские кружки безбожников, безбожники-одиночки, партийные и комсомольские организации деревни, избач, деревенский учитель и вся деревенская интеллигенция должна внимательно собирать все факты эксплуатации кулачеством деревенской бедноты и середняка под формой религиозных объединений…». Через газету стало оказываться морально-психологическое давление на отдельных граждан, публикуя их фамилии, как активных церковников.

17 мая 1928 года газета «Плуг и Молот» поместила сообщение: «В ночь на субботу 12 мая, пока неизвестные преступники пытались убить работника (заведующего. – *В. Б.*) агитпропа УК ВКП (б). Содержание заметки наводила на мысль: «Очень похоже на инсценировку!» Сообщение опубликовано через 5 дней после «события». Преступник (и) не найден. Но этого было достаточно для взвинчивания антирелигиозной компании в уезде. Немедленно последовали конференции, пленумы городских организаций партии, комсомола, собрания безбожников, милиции, профсоюзных и педагогических работников, коллективов трудящихся, групп граждан и т. п. с требованиями «решительного выселения всех врагов, скрыто направляющих свою деятельность к подрыву основ соввласти, требуем немедленного их наказания». Громом аплодисментов было встречено на расширенном пленуме горсовета «сообщение об изъятии органами ОГПУ (Объединенное Государственное Политическое Управление. – *В. Б.*) до 100 человек черносотенного элемента». Общегородское партсобрание в своём решении записало «…усилить свою бдительность к классовым врагам диктатуры пролетариата, дать решительный отпор антисоветским выступлениям, исходящим от кулачества, поповщины, нэпманов и прочих черносотенных элементов, и оказать всемерную помощь органам ОГПУ – верному стражу завоевания Октября». На этой волне были произведены аресты и развернута компания по закрытию церквей в Сергиеве, Хотькове и других крупных населенных пунктах уезда.

В Сергиеве с населением 21,5 тыс. чел. (1926 г. – *В. Б.*) до лета 1928 года было 9 действовавших приходских церквей. «Князья, графы и просто дворяне, полицмейстеры, жандармы и приставы и просто городовые – вот кто состоит «в обществах верующих», на службу в церкви ходят 5-10 старух и стариков – писали городские безбожники в газете. Но газета приводила и

другие данные. Так в декабре 1928 года община Рождественской церкви насчитывала 743 человека, из них служащих, торговцев и домохозяек было всего 109 человек, а 85 % – большей частью кустари, крестьяне (90 чел.) и рабочие (12 чел.). Посещаемость церкви была высокая. На каждой службе присутствовало от 170 до 190 человек, из них 65 % женщины, 20 % молодежь. В особо торжественные дни, когда службу проводил архиерей, присутствовало до 375 человек. Церковный хор насчитывал 26 человек. Газета отмечала – Рождественка – «несомненно, крепчайший оплот мракобесия».

Несколько меньше была община Никольской (Успенской) церкви. Она насчитывала 432 человека. Иной был и ее состав. Здесь преобладали «домашние хозяйки» – 170 чел., служащие, инвалиды и торговцы – 127 человек. Кустарей, крестьян и рабочих было всего 33 процента. В обычные дни на службе присутствовало 45–50 человек. Газета в декабре 1928 г. писала: «В Николин день было особенно торжественно. Церковь была в праздничном убранстве, на подсвечниках и иконах искусственные цветы. Службу, которая продолжалась три часа, проводил архиерей. Работало два хора из молодежи. Церковь была набита до отказа. Всего было около 450 человек, из них молодежь – 70–80 человек».

Под благовидными предлогами и обоснованиями стали закрывать сначала городские церкви. Первыми были закрыты Пятницкая и Введенская церкви. В Пятницкой церкви 43 монаха, оставленные для охраны Лавры после ее закрытия, проводили богослужения, вели журнал Духовного собора, образовав «малую Лавру». При закрытии церквей верующих не спрашивали. Газета «Плуг и Молот» писала: «Пятницкая церковь закрыта (май 1928 г.) – сторож чистосортный монах. Рано утром к церкви собираются старушки. Они молятся на паперти, целуют церковные двери, кормят – голубей и, отведя душеньку, усаживаются на ступеньках послушать «священное писание» из уст сторожа». Пятницкая церковь с часовнями, как памятник XVI века, имеющий исключительное историческое значение, была передана музею Лары. Административный отдел Исполкома расторгнул договора и изъял из ведения верующих церкви Михаила Архангела и Рождественскую. В годы Советской власти все приходские церкви города, кроме одной – храма Илии Пророка, были закрыты. Следует отметить, что с закрытием православных храмов, оживилась деятельность разного рода сектантов. Так на Долго-Дмитровской и Ильинской улицах в 1928 г. открыла молельные дома секта евангелистов.

Следующая волна богоборчества обрушилась на сельские

приходы. В Сергевском уезде в границах 1929 г. в сельской местности проживала 90 % населения (примерно 80 тыс. чел.), действовало 45 церквей, которые постепенно, начиная с 1930-го года, стали закрывать. Одними из первых были закрыты церкви в сёлах: Благовещенское, Деулино, Дерюзино (1930–1931 гг.), позднее в Иудино, Выпуково, Воздвиженское, Малыгино, Сабурово, Сватково, Стогово, Подсосино, Титовское и др. (1936–1938 гг.), остальные были закрыты в 1940–1950 годах. К началу 1990-х годов действующей осталась только одна сельская церковь в с. Шеметове. Закрытие церквей происходило в атмосфере страха, порожденного раскулачиванием в 1927–1930 гг., разгула местных безбожников. На 4-ой уездной конференции безбожников (май 1929 г.) отмечали: «Безбожная масса заряжена. Она двинулась на бой с попами и сектантами, не теряя ни одного дня. Безбожник, ни шагу назад!» Они жгли иконы, сбрасывали с церквей кресты и колокола, разрушали и взрывали колокольни, срывали с лица земли лаврские и монастырские кладбища… Пленум уездного профбюро (май 1929 г.) вынес решение об использовании медных колоколов для нужд промышленности. В сергиевских колоколах находилось более 200 тонн меди.

Трагически сложилась судьба большинства священнослужителей Сергиевского уезда. Первые расстрелы священников начались ещё в 20-е годы, а массовые – в 1937–1938 гг. В ноябре 1937 г. были арестованы многие священники и монахи Загорска (Сергиева Посада) и его окрестностей. В том числе второй раз 79-летний архимандрит Кронид (Любимов), которого обвинили в том, что он оставался наместником Лавры, владел и пользовался печатью наместника, благословлял вернувшихся из ссылок иеромонахов на приходы. Он и десять священников, проходивших с ним по делу, были расстреляны 10 декабря 1937 г. в Бутово. По неполным данным к началу 1938 г. погибло 40 священнослужителей Сергиева и настоятели церквей сел района.

Второй этап богоборчества завершился в 90-х годах XX века потерей ещё значительной части территории России, где проживает 25 млн. русских. Оставшаяся часть получила название… Федерация. Новое поколение безбожников нещадно эксплуатирует слово «Россия». Им они, как знаменитой торговой маркой, прикрывают подделку-суррогат. Теперь с конца XX века под лозунгом «Берите самостоятельности, сколько можете взять» богоборцы свой главный удар сосредоточили против российской государственности.

4. Объявлена война кулакам

В годы новой экономической политики (НЭП,1921–1930) расслоение на бедных и богатых стало более заметным. Оно произошло по двум главным причинам. Во-первых, передел земли по душам (мужского пола – В. Б.) в сельских общинах уезда был давно – более 30-ти лет тому назад. За эти годы сложилось так, что у одних на едока имелось до 4-х десятин пашни, у других на 3-х едоков – 5 д. пашни и 2 д. луга, а у третьих – на 6 едоков приходилось от 1 до 1,5 д. без луга. «В результате одни живут очень хорошо, земли имеют до 9 десятин, но её не могут обработать – сдают в аренду, а другие на них работают…», – писала в 1926 г. газета «Плуг и Молот». Во-вторых, НЭП открыл дорогу тем, у кого были капиталы и коммерческая жилка. Он позволил местным купцам и предпринимателям использовать свой главный капитал, сбережённый от конфискаций в 1918–1919 годах. Этому способствовали проведение денежной реформы, торгов на сдачу в аренду промышленно-торговых и складских помещений, мельниц и т. п. Быстро начали богатеть «торговые» крестьяне. Они, пользуясь товарным голодом на рынке, скупали за бесценок скот и сельскохозяйственную продукцию по деревням и перепродавали её в городе по спекулятивным ценам. Эти «крестьяне предприниматели» и попали в первую очередь в разряд ненавистных кулаков-мироедов.

В соответствии с провозглашенным в первой Конституции (1918) принципом самоуправления, вопрос кого считать кулаком решался комитетом бедноты или общинным сходом, или сельсоветом, что привело к самоуправству на местах. Кого же считать кулаками, середняками и бедняками мнения крестьян были самые разные. Тогда словом «кулак» в быту называли того, кто хорошо живёт; иногда говорили кулак-мироед, придавая ему социальное (общественное) значение; а слова кулак-эксплуататор имели политическое значение, в смысле враг Советской власти, а по народной мудрости: «Врага нужно уничтожить, иначе он уничтожит тебя». Один из корреспондентов газеты «Плуг и Молот» в 1925 г. писал: «… Бывают часто ошибки, середняка считают за кулака, а кулака за середняка… Я думаю так. К кулакам причисляются зажиточные крестьяне, эксплуатирующие чужой труд… по найму; крестьяне-мироеды, которые другими незаметными приемами эксплуатируют чужой труд. К кулакам причисляются мельники, которые все почти живут хорошо и пользуются наёмной силой… Все торговцы прежние и настоящие, без всякого сомнения, кулаки. Теперь середняки. Это крестьянин,

живущий лишь своим личным трудом без всякого найма, хотя бы его хозяйство и равнялось кулацкому. К беднякам относятся крестьяне, обременённые большим нетрудоспособным семейством при слабом хозяйстве: плохая постройка, мало скота… по причине стихийного бедствия, как-то пожара, падения скота и других несчастных случаев… Нельзя причислять к беднякам крестьян, живущих хотя и бедно, но бедность, которых зависит от самих хозяев, неприлежно занимающихся крестьянством, разоряющих свое хозяйство пьянством, лодырничеством и занимающихся выгонкой самогона. Этих причислять к беднякам не следует, их нужно отнести просто к разорителям сельского хозяйства… Товарищи крестьяне! прошу дополнить и поправить, где я ошибся, и выразить свои соображения».

Ясность внесла утверждённая 4 ноября 1926 г. инструкция ВЦИК. Этот подзаконный акт уточнял применение ст. 65 Конституции РСФСР. Поражение в правах получали лица: прибегавшие и прибегающие к наёмному труду, живущие на нетрудовые доходы и торговцы, торговцы-перекупщики, торговцы-посредники, частные (индивидуальные. – *В. Б.*) торговцы. В их число входили: владельцы и арендаторы предприятий, владельцы, предприниматели и подрядчики, эксплуатирующие население на дому; кустари и ремесленники, прибегающие к найму постоянной рабочей силы, землевладельцы, применяющие наёмный труд. К ним причислялись и земледельцы: имеющие собственные или арендующие промыслы и промышленные заведения (мельницы, крупорушки, маслобойки и т. д.), занимающиеся скупкой и перепродажей скота, а также арендодатели машин, скота, кредитом на кабальных условиях. Так был предрешён конец НЭПа и частной инициативе, определён круг лиц, подлежащих раскулачиванию.

Постепенно усиливался налоговый пресс. Размер налога в среднем на одно крестьянское хозяйство в 1922 г. резко возрос, особенно у тех, кого считали кулаками. Они платили в 16 раз больше по отношению к беднякам. Руководители предприятий, кооперативы, артели, торговцы, домовладельцы и кулаки, не уплатившие налог или имевшие задолженность, подвергались уголовному преследованию с продажей их имущества на торгах. С целью изъятия земельной ренты с домовладельцев город Сергиев был поделен на 3 района с лучшими, второстепенными и худшими улицами. Начиная с осени 1924 и в 1925 году в газете с периодичностью раз в неделю, стали появляться списки лиц, имущество которых за неуплату налогов продавалось с торгов. Каждый такой список включал от 20 до 44 фамилий известных в

городе купцов, предпринимателей и домовладельцев. Продажа с торгов имущества неплательщиков налогов продолжалась и в последующие годы. Так, например в 1929 г. дом Карасёвых по Вифанской ул. № 88, оценённый Инспекцией в 954 руб., за неуплату налога был выставлен на продажу на снос. «К вечеру 25 января 1930 г., – пишет в своём дневнике писатель М.М. Пришвин – у Карасёвых (соседей, дом стоял напротив писательского. – *В. Б.*) произошёл страшный разгром. Человек только что выстроил дом, и вдруг всё имущество описывается, дом отбирается, а сам всей семьёй пожалуйте в какую-то другую губернию. Это его как бывшего торговца (владел магазином на Московской улице. – *В. Б.*)… По-видимому, это начало разгрома купцов и лишенцев (лишённых избирательных прав. – *В. Б.*). Это будет страшней, чем когда-то помещиков. Во-первых, тогда думали все, что без помещиков жить можно, во-вторых, была мечта о будущем. Ныне все уверены, что без купцов никак не проживёшь и что в будущем непременно голод». Через день в своем дневнике М.М. Пришвин писал: «Когда бьют без разбора правых и виноватых, и вообще всякие меры и даже закон, совершенно пренебрегающий человеческой личностью, носят характер погрома. Ужас погрома – это гибель» ни за что ни про что (за грехи предков). «Грабь награбленное» – это погром. И так, наверное, всегда погром является непременной слугой революции и возможно представить себе, что погром иногда становится на место революции».

В ноябре 1922 года ВЦИК издал разъяснение о том, «что права помещиков на землю утрачены навсегда и новая экономическая политика не вносит ничего нового». После революции часть помещиков сбежала за границу, часть, бросив имущество, осела в городах, часть по приговорам сельских сходов была выселена из имений, но значительное их число осталось в поместьях. Более того, они возглавили созданные и действовавшие в 1918–1922 годах сельскохозяйственные артели (колхозы) и совхозы. Бывшие помещики получали земельные наделы наравне с крестьянами, на тех же условиях. В тоже время секретарь уездного комитета партии отмечал: «За последнее время от крестьян поступают заявления в УИК и УЗО с просьбой убрать б. помещиков. В основном причины ясны: эти б. помещики, державшие себя до НЭПа тише воды, ниже травы теперь проявляют себя: 1) Огораживают свои участки, не пускают крестьянский скот, а иногда просто заставляют, нанимают бедняков работать на себя… Но характерны следующие факты: в 17–18 годах эти б. помещики остались в своих владениях и не изгнаны Советской властью по приговорам самих, же крестьян. В 1924 г. тоже приговоры: просим убрать паразита (только узнали

что он паразит), он нас давит и прочее – та же деревня, те же подписи. Крестьяне д. Сабурово на собрании постановили выселить помещика и подписались. Он после собрания пошёл по домам и те, кто подписал 2 часа назад протокол о выселении, теперь дают подпись не выселять, – спрашивается, где же последовательность самих крестьян».

В апреле 1925 г. был окончательно решён вопрос: что делать с бывшими помещиками? ЦИК СССР издал декрет об их выселении из усадьб и имений. В Сергиевском уезде первым по декрету был выселен Чернышев из с. Софрино, вторым – Александров, имевший шерстно-ткацкую фабрику у д. Сырнево. Своей очереди ждали ещё 18 помещиков Сергиевского узда, дела которых находились на рассмотрении в Москве. «Помещикам было предоставлено право наделения их землей в пределах трудовой нормы в свободных участках. Для Московской губернии предназначались участки в Омской губернии, Н.-Николаевской (Новосибирской), Томской, Енисейской, Иркутской, куда будут отправлены 74 семьи бывших помещиков». Земли выселяемых помещиков и некоторых ликвидированных совхозов были отданы крестьянам для перераспределения, а закрытой монашеской Гефсиманской артели – педтехникуму.

В начале коллективизации мельников раскулачивали в первую очередь. На реке Торгоше действовало пять мельниц: тураковская, подсосенская, охотинская, еременская и зубцовская. За счёт плотин этих мельниц и плотины железнодорожной водокачки у села Глинково на реке поддерживался высокий уровень воды. Торгоша впадает в реку Воря и по длине вся умещается в пределах Сергиево-Посадского района. До начала 20-х годов XX столетия река разделяла две губернии. Сёла и деревни по левому берегу реки: Глинково, Тураково, Шарапово, Новосёлки относились к Александровскому уезду Владимирской губернии, а по правому: Спасо-Вифанский монастырь (н. Птицеград), Подсосенье, Охотино, Еремино – к Дмитровскому уезду Московской губернии. Пойма реки не широкая, но берега, то левый, то правый высокие и обрывисто-крутые. Когда появились на реке Торгоше мельницы и кому они изначально принадлежали, сейчас сказать трудно, но определенно, что они существовали давно. Видимо в своё время некоторые из них строил Свято-Троицкий Сергиев монастырь, так как до 1764 г. земли вдоль реки принадлежали ему. После секуляризации, проведённой Екатериной II, большая часть этих земель была передана помещикам из рода Грузиновых, но в описях их имущества мельницы не значатся. Большое количество мельниц на реке, отстоящих на расстоянии 2–3,5 км друг от друга, объясняется

тем, что крестьяне этих мест испокон веков до середины 20-х годов XX столетия сеяли только две культуры: рожь и овёс, чередуя их с паровым полем. Зерна было «много», кроме того, это удобно, его не надо возить далеко для помола.

В 1924 г. Сергиевское общество потребителей «Смычка» заканчивало ремонт вифанской мельницы на Ершовском пруду, а тураковская – коллективная, вполне оборудованная, на ходу, о 2-х поставах с парой запасных жерновов продавалась с торгов. Она находилась у деревни Тураково в полверсты от шоссе.

Мельницу у села Подсосенье в 1908 г. купил Егор (Георгий) Семёнович Жмотов (1890–1945) из д. Охотино Сергиевской волости Дмитровского уезда. Она обслуживала крестьян деревень: Назарьево, Алексеево, Шарапово и Подсосенье. Семья Егора Жмотова жила в доме рядом с мельницей. Усадьба находилась у реки на «халуге» – возвышенном месте под горой, на которой стоит церковь Успения села Подсосенье. По воспоминанию М.С. Елизарова дом был большой пятистенный, обихоженный, обшит тёсом, выкрашен желтой краской с красивыми резными наличниками на окнах. Рядом с домом был огород и прекрасный сад. Десять яблонь давали обильный урожай чудесных плодов, росла белая смородина с крупными и очень вкусными ягодами, крыжовник. Тут же находился сельский колодец. Он существует до сих пор с прекрасной родниковой водой. Подача воды к мельнице осуществлялась по отводному руслу, с левой стороны которого была сделана искусственная насыпь из песка; русло перегораживала плотина с лавой. Сваи плотины высотой с электрический столб забивали в марте по льду, для чего строили специальные леса. Как рассказывали жители села, и вспоминал П.М. Карасёв, мельница работала плохо. Место для неё было выбрано неудачно. Насыпь постоянно размывало, её приходилось укреплять, чтобы удержать необходимый уровень воды. Егора Жмотова раскулачили и сослали под Муром, где он пробыл около 2-х лет. Дом у мельницы в Подсосенье продали, его разобрали и перевезли на Северный поселок Загорска. Оставшиеся в саду три яблони ещё много лет баловали ребят села обильным урожаем вкусных даровых яблок. Мельница работала до середины 30-х годов, когда однажды во время паводка насыпь размыло, а плотину снесло. Это произошло уже при другом мельнике, говорят «пьянице», и мельница прекратила существовать.

Охотинскую мельницу, лучшую относительно других на реке Торгоше, арендовал в конце XIX века Симеон Козьмин Жмотов (1844–1915). Она находилась примерно в 500 метрах от моста через реку вниз по её течению и в километре от д. Охотино. На

горе, под которой располагалась мельница, белой свечой стоит берёзовая роща – роща мельника, так называют её охотинские старожилы. Они рассказывают что, на большой поляне в этой роще в Троицын день собиралась на гулянье молодёжь округи. Зимой деревенские ребята развлекались, катаясь на санках, с этой горы вниз в пойму реки. Водяная мельница, жилой дом и хозяйственные постройки находились на возвышенном месте, на левом берегу р. Торгоши, в углу, образованном круто поворачивающий рекой и горой. После смерти С.К. Жмотова мельница перешла по наследству его старшему сыну от первого брака, Павлу Семёновичу Жмотову (1870–1921 гг.), а потом его заменил сводный брат Сергей Семёнович Жмотов (1892-?).

Как рассказывала К.Г. Анисимова (1911–2002), в молодости Сергей помогал брату Егору, работая на подсосенской мельнице. В какой-то год во время большого паводка Сергей попросил сельских мужиков возить мешки с песком, чтобы укрепить плотину мельницы. Одна из подвод свалилась в реку. Подводу и лошадь вытащили, а возчик утонул. Сергей Семёнович посчитал себя виноватым, и как говорят, это послужило поводом его ухода в монахи. При постриге он получил имя Серафим. Во время русско-германской войны С.С. Жмотов, как и многие монахи, добровольно ушёл на фронт. Был он невысокого роста, коренастый, плотного телосложения, рыжий, с большой лысиной на голове. Ещё говорили, что он был умница и очень состоятельным человеком. После службы в армии монах Серафим (С.С. Жмотов) вернулся в Сергиев. В начале 1920-х годов, во время гонений и закрытия монастырей в Сергиевском уезде, он стал «частным предпринимателем», арендовав охотинскую мельницу у Сергиевского уездного экономического совещания. По условиям договора аренды он обязывался выполнить общий ремонт мельницы, поставить крупорушку, лесопилку, построить новый амбар, приобрести веялку. Плата за помол устанавливалась из расчёта 2,5 фунта (1 кг) с каждого пуда (16 кг). Из этой платы 0,8 кг составлял промысловый налог, а 0,2 кг шло в пользу арендатора. В Охотине С.С. Жмотов жил в отцовском доме, ему помогала бывшая монашка. Они держали коров, было много гусей, имели пасеку. Мельница работала очень хорошо. В 1927 г. Жмотова С.С. (иеромонаха Серафима) раскулачили и выслали в г. Александров. Там в доме, где жил, он организовал проведение церковных служб. Но об этом донесли и его сослали на строительство Беломоро-Балтийского канала. Как рассказывает его племянница, Т.П. Карасева, оттуда дважды приходили маленькие записочки со словами: «Пришлите сухариков. Очень тяжело». Какова дальнейшая судьба иеромонаха

Серафима (С.С. Жмотова) точно неизвестна. В 1927 г. газета «Плуг и Молот» поместила заметку с примечательным заголовком «Кто виноват?» следующего содержания: «Охотинская мельница существовала много лет, и знает её весь Сергиевский уезд. Арендовали её Жмотовы. Мельница давала им немалый доход. За это время Жмотовы сумели приобрести в собственность подсосенскую мельницу, а охотинская стоит, разоряется. Ругают уезд и волостной исполком, почему не обращают внимание».

Работать на охотинскую мельницу пришёл четвёртый младший сын мельника С.К. Жмотова, Михаил (1898–1942), который до того работал на зубцовской мельнице. Его семья была уже большая, жена болела. Летом жене помогала её родная сестра, Александра Алексеевна Калмыкова (Янина) из с. Шарапово. Она вспоминала как её сестра, Анна, отчитывала своего мужа за то, что он брал сбор за помол с родственников. – «Как тебе только не стыдно с родных брать сбор. Тебе что! Знают, кто у тебя молол или ток (электрический – В. Б.) у тебя нагорел лишний, у тебя вода текла. Как тебе не стыдно!» – «Я не могу, скажут, вот я не взял». «Да мне стыдно перед родственниками!» – говорила жена Анна. Михаил боялся «света белого» кто, где бы, чего ни сказал. Был замкнутым. Видимо это объясняется не только свойствами характера, но и наглядным примером судьбы его старших братьев, раскулаченных и сосланных. Страх, порождённый раскулачиваниями, являлся одним из главных условий проводившейся коллективизации. Поэтому, когда в Сергиевском уезде начали создавать колхозы, М.С. Жмотов решил добровольно вступить в один из них. Жена Анна говорила: «Что тебе здесь, в Охотино, спокойно не живётся». – «А вот скажут: «Ты кулак! Ты держишь мельницу! Да провались она пропадом! Что мы от неё сейчас имеем. Поехали в колхоз! В колхоз!» Михаил с семьёй переехал в д. Вихарево, где собрались крестьяне из разных деревень, решивших создать здесь колхоз. Жена сокрушалась: «Такой дом бросили, хозяйство, пасеку!» Когда Михаил уехал в колхоз, дом в Охотине стали растаскивать, выставили рамы со стеклами, украли шубу жены. Затем его разобрали и перевезли на ферму Загорского педтехникума, в нём поселился агроном. Выкрашенный голубой краской, с резными наличниками – красивый он стоял на краю высокого обрыва над дорогой в с. Глинково при спуске к реке Торгоше. Дом видели многие внуки и правнуки Жмотовых, не подозревая, что он – их деда и прадеда. В Вихареве колхоз выделил Михаилу Семёновичу полдома, работал он заведующим складом, был грамотным. В 1932 г. его осудили за то, что якобы поморозил семенной картофель, за халатность, но видимо припомнили, что из мельников, а значит кулак. После

выселения он уехал в Загорск, с семьей поселился в крохотной комнатушке в доме внизу Овражного переулка. Дом был сырой, часто пол был мокрый из-за подпора близких грунтовых вод. Михаил болел диабетом, жена тоже болела, было пятеро детей, жили тяжело. Жена умерла в 1937 году, а М.С. Жмотов ослеп и умер в 1942 г., их младших детей отдали в детский дом.

На лугу у бывшей охотинской мельницы сохранился жёрнов. Рядом с ним растёт дубок, посаженный в память о своих предках потомками мельника С.К. Жмотова и его детей: Павла, Евдокии, Александры, Егора, Сергея, Михаила, Анны и Марии. Обитающие в реке бобры возводят на месте бывшей мельницы свою платину, уже свалили в реку пять деревьев, приступили к повалу шестого.

На еременской мельнице одно время работал Павел Жмотов, потом его сменил родной сестры Евдокии муж, Николай Алексеевич Смирнов, крестьянин д. Еремино. Мельница находилась на Черном лугу, где ручей у д. Еремино впадает в Торгошу. На месте бывшей мельницы растёт несколько вековых ив. К концу XX века от деревни Еремино сохранилось только название. Теперь там дачно-садовый кооператив Королевского НПО «Энергия», в котором около 30 домов «новейшей» постройки – «кто во что горазд». От прежней деревни осталось 3–4 старых домов. Из бывших крестьян живёт только одна семья. Её главе за 80 лет, уже не поднимается с постели, но память имеет хорошую. Он помнит ереминскую мельницу, которая работала до середины 1950-х годов, просил её восстановить. С дедом живут две дочери-пенсионерки и несколько взрослых внуков, которые формально нигде не работают. Зарабатывают, расписывая матрёшки. Когда началась горбачёвская «перестройка» конца 1980-х годов, а затем последовала ельцинская «реформа» 1990-х годов, хлынувшие в Москву иностранцы стали скупать матрёшки, создав ажиотажный спрос. Многие жители Сергиева сделали на них приличные деньги, благо промысел родной с давних пор, да и времени на это хватало, так как промышленное и сельскохозяйственное производство в округе практически умерло. Внуки деда расписывают матрёшки поточным методом, каждый специализируется на отдельной операции. Получается неплохо. Продают матрёшки в Сергиеве, но в основном в Москве на вернисаже у Измайловского парка. На заработанные деньги в период ажиотажного спроса на матрёшки начали возводить рядом со старым домом новый многоэтажный кирпичный, как «у новых русских». Подвели под крышу. Но спрос упал, дом уже несколько лет стоит недостроенным, жить в нём пока нельзя. Теперь заработков хватает только на прожитьё. В 1980-е годы д. Еремино покинул последний потомок из рода Николая Алексеевича

Смирнова и его жены Евдокии Семёновны (Жмотовой), у которых было 8 детей.

Постепенно плотины и мельницы на Торгоше были уничтожены, речка обмелела. В 1930-ом году М.М. Пришвин в своем дневнике записал: «Ругают Советскую власть за мельницы, что разорили: сколько было! А теперь, чтобы смолотить 10 п. ржи нужно везти её за 50 вёрст!» К началу XXI в. бывшие колхозные, совхозные поля в пойме реки Торгоши от Подсосино до Спас-Торбеево уже несколько лет не засевались – результат ельцинских «реформ» в сельском хозяйстве. Деревни Охотино, Еремино и др. к XXI веку умерли, на их месте растут дачно-садовые кооперативы, с новым укладом жизни и отношений.

5. «Красный почин»

От взаимопомощи через кооперирование к коллективизации так можно кратко охарактеризовать путь, пройденный российским крестьянством с 1917-го по 1930-й год. Сельское хозяйство – область очень рискованной деятельности и больших предпринимательских возможностей. Здесь можно разбогатеть или в одночасье разориться. Здесь или «день – год кормит», или в течение 3–5 лет неурожай. Это заставляет крестьянина страховаться, быть очень осторожным в своих действиях, что во многом объясняет «консерватизм» его хозяйственного поведения. Чтобы надёжно застраховаться, нужно принять много правильных решений, иметь материальные и финансовые резервы, своевременно выполнить комплекс технологических работ. И в этом крестьянин тех лет полагался, прежде всего, на себя, на собственные возможности, на традиции, выработанные тяжёлым опытом выживания прежних поколений. На помощь с кем связан кровным родством, на взаимовыручку, кто сам находится в таком же положении, на понимание тех, с кем рядом в общине. На помощь государства крестьянин тогда не рассчитывал, её никогда не было раньше, не приходилось её ожидать и в 1920-е годы. Оно после двух войн само находилось в крайне тяжёлом положении.

Правда, тогда было обязательное страхование от пожара и падежа скота. Сгоревший дом с постройками оценивался в среднем в 850 рублей, если пала лошадь – ещё 100 руб., корова – ещё 35–50 рублей. В итоге трагедия для крестьянской семьи, как правило, многодетной, бедной, особенно, семей вдов и инвалидов, которых тогда после империалистической и Гражданской войны было очень много. На помощь первой приходила община. Деревенский сход без проволочек решал: кто, сколько сможет или оговаривали конкретную сумму с каждого двора, например, если пала лошадь – 50, корова – 25 копеек. Однако этих сборов было недостаточно. Большинство деревень были малочисленны в среднем 33 двора. Страховка и сборы общины не покрывали убытков погорельцев. Дополнительные деньги выдавал волостной комитет крестьянской взаимопомощи из членских взносов крестьян, куда они добровольно перечисляли 5 % от размера с.-х. налога. Иногда помогали комсомольцы устраивавшие, с целью сбора средств в пользу погорельцев, спектакли в избах-читальнях. В случаях, когда община не имела своего массива строевого леса, волостной исполком выделял погорельцам порубку в гослесфонде по льготной цене. Всё это только одна причина, которая заставляла крестьянина держаться

общины. При выделении на отруб или хутор крестьянин, как постриженный в монахи, лишался её поддержки. На себя он брал все 100 % риска. На это могли отважиться не многие. В сельском хозяйстве Сергиевского уезда весной 1926 года насчитывалось 15,7 тыс. крестьянских хозяйств, в которых было занято 82,4 тыс. человек, в том числе 39,2 тыс. мужчин. На хуторах было только 64 крестьянских хозяйства, или 0,04 % от общего их количества, на отрубах 22 процента. Общинное хозяйство в Сергиевском уезде преобладало. Его вели 78 % крестьянских дворов. Без скота было 7 % и без лошадей – 19 % хозяйств. К осени этого года уезд располагал только двумя тракторами. Имел 14 тыс. плугов (33 % железных), 11,1 тыс. борон (6 % железных). В уезде насчитывалось 21,3 тыс. фруктовых деревьев, садоводство велось в 2974 (19 %) хозяйствах; в 250 хозяйствах были пасеки с количеством ульев: рамочных – 2168 и колодочных – 803.

Вопрос борьбы с бедностью среди крестьянства в годы предшествовавшие коллективизации был одним из центральных. В этом важная роль отводилась кооперации. В 1923 году в сельскохозяйственных кооперативах было всего 534 члена, а в 1925 г. их стало уже 3680. Из них не имели лошади и коровы – 2,3 %, имели только лошадь или корову – 14,3 %, имели 1 лошадь и от 1 до 3 коров – 76,6 %, имели 2 лошади и 2 коровы – 4 % и только 1,1 % членов кооперативов имели 3 лошади и 3 коровы. По меркам 1926 г. крестьянин, имевший 2 лошади и 2 коровы, не считался кулаком. Им выдавали денежные ссуды на развитие хозяйства. В целом население к кооперации относилось благожелательно. К началу 1926 г. производственной кооперацией было охвачено 23 % крестьянских хозяйств уезда, потребительской – 46 %, кредитной – 24 %, промысловой – 3, а в молочных товариществах состояло 34 % крестьянства. Усиленный интерес население проявляло и к комитетам взаимопомощи. Ими было охвачено 90 % домохозяев. Кооперация на 60 % работала на заёмных средствах. Кредит в первую очередь предоставлялся машинным товариществам и коллективам и во вторую – отдельным гражданам. После уплаты первого взноса (установленного. – *В. Б.*), на сумму долга начислялся процент из расчета 12 % годовых. В случае просрочки очередного взноса или уплаты процента – начислялась пени в размере полутора процентов в месяц к сумме следуемой к уплате. В результате приходилось платить банку большой процент. «Поэтому для крестьянина он тяжёл, и он обращается к нему в случае крайней необходимости», – отмечала газета «Плуг и Молот».

Однако кооперация – прогрессивное, хорошее дело, быстро обрастала бюрократией из прохвостов, проходимцев, всезнающих

руководящих работников (нередко пьяниц), цель которых как можно быстрее реализовать только свой личный интерес, а не крестьян. Такой вывод можно сделать на основе массы заметок, которыми пестрили страницы уездной газеты «Плуг и Молот» тех лет. Из-за неорганизованности, расхлябанности, безответственности часто хорошая продукция, сданная в кооператив, теряла свои потребительские качества и продавалась по низким ценам. Поэтому крестьянин нередко считал: «Лучше самому продать – прибыль копейка, но всё, же выгода!»

1927 год. К 10-летию Октябрьской революции Сергиевский исполком решил провести первую уездную сельскохозяйственную выставку. Одним из мероприятий выставки стал конкурс на лучшую деревню. В нём приняло участие 12 селений уезда. Показатели конкурса представляют особый интерес. В них отражаются усилия советской власти по подъёму сельского хозяйства и результаты пятилетия Новой экономической политики (НЭПа).

Победителем конкурса стала деревня Ильинки, «которая находится в семи верстах от Сергиева и четырёх от ближайшего шоссе». В 1917 году в деревне было 19 крестьянских хозяйств. Из 297,5 десятин (324,3 га) общинной земли под усадьбами было занято 11,6 д., под пашней – 44 д. и 169 д. находилось под покосами и выгонами. Остальная земля была занята лесом и неудобьями. Почвы тяжёлые суглинки, местами сильно оподзолены. В деревне насчитывалось 19 лошадей, 31 корова, 2 железных плуга, 1 веялка и 1 молотилка. Из сельскохозяйственных культур выращивались рожь, овёс и картофель, урожайность которых была соответственно: 6,9; 8,8 и 95,4 центнера на 1 гектар. Сбыт продукции в Сергиеве. Через 10 лет в Ильинках было 26 крестьянских хозяйств, увеличилось на 37 процентов. В результате сельскохозяйственных угодий (пашня, покосы и выгоны) на 1 хозяйство уменьшилось с 11,2 до 8 десятин (8,72 га). Это заставило крестьян интенсифицировать производство. За счёт распашки покосов и выгонов площадь пашни увеличилась на 66 процентов. Посевы овса и ржи на 44 % стали осуществляться чистосортными семенами. Урожайность ржи увеличилась по сравнению с 1913 годом в 2,4, овса – в 2,17 и картофеля – 1,54 раза. Рост урожайности был обеспечен как за счёт увеличения внесения навоза с 1500 до 2700 пудов на 1 десятину (39 т/га!), так и своевременным и качественным выполнением сельскохозяйственных работ. Теперь каждое хозяйство имело лошадь и железный плуг. В деревне появились сеялки: 2 рядковые и 1 клеверная; окучники – 6 шт., сортировка – 1 шт., соломорезки – 6 шт., которых раньше не было. В 1927 году

деревня продала 1500 пудов (24 тонн) зерна. За годы НЭПа количество коров в деревне возросло с 22 до 55 голов. Из 26 дворов в 19-ти имели по 2–3 и только в семи держали по 1 корове. Рост поголовья скота сопровождался интенсификацией кормопроизводства. За счёт мелиорации на 23 д. было проведено улучшение лугов. В освоенные севообороты включены посевы клевера и корнеплодов. Крестьянские хозяйства в среднем скармливали скоту 60 пудов отрубей, а на корову – 30 пудов. Среднегодовой надой молока на 1 корову составил 2400 кг, а в лучших хозяйствах – в два раза больше. Получило развитие садоводство. В Ильинках 15 крестьянских хозяйств имели сады. В 26 году к 350 имевшимся плодовым деревьям было ещё посажено 1050 шт., в том числе яблонь промышленных сортов. Два хозяйства занимались цветоводством – выращивали и сбывали георгины. Для обеспечения себя сортовыми семенами крестьянские хозяйства деревни имели общественную запашку на площади в 6 десятин. Все хозяйства состояли членами потребительской кооперации, в машинном и мелиоративном товариществах, и половина в кредитном и сельскохозяйственном товариществах. В деревне не было неграмотных старше 12 лет. Такие показатели имела лучшая деревня из селений уезда, сохранивших к 1928 году общинное ведение хозяйства.

Отмечалось, что внедрение культурных начал в сельском хозяйстве уезда идёт быстрыми темпами, но их эффективность сказывается, прежде всего, на передовых крестьянских хозяйствах. В целом по уезду урожайность основных культур несколько выше общесоюзной, но рост идет «черепашными шагами». Более того, с 1926 года наметилась тенденция снижения объем производства валовой сельскохозяйственной продукции, при росте доходов крестьян за счет неземледельческих заработков, которые получают до 60 % всех хозяйств. Сельское хозяйство уезда мало интенсивное, имеет зерно-молочное направление. Мало обеспечено рабочим и продуктивным скотом: на 100 га посева приходится 42 лошади, а на 100 едоков – 21 корова. В 1928 году на 4 % уменьшилась общая посевная площадь, что объясняли тогда переходом к новым формам хозяйствования (колхозам). На 3418 десятин или на 16 % по сравнению с 1925 г. сократились посевы зерновых, за счет 3-х кратного расширения посевов клевера. Ругали особенно агрономов, которые «агитировали за клевер, а теперь жрать нечего». Газета «Плуг и Молот» писала: «Уже в ноябре около 17 тыс. крестьянских едоков не имеют своего хлеба. Для нормального снабжения населения стали ввозить хлеб в уезд, примерно 50 % всей потребности, в том числе и для снабжения самого крестьянства». Ежегодно (1926–1928) ввозилось

в среднем 644 тыс. пудов муки, что с учетом валового сбора местного зерна составляло около 11 пудов на душу населения в уезде. В тоже время отмечалось наличие в уезде 140 тыс. десятин неосвоенной, пригодной к обработке земли. На 1929 год планировалось расширить посевы хлебных культур на 6–7 и повысить их урожайность на 10–12 процентов.

Подготовительный период к сплошной коллективизации на селе начался с 1924 года. Годом усиленной агитации был 1927. Первые колхозы в уезде появились после XV ВКП(б) (1927). В зависимости от степени обобществления различали три формы колхозов: ТОЗ – товарищества по совместной обработке земли, сельскохозяйственная артель (собственно колхоз) и как его высшая форма, коммуна, где кроме земли, труда, средств производства обобществлялся и быт. К осени 1927 года коллективных хозяйств в уезде было только четыре. По своим размерам они были маленькие – в среднем 7,5 двора с 46 десятинами земли. С них и началась коллективизация в уезде. Первые попытки создания коллективов в уезде столкнулись с массовым отказом селений в выделении общинной земли колхозам. Отказы носили настолько массовый характер по стране, что вынудили ВЦИК и СНК РСФСР в мае 1928 года изменить ст. ст. 114, 136 и 139 Земельного Кодекса. В новой редакции было записано: «Сельскохозяйственным коллективам (коммунам, артелям, ТОЗам …), образованным в порядке Положения о кооперации, выдел земли производится без согласия общества, независимо от того, происходит или не происходит полный передел или разверстание земли в обществе…». Этим, по сути, отнимались земельные наделы крестьян, полученные в результате Октябрьской революции, что и произошло в ходе дальнейшей сплошной коллективизации.

1928-й год проходил под лозунгом: «Необходимо ускорить перестройку сельского хозяйства на коллективных началах». К этому времени в уезде по столыпинской реформе на отрубах находилось 74 селения, и 73 домохозяина вели хуторское хозяйство. Было 114 общественных запашек и 15000 дворов единоличников в общинах. В начале весны (март) 1928 года на пленуме Сергиевского УИКа рассматривался план коллективизации. Было решено: всемерно содействовать коллективизации, землеустройство колхозов проводить в первую очередь. Довести количество колхозов до 11, поддержать их материально, выделив 46,5 тыс. рублей кредитных и дополнительных средств на приобретение машин, постройки и покупку скота. Не допускать самодеятельности коллективов, строго учитывать классовый состав, не допускать кулацкие

элементы в колхозы. Расширить применение минеральных удобрений в 3 раза (5000 пудов), направив их в первую очередь колхозам, совхозам и общественным запашкам. Организовать ремонтные мастерские в совхозах «Шеметово» и «Ситники». К концу 1928 г. было создано 15 коллективных хозяйств, объединившие 148 крестьянских дворов, состоявших на 31 % из бедноты, 68 – середняков и 1 % – выше среднего и зажиточных крестьян.

К очередной годовщине Октября Сергиевский УИК в 1928 году решил организовать уездную сельскохозяйственную выставку с конкурсом лучших хозяйств. В нем приняли участие 10 коллективов и товариществ по совместной обработке земли, 6 общественных запашек, 7 машинных товариществ, 5 сельскохозяйственных кружков, 11 сельских обществ и 9 единоличных крестьянских хозяйств. По результатам выставке 1-я премия в размере 200 руб. была присуждена Каменскому ТОЗу «Красный почин» – за внедрение крупных машин, высокую урожайность, семенную работу, достаточное развитие садоводства, правильную организацию труда и распределение урожая, кооперативный сбыт продукции, агрикультурные улучшения и работу среди окружающего населения.

Колхоз «Красный почин» в селе Каменки Ерёминской волости начали организовывать осенью 1927 года. Но подготовка к этому велась еще раньше. До того в селе 4 года очень успешно работал сельскохозяйственный кружок, который вёл сельский агроном. Село Каменное на Веле упоминается в писцовых книгах 1653 года. С 1-й половины XIX в. село принадлежало П.Н.Толстой, урождённой Сумороковой, матери графа Михаила Владимировича Толстого (1812–1896), церковного писателя, историка и археолога, похороненного в Троице-Сергиевой лавре. Одна из лучших книг графа М.В. Толстого – «Хранилище моей памяти». Село до 1920 года входило в состав Александровского уезда Владимирской губернии. Оно расположено на одной из заметных возвышенностей Клино-Дмитровской гряды, покрытой в этих местах на многие километры преимущественно хвойным лесом, о котором говорят как о подмосковной тайге. Коллектив – Товарищество по совместной обработке земли «Красный почин» «организовался под площадной бранью общества, огульным недоверием, градом насмешек». Пополз ядовитый шип: «Погодите, узнаете, какой такой коллектив! Отберут у вас всё. В коммуну запишут. Барщину воротят. Перепугались женщины, поднялся вой». Первоначально из 25 домохозяев села в коллектив записалось 22. В него не включили двух зажиточных крестьян и одного бывшего городового. В результате осталось 18

записавшихся, потом отпало ещё 6, затем – ещё три. Одного примазавшегося зажиточного мужика, работавшего к тому же на фабрике (бывшая Александрова. – *В. Б.*), коллектив «вычистил» сам за склоку. Осталось крепкое ядро – 8 домохозяев, к весне 1928 года их стало 12. Трудно было первое время, но коллективисты не падали духом. Сельское общество долго отказывалось выделить коллективу общинную землю, но под давлением администрации Сергиевского уезда создаваемому товариществу по совместной обработке земли (ТОЗу) всё, же выделили 55 десятин угодий, он имел необходимый инвентарь и рабочий скот. Решили купить в кредит трактор. Чтобы внести за него первый взнос, 400 руб. Мосселькредитсоюзу, коллективисты собрали по 10 руб. с едока. Трудно было достать деньги. Продать нечего – заработали на стороне, кто, чем мог. Члена товарищества Н.В. Сидорина, мужа Натальи Ивановны Балясниковой (дочери И.Ст. Балясникова), послали в Москву в Дом крестьянина на курсы трактористов. Там он проучился 1,5 месяца (Н.В. Сидорин, механик-водитель танка погиб в 1941 г. в бою под Великими Луками). В 1927 году было начато строительство двух общественных амбаров и заложен коллективный сад.

К весне 1928 года было проведено землеустройство коллектива, принят интенсивный 7-польный севооборот: пар – рожь – корнеплоды – яровые – клевер 1 года – клевер 2 года – яровые. Была получена ссуда – 110 пудов семян высокосортного овса (315А). Обеспеченность коллектива сельскохозяйственными машинами по тем временам считалась высокая. Он имел: зерновую, клеверную и туковую сеялки, культиватор, окучник корнеплодов, две опашки, рондель, косилку, конные грабли, 4-е железные бороны, жатку и сложную молотилку. Некоторые из этих машин коллектив купил на собственные средства, другие ему переданы ГЗИ за ремонт, так как в коллективе был свой слесарь. Необходимые запчасти для ремонта коллектив купил на собственные средства. У него имелся сад – 40 корней яблонь, предполагалось развить его до 100 корней, закупив саженцы к осенней посадке в Петровской (Тимирязевской. – *В. Б.*) академии. Коллектив постановил иметь к осени 1928 года общий скотный двор на 40 коров. На его строительство взяли кредит на 10 лет из расчёта 4 % годовых, а на приобретение коров – на 5 лет из расчёта 6 % годовых. Общая сумма отпущенного кредита составляла 4000 рублей, что вполне удовлетворяла потребности коллектива.

Наступили погожие весенние дни 1928 года. Коллектив начал полевые работы, не дожидаясь своего трактора, который уже

поступил и своим ходом отправился из Москвы в село Каменки. Один из активных участников коллективизации, председатель Каменского сельсовета А. Сёмин писал: «Труд коллектива организован. Агроном Каменок (П. Королёв. – *В. Б.*) составляет дневную ведомость, нарядчик (председатель И.Ст. Балясников) назначает, кому куда ехать, что делать. На очереди было боронование. Коллектив начал работу в приподнятом, полном надежд и энергии, настроении. Работали дружно. – Некогда было даже закурить. Женщины не курят, а не хотелось от них отставать мужичкам. Закуривали на ходу, зубоскаля: подсолнушков им, что ли купить, а то передохнуть не дадут. Забороновали в первый день 2,5 десятины. Общинники (не вступившие в колхоз – В. Б.) просидели, просмотрели, а работать до сего времени ещё не собирались. Всячески старались дух коллектива уронить. – «Всё равно ничего не выйдет. Вот за трактор теперь вас задушат, коров продадут и всё…».

12 мая Каменский колхоз «Красный почин» праздновал день «1-й борозды». Учитель Якиманский писал: «Ровно в 12 часов послышался стук трактора, который в полной готовности подъехал к трибуне, вокруг которой столпился народ (пришли и из других деревень). Состоялся митинг, по окончанию которого под звуки гармошки и с пением отправились в поле. Широкое желтое поле. …Слышались возгласы, что такое количество земли не успеет вспахать трактор. Трактор вспахал 0,25 десятины за полчаса. Зачесали бородачи в затылке, говоря: недостаточно будет работы трактору. Вечером был поставлен спектакль». По окончании своих работ предполагалось трактором обработать на льготных условиях Генутьевский колхоз «Красный ленинец», а также 135 д. луга по заявкам некоторых деревень. В отношении других машин было предложено использовать их для обслуживания окрестных деревень.

Посев овса на 11 га коллектив произвел рядковой сеялкой, внёс минеральные удобрения. Все полевые работы выполнил в срок. Уборку овса произвел жаткой. Осенью 1928 года был собран первый коллективный урожай. Урожайность с 1 га составила: овса 19,2 ц, картофеля 144, викоовсяной смеси 40, корнеплодов 145,5 центнеров. Каменский ТОЗ «Красный почин» был первым колхозом, представлявшим Сергиевский уезд на Московской губернской выставке, где также был премирован.

Успехи первых коллективов, несмотря на все трудности при их создании, коллективистов вдохновляли. Урожайность за первый год существования колхозов была у них всё же несколько выше, чем у единоличников. По завершению хозяйственного 1928 года отмечалось, что взаимоотношение колхозов с населением в

общем хорошее. Есть перспектива дальнейшего развития колхозов в уезде. Однако создание их идёт в спешке. Они недостаточно подготовлено приступают к деятельности и в результате бывают недоразумения на почве организации и учёта труда, распределения продукции.

В мероприятиях по коллективизации на 1929 год предусматривалась организация ещё 20–25 новых колхозов, более крупных с объединением в них до 400–450 крестьянских дворов. Планировалось при создании колхозов все организационные вопросы закончить к началу полевых работ. Особое внимание уделить подбору состава правленческого аппарата, выбирая в него таких членов, которые в состоянии поддерживать дисциплину в коллективе своим авторитетом. Были опубликованы рекомендации о порядке и условиях формирования колхозов. В них предлагалось при выборе формы колхоза, лучше начать с ТОЗа, коллектив формировать из надежных в совместной работе членов внутренне спаянных между собой, из бедняцко-середняцкой среды. Однако, несмотря на проводившуюся в уезде коллективизацию, были случаи возврата и к достолыпинскому положению. Так крестьяне с. Иудино с отрубной системы землепользования, на которой они были с 1916 года, перешли в 1929 году к общинной. «Отказ от отрубов главным образом вызван тем, что нет возможности уравнять землепользование».

В начале 1929 г. товарищества: Каменское «Красный почин», 1-ое Озерецкое «Смычка», Васильевское «Красный маяк» перешли на устав сельскохозяйственной артели, то есть обобществили и продуктивный скот. Как вспоминала Наталья Ивановна Сидорина (Балясникова), при создании колхоза «Красный почин» всех коров, овец согнали в одно стадо, объединили и лошадей. Завтракали и обедали коллективисты вместе по звонку. Загорская газета «Вперед» в 1930 году писала о колхозе «Красный почин»: «Колхозники живут между собой дружно, крепким, спаянным коллективом, но с единоличниками отношения не налаживаются. Правлению, в особенности председателю, приходится тащить колхоз на буксире собственной инициативы». Как вспоминала Татьяна Васильевна, невестка председателя И.С. Балясникова, он был высокого роста, крутого нрава, «сущий деспот». Но за честность его уважали односельчане, был авторитетным, на него ориентировались соседние руководители при проведении сельскохозяйственных работ. Колхоз по тем временам был богатый, получал высокие урожаи, далеко превосходящие урожаи единоличников. Занимался молочным скотоводством, свиноводством, производил зерно и овощи. Для полива овощей и других хозяйственных нужд были вырыты большие пруды, так как

село расположено на высоте примерно 280 м над уровнем моря. Колхоз имел свою технику: 1–2 трактора, прицепной зерноуборочный комбайн, тракторные косилки, электростанцию и мельницу на реке Веле. Был собственный молочный заводик, куда свозили для переработки молоко из ближайших деревень. Колхоз получал доход и от перевозки товаров с фабрики № 1 (быв. Александрова) у деревни Сырнево в Загорск и обратно. Во время войны поступили новенькие американские студобеккеры. Они прекрасно ходили по бездорожью и хорошо преодолевали тамошние глубокие овраги.

Председатель колхоза И.Ст. Балясников скончался весной 1946 года. Будучи при смерти, он попросил собрать односельчан и дал им наказ: «Держитесь вместе, делайте, как мы делали, не нарушайте севооборот». После него, беспартийного, в председатели пришли выдвиженцы райкома партии. Колхоз объединили с другими мелкими, которые раньше входили в Каменской сельсовет. Новый колхоз назвали «Смычка», отражавшее декларированную политику взаимопомощи города и деревни. На деле помощь была односторонней, деревня всё отдала городу. В голодном 1935 году 10 мужиков села арестовали за то, что они смели мельничную пыль и поделили между собой, чтобы ею накормить свои голодные семьи. На два года их отправили на рытье канала Москва-Волга.

В годы Великой Отечественной войны много мужиков села погибло. В работе, особенно летом, матерям помогала молодежь. Годы конца 40-х начала 50-х в памяти внука председателя колхоза И.Ст. Балясникова сохранились в ассоциации с сенокосом. Траву косили на поле, по диагонали которого стояли опоры высоковольтной линии, которую возвели в начале 1950-х годов. И когда их ставили, как у нас водится, повсюду разбросали металлические обрезки. Чтобы о них не поломать у тракторной косилки пальцы режущего аппарата, его нужно было вовремя поднять. У мальчишки 12-ти лет, помогавшему брату-трактористу, сил для этого не хватало. Приходилось приподниматься с сиденья и наваливаться всем телом на подъёмный рычаг. Просмотришь или не успеешь поднять, несколько пальцев на косилке как не бывало. Брат начинал ругаться, приходилось останавливаться, ставить новые пальцы, на что уходило много времени. Объезжать опоры подальше было нельзя, оставались большие огрехи. И ещё, у тракторной косилки сиденье металлическое на пружинящей стойке. Хотя и подкладывал под себя телогрейку, но за день так натрясало копчик, что до сих пор помнится. Когда скошенная трава подсыхала, ворошить сено выходило всё село. Женщины брали с

собой детей, еду. Толпа была большая, чисто одетая, пёстрая и весёлая. На отдых располагались на опушке леса, доставали еду, вкусней которой, казалось, ничего не было. Закончив работу, уставшие, разморенные солнцем, опьяненные ароматом свежего сена, притихшие, кажется, из последних сил колхозники шли домой… Наступали потёмки. Вечером, у амбаров, что были в центре села, вдруг заиграла гармошка – вечевой колокол молодёжи. Стук… стук, захлопали калитки у домов. От одного, другого пошли ребята и девчата женихового возраста. Запела одна, вторая ответила озорной частушкой. Гулянье началось, куда девалась дневная усталость. В кустах кто-то кого-то колошматит. Это разминаются наши ребята. Ждут пальчинских (Пальчино – соседняя деревня на р. Веле), с которыми была постоянная вражда из-за девчонок. А утром как ничего и не было, все на работу. С того времени сохранилась фотография радуги. Снимок сделан с крыльца дедовского дома. Фото чёрно-белое и не передает то первое впечатление и ощущение юности. Радуга была яркая, красивая, близкая, её дуга охватывала всё село с одного края до другого, казалось вот-вот рукой достанешь, а впереди будто бы вечность.

По мере подрастания из села стала уходить молодежь. Часть из них завербовывалась на шахты Донбасса. Другие, за редким исключением, после службы в армии оставались в городах. Девушки в поисках женихов и оплачиваемой работы подались в воинские части, которые в безумной гонке вооружений и противостояния с Западом как грибы росли в зоне противовоздушной обороны Москвы. В послевоенные годы государство за бесценок вывозило практически всю произведенную крестьянами продукцию, а за свой труд они получали копейки. В результате организационных реформ закрылся молочный заводик бывшего колхоза, затем прекратили работать мельница и электростанция. Колхоз «Смычку» присоединили к совхозу Марьинский, а село Каменки, как и другие деревни округи, в результате различных «ускорений и интенсификации», превратилось в «кровоточащую рану», жители которой боль заглушают в лучшем случае водкой. В 90-х годах новые реформаторы, господа-«демократы «сельское хозяйство довели до крайней точки.

Еду из Сергиев Посада в Каменки. Пассажиры автобуса с виду всё прилично одетый народ. Вот и село, остановка. Часть из приехавших пошла в деревни Сырнево и Генутьево, большая – в Каменки. От остановки в 80-ти метрах вроде как зерноток под открытым небом. Все идут через этот «ток». Каждый открывает полиэтиленовые сумки, и насыпает в них зерно, ссыпанное кучей

прямо на землю. Всё происходит, молча, деловито. Насыпали и пошли дальше. Проходивший работник тока видел это. На вопрос, почему он ничего не сказал людям с сумками, мужик ответил: «Какой год зарплату не дают, скажешь, – отругают, а то и побьют». Он лукавил. Приехавшие были городскими родственниками сельчан или дачники. Те и другие приезжают навестить стариков, отдохнуть-выпить в выходные дни или навестить своих детей, привезённых из города в село, за которыми в будни присматривают за плату местные пенсионерки. Внешне село за полвека почти не изменилось. Постарели только дома и его жители, молодежи нет. Школа кирпичная, двухэтажная, построена в XIX веке помещицей рядом с церковью, закрыта, так как многие годы не ремонтировалась. Немногих детей младшего возраста возят в школу за 15 км в село Марьино. Старшеклассники учатся в школе-интернате в Сергиевом Посаде. На месте бывшего большого колхозного сада теперь картофельные гряды, пустырь, да несколько ничем не примечательных домов жителей, приехавших из других мест России за лучшей долей в Подмосковье. Проходя по густо заросшей лопухами, крапивой и репейником сельской улице, за спиной услышал: «Чей будешь, милок?» Обернулся. Во дворе за калиткой, опершись на неё, стояла женщина лет семидесяти. – «Балясников». «Балясники живут там, там, и там», – показала женщина на три дома в противоположной стороне села. – «Балясники и там живут», – указал в сторону бывшего дедовского дома. «Так ты, чей будешь – то?» – допытывалась женщина. – «Михаилов сын, внук Иван Степановича, помнишь таких?» – «Помню!.. так это когда же было!»

6. В годы Великой Отечественной войны

Много лет до выхода на пенсию Клавдия Павловна Макарова (Жмотова) работала в Загорской артели инвалидов им. XX лет РККА, с 1930 года была членом партии. Во время Великой Отечественной войны руководила одновременно двумя цехами: ткацким и швейным. Артель днём и ночью шила телогрейки, ватные брюки и другое военное обмундирование для фронта. Работали инвалиды: слепые и глухонемые. «За доброе слово они могли горы свалить», – говорила она. Она вспоминала, что особенно тяжело было в начале 1942 года. От голода она сильно опухла, уже почти не могла двигаться. И тут неожиданно отец зятя Михаила, Иван Степанович Балясников, привез подводу продуктов. В то время он был председателем колхоза «Красный почин» в селе Каменки, до которого немцы не дошли 20 километров.

Как-то уже после войны к калитке дома Клавдии Павловны подошла женщина и спросила: «Дома ли хозяйка?» Когда вышла Клавдия Павловна, женщина попросила её, как бывшего начальника цеха, дать справку о том, что во время войны та работала в артели. Справка нужна была для оформления пенсии. Клавдия Павловна справку написала, но как-то необычно жёстко повела разговор с этой женщиной. Когда та ушла, внук поинтересовался, почему бабушка так разговаривала. Она ответила: «Во время войны, когда немцы были почти рядом, эта женщина обещала: «Клавдия, придут немцы, тебя первую вздёрнем». А вот теперь, дай справку!» Её труд во время войны был отмечен медалью «За оборону Москвы».

На военных тропах Северного Кавказа

В центре села Каменки стоит скромный памятник, сооруженный местными школьниками. На его четырех гранях на нержавеющих пластинах написаны фамилии 141 мужика этого села, а также деревень Пальчино, Ерёмино, Генутьево, Сырнево, Горошково, Соснино, Натальино и Ивнягово, ушедших на Великую Отечественную войну и погибших на её фронтах. Им вечная память. О том, как воевали и гибли, нам они уже ничего не расскажут. Из 31-го каменских мужиков вернулись с фронта только пять: Алексей, Михаил и Федор Балясниковы, Никита Волков и Николай Гусев.

Михаил Иванович Балясников в феврале 1936 года был призван в армию красноармейцем в 1-ю Московскую Пролетарскую стрелковую дивизию. Оттуда его направили в Московское военное училище им. ВЦИК. Кроме учебы кремлевские курсанты, так их тогда называли, несли караульную службу в Кремле. На втором году учебы его перевели в Киевское пехотное училище, которое он окончил в 1939 году по 1-му разряду и в звании лейтенанта был вновь направлен в 1-ю Пролетарскую дивизию командиром пулеметно-минометного взвода, а затем роты полковой школы. Перед войной М.И. Балясников служил в Грузии на аэродроме г. Вазиани, где был командиром роты подготовки стрелков-радистов.

С началом войны авиационный полк перебросили на Кубань, и он вступил в бой. В течение двух недель почти все лётчики погибли. У тех, кто оставался на земле, настроение сменилось с «Ну, мы им дадим!» до подавленного. На фронтах Великой Отечественной войны М.И. Балясников с июня 1941 года. Сначала воевал на Северо-Кавказском фронте (с. Крымская, Тихорецкая, Старотиторовская, г. Моздок). Затем в Черноморской группе войск (г. Новороссийск), на Степном и 2-м Украинском фронте в составе 5-й Воздушной армии. В конце войны – в Восточной Пруссии.

В конце июля 1942 года создалась реальная угроза прорыва немецких войск на Кавказ. Наши войска вели ожесточенные и неравные бои с противником, силы которого по пехоте превосходили в 1,4 раза, по артиллерии – в 2 раза, по танкам – в 9,3 раза, а по авиации – почти в 8 раз. Был создан Северо-Кавказский фронт под командованием Маршала Советского Союза С.М. Буденного. Особое внимание уделялось обороне

подступов к Закавказью с севера по рекам Терек, Урух и Кубани и к перевалам Главного Кавказского хребта. Здесь наступали главные силы 1-й немецкой танковой армии, которым совместно с 17-й армией удалось форсировать Кубань в районе Армавира. Сдерживая натиск противника, делавшего отчаянные попытки любой ценой прорваться к майкопским, грозненским и бакинским нефтепромыслам, наши войска отходили в предгорья. Обе стороны несли большие потери.

На Северном Кавказе, – вспоминал М.И. Балясников, – наши войска в 1942 году отступали с боями, уходя в горы и по Военно-Грузинской дороге в Закавказье. По ней непризывной вереницей шли войска и техника. Передвигались только ночью, без огней, до рассвета. Иногда на дороге то там, то тут от полученных пробоин вспыхивали факелом автомашины. Их сталкивали тут же в ущелья. Днём немецкие самолеты полностью контролировали воздух и охотились за всем, что передвигалось по земле.

Однажды, как всегда с наступлением рассвета, колонна машин отдельного батальона аэродромного обслуживания, в котором М.И. Балясников был начальником штаба, остановилась на дороге. Водители стали прятать свои машины в придорожных кустарниках, под горными скалами, в расщелинах. Вскоре послышался гул немецких самолетов, и началась обычная ежедневная бомбёжка. Выстрелы наших зениток, редко размещенных в горах, не представляли для немцев никакой угрозы. Бомбёжка застала Михаила Ивановича, когда, присев на табуретке и прижавшись спиной к колесу автомашины-фотолаборатории, в которой ехала и его семья (жена, сын и дочь), тот работал с документами. Он посмотрел на небо в сторону самолетного гула и увидел, что прямо на него летит бомба. От летящей бомбы не мог оторвать взгляд. Наступило леденящее душу безразличие и мёртвое оцепенение. Рассудок выключился. Такой степени страха на войне после никогда не испытывал. Даже в конце войны в Восточной Пруссии, где свирепствовали немецкие снайперы, всё было проще: идет человек и вдруг, упал. Смотришь – убит.

Бомба разорвалась рядом, там, где ещё несколько десятков минут назад водитель хотел поставить нашу машину, и где в это время стояла машина хирурга медсанбата, в которой ехала его беременная жена, тоже хирург. Взрывной волной нашу машину, фургон – лабораторию, очень сильно тряхнуло, дверь резко распахнулась. Раздался страшный женский крик – один из осколков бомбы попал в живот жене хирурга. Этот крик вывел Михаила Ивановича из оцепенения. Он увидел, как потрясенный муж вытаскивает из кобуры пистолет, чтобы прекратить мучения

своей жены. Татьяна Васильевна Балясникова вспоминала, как она бросилась к распахнувшейся двери фургона и увидела, что мужа нет. Около машины валялись табуретка, на которой он сидел, и документы. Ей стало плохо. Оказалось, что увиденная сцена заставила Михаила Ивановича сорваться с табуретки, и он успел отвести пистолет в руке хирурга в сторону. Через мгновение хирург вышел из шока и тут же начал делать операцию. Свою жену он спас.

Тот, кто ходил туристом по Кавказу, мог часто видеть высоко в горах могилы с памятниками нашим солдатам. Михаил Иванович рассказывал: – С тяжёлыми боями мы всё выше и выше уходили, отступая в горы. Многие гибли не только от пуль и ран, но ещё больше замерзали в снегах, так как обогреться было нечем, все были легко одеты. С рассветом можно было видеть сидящих на корточках в сугробах наших солдат. Бывали случаи, когда подойдёшь, дотронешься до плеча солдата, а он окоченевший заваливается на бок. Гибли и местные кавказцы, которых приходилось мобилизовывать тут же в горных аулах. Некоторые из них погибали в первые же дни. Истощённые голодом, они набрасывались на кашу. Варили её на воде из снега на кострах, накрывшись шинелями или плащ-палатками. Кашей это варево назвать нельзя. Это была подогретая в воде разбухшая крупа. Утолив острый голод, они засыпали… и тихо умирали от заворота кишок. Он вспоминал, что самым жутким в горах было слышать вой шакалов. Они шли по пятам. По ночам стаи собирались у свежих могил, и начинался их кошмарный вой. Они пытались разрывать могилы. Чтобы не допустить этого, на могилы наваливали большие камни и ставили охрану. Это было в 1942-ом году…

Моздок. Название этого города в 1990-х годах мы слышали почти каждый день. В ту войну через Моздок рвались фашистские войска к грозненской и каспийской нефти. Его защищали две дивизии. Михаил Иванович вспоминал, как однажды на стыке этих дивизий разразился жуткий бой. Эсэсовская часть, переодетая в красноармейскую форму, ночью с тыла вплотную подошла к нашим частям. Провели их горными тропами чеченцы. Эсэсовцы вырезали спящих солдат ножами, пока один из часовых не ранил нападавшего, который закричал по-немецки. Открылась стрельба со всех сторон, разобраться ночью, кто свой, кто немец, было невозможно. Тогда погибло очень много наших солдат.

Что такое земной ад, дети М.И. Балясникова узнали из его рассказов о боях за Новороссийск задолго до выхода в свет книги Л.И. Брежнева «Малая земля». В ожесточённых боях на Северном Кавказе враг понёс тяжёлые потери, что впоследствии

способствовало успешному контрнаступлению наших войск под Сталинградом. В боях на Северном Кавказе МИ. Балясников был дважды ранен, награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа».

Возвращение домой

Годы конца сороковых и пятидесятые были, кажется, для мамы самыми счастливыми в её жизни. Чувство счастья она связывала с Победой в Великой Отечественной войне. Она говорила, 9 Мая был для неё лучшим праздником. Ведь закончилась война, в семье все остались живы, здоровы и вместе, а она ещё была очень молода.

Во время войны она с детьми жила в Грузии. В Зугдиди работала на кирпичном заводе. Жили в землянке, вырытой в горе. Сын ходил в детский сад. Дочь родилась в Тбилиси в 1941 году за 10 дней до войны. Жили голодно, в тревоге. Каждую неделю Татьяна Васильевна, ходила на почту: может быть, пришла какая-нибудь весточка от мужа с фронта. И всякий раз при возвращении с почты её поджидал, сидя у своей сакли, одинокий, старый, седой грузин-князь. С улыбкой Татьяна Васильевна добавляла, что в Грузии в каждой деревне есть свой князь. Тания, – просил князь, – почитай мне письмо сына. Это было первое и последнее письмо с фронта его единственного сына, лейтенанта-танкиста, сгоревшего в танке в самые первые дни войны. И каждый раз после того, как письмо было прочитано, он тихо просил: «Тания, отдай мне твоего сына».

Когда был разрешен въезд в Москву, Татьяна Васильевна стала собираться домой в Загорск. Этот переезд для неё оказался одним из самых драматических за всё время войны. Из Грузии предстояло ехать в Краснодар и там оформлять выездные документы. Сесть в поезд было очень трудно. В привокзальной толпе среди снующих туда-сюда людей она больше всего боялась растерять детей, шести и четырех лет, держала крепко за руки. А ещё были два больших чемодана со скарбом…

Вот она всё оглядывалась и думала, как же быть, как вдруг откуда-то подошли два парня в матросской форме и предложили помочь. Обрадовалась. Те взяли по чемодану, и пошли: один впереди, другой сзади. Когда шли к вагону, смотрела то назад, то вперёд, идут ли матросы. У самого вагона обнаружила, что ни того, ни другого уже рядом нет. Искать, не было времени – поезд отходил. Так, без чемоданов, но с детьми и маленькой дамской сумочкой, в которой были продовольственный аттестат, деньги, паспорт, метрики детей, документы о том, что является женой офицера, Татьяна Васильевна и оказалась в Краснодаре. Разместилась под лестницей в зале ожидания железнодорожного вокзала. Попросила беспризорную девочку лет тринадцати за еду присматривать за детьми. Та согласилась. С ней оставляла детей,

а сама ежедневно ходила по разным инстанциям. Когда укладывалась на ночь спать, обычно сумочку на ремешке одевала на плечо и прятала её, прижав под мышкой. Однажды проснувшись утром, обнаружила, что ни девочки, ни сумочки нет. Заплакала: жить не на что, документов нет.

В какой-то день после всего случившегося к ней на вокзале подсела женщина и стала потихоньку расспрашивать, что произошло. Видимо, вид мой, говорила Татьяна Васильевна, её чем-то привлек. Рассказала, кто я, откуда и куда еду, как украли чемоданы, и оказалась без документов и не знаю, что делать дальше. Женщина посочувствовала и рассказала свою историю. Оказалась она учительницей. Во время оккупации немцами Краснодара её, знавшую немецкий язык, забрало гестапо и ей приходилось быть на допросах в качестве переводчицы. Когда Краснодар освободили, её не арестовали, но жить стало невозможно. Проходу не было, ведь работала в гестапо, где пытали и убивали наших. В общем – «гестаповка». Об этом говорили в лицо.

Женщина предложила пойти жить к ней и пообещала сделать всё, чтобы отправить её с детьми в Москву. Всё-то время, что они находились у неё, она их кормила, продав всё, что у неё было мало-мальски ценного. Однажды она пришла и обрадовано сообщила, что можно ехать: вот – разрешение, билет, деньги. От счастья Т.В. Балясникова не знала, чем отблагодарить. Женщина попросила только об одном: «Когда приедете в Москву, напишите письмо как доехали».

В Москве муж не встретил. В это время он, как слушатель военной академии, находился на стажировке на фронте в Восточной Пруссии, где ещё шли ожесточенные бои. Поехали в Загорск к бабушке, Клавдии Павловне Макаровой. Когда вышли из поезда на платформу, было очень холодно. Январь, сын в сандалиях, без шапки, на голове полотенце, дочь на руках, у неё и вовсе нет обуви, только чулки. Проходившему мимо железнодорожнику Татьяна Васильевна назвала себя: дочь машиниста Василия Алексеевича Макарова. Загорским железнодорожникам эта фамилия была очень хорошо известна. Три брата Макаровых с 1920-х годов работали на ст. Загорск: Илья – слесарем паровозного депо, Василий – машинистом паровоза, а затем железнодорожной водокачки на Ферме, Петр – поездным ревизором, награжденным орденом Ленина. Железнодорожник помог дойти до вокзала, завёл в служебное помещение, где было очень тепло, и по селектору сообщил на водокачку, что приехала дочь Татьяна с детьми. Клавдия Павловна с санями и тёплой одеждой с Фермы, прямиком через

Рыбинку, пришла через полчаса. Так, наконец-то, после четырёх лет войны мы оказались дома.

Письмо той женщине из Краснодара послала Академия, в которой после её окончания М.И. Балясников был оставлен служить начальником курса. В письме женщину благодарили за всё, что она сделала для жены их офицера. Имя той женщины со временем забылось. Помогло ли письмо обрести ей доброе имя, неизвестно.

7. Уроки высшей школы победителей

Зима-весна 1946 года. Полгода как закончилась Великая Отечественная война. На охраняемую территорию Краснознамённой военно-воздушной академии (КВВА) можно пройти только по пропускам. В гарнизоне пустынно. Первозданной белизной сверкает снег. Сугробно, но дороги и тротуары тщательно расчищены. В Монино наша семья приехала в декабре 1945 года. В четырёхкомнатной квартире нам выделили две смежные комнаты. Квартиру заселяли первыми. Когда вошли, в полутемном коридоре натолкнулись на большой сундук, в нём лежали несколько поленьев и всякий хлам. В ванной, где сохранились ещё приятный запах чьих-то довоенных духов, тоже были дрова и несколько оловянных солдатиков. Пол покрыт толстым линолеумом. На кухне кирпичная печь. В комнатах казённая мебель: буфет с двумя стеклянными верхними створками, круглый обеденный стол, четыре стула, три металлические кровати с матрацами и тумбочки. Кроме чемоданов у нас ничего не было. В течение недели в квартире было всё тщательно вымыто. Чувство, что война наконец-то для нашей семьи закончилась, пришло, когда на окнах висели новые занавески, а над столом, за которым собралась семья ужинать, засветился купленный большой оранжевый абажур с кисточками. Все были вместе, начиналась мирная жизнь. Постепенно прибывают семьи начальников, командиров, преподавателей и служащих академии и все девять домов гарнизона плотно заселяются.

После окончания в ноябре 1945 г. академии отец продолжил служить в ней начальником курса. Вспоминается случай. В тот день отец пришёл с работы поздно вечером, уставшим. Он закончил первый послевоенный приём слушателей на свой курс. Мама спросила: «Ну как, зачислил?» «Да», – коротко ответил отец. Мама сразу стала накрывать стол к ужину. Отец ел вяло, был задумчив, молчал. «Что-то случилось?» – спросила мама. «Да, боюсь, мне влетит! Зачислил одного майора, который на всех вступительных экзаменах получил двойки», – и как бы оправдывая себя, продолжил: «Я не мог его не зачислить, у него вся грудь в орденах!»

В то время довелось видеть известных лётчиков, героев и генералов, недавно вернувшихся с войны. Запомнились начальники академии тех лет: генерал-лейтенант С.А. Пестов,

маршал авиации Ф.Я. Фалалеев, Герой Советского Союза маршал авиации С.А. Красовский. Они жили в гарнизоне. По Академической улице ходил на работу высокий, стройный, всегда подтянутый генерал – Герой Советского Союза профессор А.В. Беляков, участник вместе с В.П. Чкаловым и Г.Ф. Байдуковым перелёта из Москвы через Северный полюс в Америку. Легендарный генерал двух армий, царской и Красной, А.А. Самойло был особенно требовательным к внешнему виду слушателей академии. Восхищёнными глазами смотрели мы на своих отцов, когда они надевали парадные мундиры с офицерскими кортиками, висевшими на золотистых ремешках сбоку. А на груди благородным металлом блестели ещё, не успев потускнеть от времени, боевые награды: ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, Александра Невского, медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». А также медали, отражавшие славный героический путь бойцов и командиров Красной армии: за оборону Москвы, Кавказа, Сталинграда, Советского Заполярья, за освобождение Варшавы и Праги, за взятие Кенигсберга, Вены, Берлина и другие. Быть патриотами, культивировать в себе дух победителя – главный урок наших родителей. Этим было пропитано тогда всё в гарнизоне.

Справа от шоссе, ведущего от северных ворот к академической проходной, находилась комендатура. За ней, в редком сосновом лесу, на поляне стоял большой барак. В нём за колючей проволокой содержали пленных. Они ходили в своей военной форме. Сюда мы бегали смотреть на настоящих немцев. Они строили главный корпус академии и офицерскую столовую. Когда их водили лесом на работу и обратно в барак, то мы обычно им кричали «фрицы» или «гансы». Изредка, когда уже было темно, кто-нибудь из пленных стучался к нам в квартиру и предлагал вязанку из 10 аккуратных поленьев длиной 35 см и просил картошки. Мама, молча, брала дрова и давала с десяток варёных картофелин пленному. Обмен происходил с взаимной благодарностью. Так было и в других семьях. Проявлений ненависти или злобы к пленным с нашей стороны не было. Милосердие к побеждённым было уроком школы победителей, который дали нам родители.

Тогда движения автомашин в гарнизоне почти не было. Зимой на дороге, расчищенной от снега, мы катались на коньках. «Снегурочки», «ласточки», «спотыкачи», «гаги» привязывали верёвками к валенкам. Иногда по этой дороге на лошади, запряжённой в сани-розвальни, ездил контуженый немец. Мы просили его прокатить. Но он, высокий в своей шинели, сидел,

сгорбившись, не слыша и не замечая ничего вокруг, отрешённо смотрел перед собой. Однажды осмелев, мы всей гурьбой сели сзади на край саней, полагая, что он нас не заметил. Сначала лошадь шла размеренным шагом, потом сани поехали быстрей, потом ещё быстрей. И вдруг, когда мы были в полном восторге, немец обернулся и стеганул нас кнутом. Мы горохом рассыпались по дороге. Кнут никого не задел, а радости, что нам удалось прокатиться, не было предела. Потом такое катание стало нашей забавой, при этом кнут немца всегда попадал по саням.

Местом, куда мальчишки ходили играть в войну, был огромный котлован около железной дороги, между станциями Монино и Осеевская. Видимо, из него брали песок, когда строили аэродром. В котлован были свалены, как попало, немецкие самолёты. Мы залезали в них и изображали воздушные бои. «Строчили» из всего, что было под рукой. Стоял мальчишеский гвалт. Кричали друг другу: «Я тебя сбил!» Мы ходили и на аэродром. Там подкрадывались к взлётной полосе и, лёжа рядом, ждали «ястребков», которые тут взлетали. Для нас, мальчишек 9-12 лет, верхом храбрости было встать в рост перед взлетающим самолётом, метров за 50 от того места, где он отрывался от земли. Нужно было преодолеть жуткий страх от рёва мотора, несущегося на тебя самолёта, грохота железной взлётной полосы под его колёсами и не упасть от воздушной волны. Конечно, мы вооружались: какой «боец» без оружия. У всех были рогатки с резиной от противогазов. Старшие ребята из толстой доски или сучка и медных трубок, сплющенных и загнутых с одного конца, мастерили пистолеты. Родители особенно опасались, как бы мы не нашли где-нибудь мины, гранаты или взрыватели к ним. Такие находки иногда были и всегда имели трагические последствия. Смертельных случаев не было, но без пальцев или без глаза ребята оставались. Нам, мальчишкам, хотелось во всём походить на лётчиков – героев войны, среди которых мы жили. Младшие из нас вырезали из газет и журналов изображения орденов и медалей и вешали их себе на грудь, когда выходили гулять на улицу, а большинство мальчишек старших классов, вплоть до 10-го, ходили в дерматиновых сапогах. Мы хвастались друг перед другом отцовскими трофеями. Конечно, фарфоровые статуэтки, пианино, аккордеоны, ковры или другая подобная чепуха нас не интересовали. Некоторые офицеры с фронта привезли охотничьи ружья знаменитых немецких фирм. У нас тоже было охотничье ружьё, японское, небольшое, лёгкое, одноствольное, с полусотней латунных гильз. Трофейные мотоциклы BMW с цепной передачей, эсэсовские штык – кинжалы, изящно сделанные узкие немецкие офицерские клинки и кортики – вот что вызывало наше

восхищение. А когда в доме не было родителей, из потаённых мест доставались самые главные для нас трофеи – настоящие пистолеты. Они были разных марок: вальтеры, браунинги, ТТ и кольты, вороненые, хромированные и маленькие дамские. Каждому хотелось подержать их в руках, пощёлкать курком. Однажды, передавая пистолет из рук в руки, кто-то случайно нажал на курок. Раздался выстрел – пистолет был заряжен. Пуля попала в окно дома, стоявшего напротив, и застряла в стене внутри квартиры. Слава Богу, обошлось без жертв. Но скандал был, послуживший нам ещё одним уроком – как бы оружие, ни было красиво, оно всегда опасно для жизни. Среди мальчишек особенно ценились трофейные цейсовские фотоаппараты. У Юрки из соседнего подъезда был такой, он раздвигался гармошкой. Несколько снимков ребят нашего дома, сделанных им в конце 40-х – начале 50-х годов, сохранилось у нас как особо ценная реликвия тех дней.

В то время только налаживалась мирная жизнь, в 1947 году отменили карточную систему, во всём дефицит. Решение бытовых вопросов, распределение к праздникам особо дефицитных продуктов (муки и крупы), налаживание семейных отношений, организация досуга детей и многое другое возлагалось на женсоветы факультетов. Некоторые жёны офицеров постоянного состава, имевшие специальное образование, занимались у себя на квартирах с детьми (детского сада тогда не было) музыкой, лепкой из пластилина и аппликацией, репетиторством по русскому и иностранным языкам, математике. Со школьниками начальных классов мастерили кукол и разучивали роли для домашних спектаклей. Детвора из ближайших подъездов в назначенный день и час собиралась на лестничной площадке у квартиры в возбужденном ожидании, когда будут давать «билеты» – бумажки с указанием ряда и места. В это время в квартире – «театре» шли приготовления: на середину комнаты ставили обеденный стол – сцену, вешали на верёвке занавес из материи, какая была под рукой, расставляли в 2–3 ряда имевшиеся в квартире стулья и табуретки. Когда всё было готово, «артисты» садились за стол-сцену, а из коридора в комнату впускали шумную гурьбу детей. Рассевшись по местам, мы быстро затихали в ожидании чуда. Занавес раздвигался, начиналось представление. Детские глаза сосредотачивались на куклах, следили за их движением. Мы сами становились участниками спектакля, поправляя или подсказывая текст роли, разволновавшемуся артисту. Если очередной спектакль ещё только готовился, то организовывали просмотр диафильмов, которые покупали наши родители. Памятным событием для нас,

детворы, была посадка вместе с родителями берёз вдоль нашего 4 дома. Сейчас им 60 лет, у каждой есть имя. Эти сажал Анатолий Реут с сестрой, эти – братья Бердниковы, эти, у выхода из 6 подъезда – мы с сестрой, Ириной; её берёза растёт, а моей уже нет. Далее сажали братья Прохоровы-Шигины, Сычков, Скворцов, Забелены, Щукины и другие сверстники. Последней у 10-го подъезда стоит берёза Антона (Антонио) Крейчи, «итальянского скрипача». Они – живые свидетели тех дней и шелест их крон напоминает об ушедшем времени, об уроках родительской любви в тяжёлые военные и послевоенные годы.

Мы невольно становились свидетелями и драм, которые случались в жизни взрослых. Военный гарнизон, на стендах привычные призывы недавно закончившейся войны: проявлять бдительность, строго хранить государственную тайну. Однажды родители пришли из Дома офицеров в особом возбуждении. В тот вечер там состоялось общее собрание постоянного состава академии, слушателей и их жён. Публично обсуждали поведение двух молодых смазливых провинциалок, жён слушателей, которые после ухода мужей на занятия часто отправлялись до их возвращения развлекаться в Москву. Они примелькались оперативным сотрудникам НКВД, работавшим на улице Горького (теперь Тверской). За ними установили наблюдение. Во время собрания в Доме офицеров эти две женщины с мужьями одиноко сидели на ярко освещённой сцене перед переполненным залом. Сотрудник особого отдела с трибуны доложил, что они охотно завязывали разговоры с незнакомыми мужчинами, некоторые из которых являются разведчиками. Были показаны на экране фотографии с ними и включена магнитофонная запись самих разговоров. Сначала от увиденной и услышанной работы НКВД собравшиеся были в шоке, в зале стояла тишина. Но когда раздались записанные на пленку русские похабные выражения и мат в исполнении этих женщин, полагавших, что их никто не слышит, а иностранцы плохо понимают по-русски, в зале разразился хохот. После того как несчастных женщин заклеймили позором, командование предложило мужьям сделать выбор: или они разводятся с жёнами, или их отчисляют из академии. Один слушатель тут же встал и заявил о своем разводе. А второй начал оправдывать жену, сказал, что она очень хорошая, что он её любит, и разводиться не будет. Приказ об его отчислении из академии на глазах у всех тут же был подписан.

В гарнизоне действовал «сухой закон», на его территории никаких спиртных напитков не продавали. Но где и когда это было видано, чтобы лётчики не пили! Особенно те, кто прошел жуткую войну, когда пили и за сбитого немца, и за то, что

израненный, но долетел и сел на аэродром, и за тех, кто не вернулся с боевого задания. Вот такого пьющего лётчика – молодого капитана, Героя Советского Союза, слушателя академии подселили к нам в квартиру, видимо, под присмотр начальника курса и его жены – председателя женсовета, в маленькую комнату напротив. Они познакомились на фронте. Она служила радисткой истребительного авиаполка. Там полюбила храброго лётчика, тоже украинца из Винницы. Пили они вместе обычно по субботам, «в Голубом Дунае» – пивнушке, выкрашенной в голубой цвет, находившейся на станции Монино, сейчас на том месте магазин мебели. Оттуда возвращались поздно вечером очень сильно пьяными, шли, поддерживая друг друга, зацепившись под руки и упершись плечом в плечо, чтобы не упасть. Всё воскресенье в их комнате была тишина, никто не выходил. Жена лётчика появлялась на кухне только в понедельник утром, когда муж уходил в академию на занятия. Однажды услышал неторопливый разговор мамы и жены героя. Мама тоном старшей сестры просила её не пить или стараться меньше пить и как-то удерживать от этого мужа. Ведь может случиться так, что пьянство отразиться на его здоровье, и тогда не допустят к полётам, выгонят из академии, что скажется на военной карьере. Жена героя сидела, безвольно ссутулившись, облокотись и, положив пышную грудь на стол, слушала и соглашалась. Тихо плакала. Мама наступала, говоря, что они молоды, что она должна родить детей. Женщина начала рыдать. Мама дала воды, стала успокаивать, обняла её, поглаживая по спине. После длительной паузы, несколько успокоившись, хохлушка, назвав маму по имени и отчеству, сказала: «Знаете, почему я пью?» – и стала рассказывать, как было страшно слышать во время воздушных боёв переговоры лётчиков, особенно когда там, в небе, твой любимый. «Однажды, – продолжала она, – откуда ни возьмись, налетели немецкие штурмовики и стали атаковать аэродром. Звено мужа успело подняться в воздух и завязать бой. За ними поднялись ещё несколько наших самолётов, началась мясорубка. Что творилось в воздухе, в эфире, на командном пункте, словами передать невозможно. Бой удалялся, самолётов стало не видно. Напряженно вслушиваюсь в эфир: команды, ругань, мат, просьбы, приказы, последние слова. Слышу переговоры мужа. Орёт с матом ведомому лётчику, у которого закончился боекомплект, приказывает тому выходить из боя. Тут же просит друга прикрыть его, идёт в атаку. И вдруг в эфире тишина. Кручу ручки радиостанции. Все смотрят на меня, ждут чуда, будто я Бог… Громкоговоритель молчит, в наушниках только треск. На глаза накатываются слёзы, уже ничего не вижу.

Вдруг кричат: «Сел!» Все побежали к летному полю. В голове застучало: сел, значит жив. Жив, если сел. Сел… жив! Жив… кто? Я вскочила и тоже побежала. Не могу никого догнать. Сел, значит, жив! Догнать! Еще немного… потерпи. Жив… если сел. Вижу: открывают фонарь кабины. Лётчик не шевелится, голова опущена. Кто?! Бежать. Задыхаюсь. Бежать больше нет сил, мелькнула последняя мысль: Он жив. Падаю. Что он жив, я узнала в госпитале, когда пришла в себя после операции». Встав из-за стола, сгорбившись и тихо сказав: «У меня никогда не будет ребёночка», – она ушла к себе в комнату. Мама сидела одна. По её лицу текли слёзы. Ей были знакомы подобные переживания за мужа во время войны.

Постепенно в гарнизоне вместо дровяных печек хозяйки стали использовать керосинки, керогазы и примусы. В квартирах жили по 2–3 семьи. Поэтому, чтобы не скандалить с соседями на кухне, некоторые хозяйки держали керосинки в комнатах. Это случилось зимой, около 8 часов вечера. Всей семьёй сидим за столом, пьём чай, беседуем под абажуром. Вдруг за окном раздался сильный глухой странный звук, вроде упало что-то. Мама посмотрела в окно и говорит отцу: «Миша, звони, пожар!» Ему, как начальнику курса, полагался московский телефон с номером К-5. Телефон стоял тут же, на тумбочке. Отец вызвал пожарные машины. Мы столпились у подоконника, вглядываясь в темноту ночи. В угловой квартире на 4-м этаже дома, стоявшего, напротив, из окна хлестало сильное пламя. У цоколя дома кто-то шевелился. Подошёл одинокий прохожий в чёрной шинели, наклонился к лежавшему и тут же убежал. Отец по телефону вызвал скорую помощь. В этот раз взорвался керогаз, стоявший в первой из двух смежных комнат, и начался пожар. Хозяйка пыталась сбить пламя с занавески, отгораживавшей кухонный стол с керогазом от остальной площади комнаты. Но пламя быстро распространялось, перешло в смежную комнату. Там были три девочки: одна – первоклашка, её заболевшая старшая сестра и подруга, которая пришла навестить одноклассницу. Когда все стали задыхаться от дыма, пришедшая подруга разбила стёкла в окне. От потока свежего воздуха пламя стало бушевать с новой яростной силой и, испугавшись его, девочка выпрыгнула с 4-го этажа. Прохожий в чёрной шинели, морской лётчик, первым прибежал к месту пожара. Но дверь, выходящую в коридор, заклинило взрывной волной. Ему с помощью соседей удалось её выбить. Из горящих комнат повалил едкий, перехватывающий дыхание дым, и лётчик вошёл в кромешную темноту. Первой он вытащил, прикрыв шинелью, хозяйку. Она, теряя сознание, успела произнести: «Дети». На офицере горел китель. Его облили водой,

и он вновь бросился в пекло. Когда на руках вынес девочку, у которой уже сгорели волосы, он упал, потеряв сознание. В это время прибывшие пожарные расчёты приступили к тушению квартиры и поиску третьей девочки – первоклашки. Её долго не могли найти, обнаружили обуглившееся тело в углу дальней комнаты, под кроватью. Девочку, прыгнувшую с 4-го этажа, отвезли в госпиталь. У неё было сильное сотрясение мозга и раздроблены ступни. Туда же привезли и лётчика, спасшего двух человек. Состояние его здоровья было очень тяжёлым, жизнь ему спасли военные врачи. Этот случай был трагическим уроком для всех, а для нас, мальчишек, уроком подлинного мужества и отваги, проявленных морским лётчиком на наших глазах.

В академии в 1950-х годах училось много военных из армий ГДР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Китая, Монголии, Северной Кореи. Мы обращали внимание не только на их форму одежды, но и манеру поведения. Мы, мальчишки, кто невольно, а кто из патриотических чувств, сравнивали их с нашими и таким образом получали очень важный политический урок. Естественно, после войны мы больше сосредотачивалось на немецких офицерах. Они были выше среднего роста, всегда подтянуты, сдержанны, одеты в ладно подогнанную форму, сшитую в германских традициях. Держались с достоинством профессиональных военных, первыми отдавали честь нашим офицерам и с уважением смотрели в их сторону. Польские офицеры, высокие, статные, в красивой форме, как бы несли себя с гордо поднятой головой, честь отдавали одновременно с нашими военными, при этом смотрели прямо перед собой и, если поворачивали голову в сторону наших, то смотрели свысока. Внешний вид и манера поведения чехословацких офицеров мало походили на военных. Одеты были в форменную одежду горохового цвета полугражданского фасона. И если бы не погоны, они больше походили бы на студентов технического университета. Ходили парами, спеша и постоянно разговаривая между собой. Когда надо было отдать честь, то они не спешили это делать, как бы отмахиваясь, поднимали руку в приветствии больше по обязанности, не прекращая разговора между собой. Резко контрастировали корейские и монгольские офицеры. Шинели у них были почти точная копия наших, только сшиты значительно лучше из очень добротного материала. Одетые с иголочки, они, как говорили, были полуголодными. Ходили всегда по 3–4 человека, почти строем, молча, с безразличным выражением лиц. Китайцы подкупали своей «открытостью». Ходили гурьбой, по 5–6 человек, всегда улыбающиеся, постоянно оживленно говорящие и жестикулирующие, приветствовали

наших офицеров по уставу. Почти все они навязывались с дружбой к нашим девушкам, для того чтобы лучше выучить русский язык, а заодно и подкормиться у них. Из других армий выделялись своей неприметностью болгарские офицеры, демонстрировавшие особые, панибратские, чувства к нашим лётчикам. Но к этому в гарнизоне относились сдержанно. На бытовом уровне декларации о дружбе народов социалистических стран, сплочённости армий Варшавского договора жители гарнизона воспринимали пустым звуком. Не было случаев, чтобы офицеры разных стран в личном плане дружили между собой или шли на занятия хотя бы смешанной группой, или сидели за одним столом в офицерской столовой, или играли на спортивных площадках стадиона. Всё было в рознь тогда, как и сейчас, в начале XXI века.

По пропускам со штампом «ДОС», то есть дома офицерского состава, гражданское население могло пройти через внутригарнизонные КПП к культурно-спортивным сооружениям: Дому офицеров, летней танцплощадке и кинотеатру, стадиону, а также посетить госпиталь и кладбище. Дом офицеров для всех в гарнизоне был храмом – дворцом искусств. Его построили ещё в 1935 году. Большой зрительный зал был украшен огромной хрустальной люстрой и лепниной над сценой по всей её ширине с масками и фанфарами, знамёнами, развивающимися лентами и лавровыми ветками. Он сверкал чистотой и производил грандиозное впечатление. В нём мы получали свои первые уроки высокого искусства. Тогда в Доме офицеров всегда было много народа. Сюда приезжали со своими спектаклями, концертами артисты Большого театра, оперетты, выступали участники самодеятельности и, конечно, показывали кино. Мальчишки штурмом брали его билетные кассы, чтобы посмотреть «Тарзана», «Подвиг разведчика», «Повесть о настоящем человеке», «Кубанские казаки» и другие очень популярные тогда фильмы. Бывали случаи, когда нас, подростков, бросали на плотно стоящую у кассы толпу и буквально по головам мы лезли к знакомому дяде, прижатому у кассового окошка, чтобы купить ещё два билета, так как больше в одни руки не давали. В концертах самодеятельности пел слушатель академии, лётчик, прототип героя фильма «В бой идут одни «старики». В один из приездов в Дом офицеров артистов Большого театра их попросили прослушать этого лётчика. Он спел, голос всем очень понравился. Затем вызвали непосредственно в Большой театр, где его прослушала уже комиссия. Её заключение: голос прекрасный, драматический тенор (подобный потом был у Л. Поваротти). Тогда в театре пели выдающиеся лирические тенора С.Я. Лемешев

и И.С. Козловский. Но голоса с уникальным драматическим тембром в то время в СССР не было. Лётчику предложили сразу стать солистом Большого театра. Он дал согласие, но ему, как военному, требовалось получить разрешение командования. В конце концов, разрешение было дано, и он снял погоны. Его переход в театр бурно обсуждался в академии и жителями гарнизона. В скором времени он уже участвовал в оперных спектаклях Большого театра и концертах, вызывая восхищение зрителей. Став артистом, он продолжал приезжать в Монино. Иногда, по вечерам его, высокого, красивого, с толстым вязаным шарфом, небрежно перекинутым вокруг шеи, можно было видеть с друзьями, лётчиками, с кием в руках, играющим в бильярд в Доме офицеров. Но слава его быстро угасла – талант нужно ещё уметь сохранить. В Монино были и первые выступления молодого И. Кобзона, пользовавшегося огромным успехом.

В Доме офицеров работали различные кружки. Их роль в жизни гарнизона в первые годы после войны была очень значима. Среди женщин популярным по ряду причин был кружок кройки и шитья, вязания. За войну все поизносились. При полупустых прилавках и скудном выборе одежды в магазинах выход был один – шить и вязать самим. Но многие жёны офицеров этого делать не умели. А желание хорошо одеть себя и детей было у всех. Кроме того, для большинства жён офицеров постоянного состава просто не было места работы в гарнизоне, и они считались обеспеченными. В первую очередь трудоустраивали вдов, у кого мужья погибли на фронте. Посещение кружков позволяло молодым женщинам приобрести полезные навыки, было формой их морального удовлетворения от сознания, что они заняты нужным для семьи делом. Разнообразило их досуг, давало повод для общения незнакомых людей, попавших в новые обстоятельства и условия жизни закрытого гарнизона. Разговоры о моде, фасонах, тканях, пуговицах (тогда особый дефицит), швейных машинках, о том, кому из членов семьи в первую очередь необходимо сшить или связать, были тогда обычными в семейном кругу. Вспоминается радостный день в нашей семье, когда мама сшила себе платье из парашютного шёлка. Многие десятилетия хранился у нас связанный мамой из белой шерсти Монинского комбината красивый свитер с большими коричневыми снежинками на груди, в котором с сестрой катались на коньках и лыжах. Внуки потом с интересом рассматривали сохранившиеся бабушкины фасоны и выкройки женской и детской одежды того времени, альбомы с образцами вязания.

В годы войны в Доме офицеров размещалась студия военных художников им. М.Б. Грекова. После неё в правом крыле фойе

балкона сохранились мольберты, различные гипсовые геометрические фигуры, элементы архитектурных орнаментов, маски и бюсты, которые обычно используют при обучении рисованию. Здесь работал художником гарнизонного Дома офицеров Михаил Репин (однофамилец знаменитого Ильи Репина). К нему нас, нескольких мальчишек, привели родители учиться рисовать. Он расставлял гипсовые предметы, давал задание, очень коротко объяснял, с чего начать, и занимался своим делом. А дело у него по тем временам было очень ответственное – писать маслом портреты: вождей – В.И. Ленина и И.В. Сталина, членов Политбюро, маршалов Советского Союза, которые вывешивали в академии. Однажды в воскресный день, придя утром в студию, застал своего учителя в выходном костюме, суетящегося около, написанного им, огромного портрета В.И. Ленина. Он предупредил, чтобы я сидел тихо. По выражению сосредоточенного лица и движениям было видно, что волнуется. Сильно прихрамывая после ранения, он то подходил к портрету, то отходил метров на десять; то шёл влево от него, то вправо. Потом, посмотрев на часы, молча, вышел из студии. Его долго не было. Вдруг дверь открылась, вошли несколько военных и художник. Это была приёмная комиссия. Она остановилась в пяти метрах от портрета и, рассматривая его, тихо обсуждала. Что говорили, не запомнил. Но только художник Миша, стоявший сбоку от них, тут же взял палитру с красками и кистью стал вносить поправки. Мазки он делал быстро, при смене красок, волнуясь, вытирал кисти в согнутом локте своего нового костюма. Через несколько минут акт приёмки был подписан и комиссия вместе с художником ушла. Этот портрет В.И. Ленина потом много лет висел на фронтоне Дома офицеров. Просидев до обеда и не дождавшись учителя, пошёл домой. У дежурной при ключах спросил: «А где художник?» «Он сильно пьяный, на ногах не стоит, я его в тире заперла, чтобы не шатался тут!» – ответила она. Михаил, как он потом рассказывал, проснувшись в кромешной темноте, где пахло пороховой гарью, долго не мог понять, где находится. Ему почудилось, что он снова на войне. В гробовой тишине большого подвала ему стало жутко, он долго метался в поисках выхода. Найдя толстую дверь, кричал и стучал изо всех сил. Когда о нём случайно вспомнили и выпустили, Михаил был абсолютно трезв. Так зарождалась изостудия. В последующие годы она численно разрасталась, пришлось отделить детей. Взрослые собирались дважды в неделю по вечерам. Постоянный состав, костяк студии, в конце 1950-х годов состоял из пяти – шести человек. Мы придерживались разных стилей и направлений в изобразительном искусстве.

Организационные вопросы студии решала жена одного из преподавателей академии, а художественное консультирование осуществлял Борис Овчухов, старшекурсник Суриковского института. В малом зале Дома офицеров устраивались выставки работ студийцев, издавался каталог, приглашались члены военной комиссии Союза художников для отбора лучших работ на армейские выставки.

«Меккой» для жителей гарнизона в 1950-е годы был стадион академии. Рядом с футбольным полем с беговыми дорожками и секторами для прыжков располагались волейбольные и баскетбольные площадки, теннисные корты, гимнастический городок, открытый плавательный бассейн с вышками для прыжков в воду. Стадион содержался в идеальном порядке. В выходные дни здесь всегда было очень много зрителей, а чтобы поиграть, занимали очередь. Выходить на поле, дорожки, площадки и корты разрешалось только в спортивной форме. С пятых – седьмых классов мы, мальчишки, чем только ни занимались, пробуя себя в различных видах спорта, иногда, из-за отсутствия медицинского контроля, во вред здоровью. Здесь нередко появлялись выдающиеся спортсмены, что подогревало наше желание добиться высоких спортивных результатов. Иногда просто так или чтобы восстановиться после очередной травмы, гонял мяч с местными футболистами знаменитый футболист и хоккеист Всеволод Бобров. Иногда с нами, мальчишками, играл слушатель академии Скворцов, капитан сборной команды Советского Союза по волейболу, ставшей в Англии чемпионом мира. Он давал нам, третьеразрядникам, мастер-класс. Особенно мы восхищались, когда он выпрыгивал высоко над сеткой и делал такие движения телом, что было абсолютно неясно, с какой руки он ударит мяч. А бил он мощно с обеих рук. Но больше он учил нас думать, куда отпасовать, как принять мяч и выйти на ударную позицию. Зимой на футбольном поле заливали огромный каток. Днем здесь играли в русский хоккей, а по вечерам зажигали гирлянды лампочек, включали музыку, и начиналось массовое катание на коньках молодежи гарнизона. Лётчики – слушатели академии добивались высоких спортивных результатов. Их кубками, медалями, грамотами победителей различных спортивных соревнований было украшено всё фойе Дома офицеров.

Раньше перед ним в центре большой круговой клумбы стояла скульптура И.В. Сталина в шинели, снесённая ночью после 20-го съезда КПСС. Вместо него поставили двухметровую вазу из живых цветов. Затем территорию перед Домом офицеров перепланировали, и на ней установили монумент в честь

покорителей космоса. Он был первым такого рода в Советском Союзе. В день открытия при очень большом стечении народа космонавты Ю.А. Гагарин, Г.С. Титов, А.Г. Николаев и В.В. Терешкова расписались на его постаменте. Этот монумент – символом достижений советского народа, а его установка на месте скульптуры вождя была нам ещё одним уроком – величие страны достигается трудом, гением и мужеством её народа.

8. Монумент у ворот монастыря

Учёба закончилась, курсанты сдали выпускные экзамены. Казарма как растревоженный улей, все в движении, приводили в порядок свою парадную форму, стриглись, собирали личные вещи. Тема разговоров – одна, куда пошлют служить. Прошёл слух, что многих отправят на Дальний Восток, на Чёрную речку, а оттуда распределят по частям. Лица некоторых курсантов погрустнели. Вспомнили предупреждение начальника школы при первом построении. Тогда он сказал: «На Чёрную речку отправят троечников и нарушителей дисциплины». Что так и будет, не было сомнения после случая, когда во время прохождения курса молодого бойца разразилась драка в второй батарее, укомплектованной призывниками из Закавказья. Дрались между собой: грузины, осетины, армяне, азербайджанцы и другие кавказцы. Одни били других, остервенело, всем, что попадало под руки. Дежурный офицер приказал курсантам первой батареи, призванным из Подмосковья, Ленинградской и Горьковской области, разнять дерущихся кавказцев. Когда они вошли в их расположение, кавказцы тут же объединились и драка «стенка на стенку», продолжилась с новой силой. Но недолго. Российские ребята быстро навели порядок, большинство из них были спортсмены, имевшие не ниже второго разряда по разным видам спорта. Тут же на плацу всех курсантов выстроили побатарейно в две шеренги, лицом друг к другу. Проходя между рядами, начальник школы командовал каждому, на ком были следы драки: «Шаг вперёд!» Таких оказалось человек тридцать, в основном, кавказцев. Закончив осмотр, он сказал: «Драчунам и битым не место в школе». Через день их отправили служить в танковую дивизию. Оставшихся кавказцев рассредоточили по отделениям и взводам укомплектованных русскими. Так полковником был решен национальный вопрос. В течение учёбы драк больше не было, но о Чёрной речке нам изредка напоминали взводные командиры.

Периодически выпускников школы вызывали в штаб и получившие назначение, попрощавшись с друзьями, отправлялись на вокзал. Казарма быстро пустела, уехали оптики, зенитчики, некоторые – на Север, другие – на Дальний Восток, на Чёрную речку. Очередь дошла до взводов артиллерийских техников. Они были укомплектованы ребятами, до призыва окончившими техникумы и работавшими на оборонных заводах. Курсантов – техников обучали по программе Тамбовского военного училища, расформированного в соответствии с реформой, проводимой в

армии тогдашним министром обороны Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. Всё шло своим чередом, осталось отправить человек десять – тех, кто месяцев шесть назад заполняли у особиста какие-то бумажки. Вспомнили злорадствования уехавших Рябцова и Емельянова, земляков из Загорска: «Вот, не будете в другой раз подписывать всякие бумажки. Довыпендривались, все уезжают, а вы «хорошие» никому не нужны». Через пару дней казарма опустела. Только мы с Ефимычем, так друзья звали Славку Ефимова, слонялись из угла в угол в состоянии томительного ожидания, когда и куда же нас, двух отличников, бывших командирами отделений, пошлют служить. Было ощущение всеми забытыми и никому не нужными. Ещё несколько дней мы ходили с опущенными глазами не понятно в чём провинившихся. Наконец дневальный из взвода обслуживания выкрикнул наши фамилии и сообщил: «Вызывают в штаб». Мы пулей вылетели из казармы.

«Кто вызывал?» – спросили у дежурного в штабе. – «Особист, зайдите к нему». Постучавшись, вошли в кабинет. Из-за стола поднялся невысокого роста старший лейтенант. Поздоровавшись, он протянул Ефимычу пакет, сказав: «Спасибо за службу. Поедете домой, начальниками цехов», – и, обращаясь ко мне, спросил: – «Где родился-то?» – «В Загорске». – «Вот туда и поедете оба». Провожая нас до двери кабинета, он улыбнулся, как бы говоря: «Я своё слово сдержал». Отправить служить домой, особист обещал нам, когда попросил выполнять его поручения. Они сводились к тому, чтобы не допустить пропажи оружия и секретной документации – чертежей, с которыми курсанты имели дело, обучаясь ремонту полевых орудий, гаубиц, минометов и различных видов стрелкового оружия. Особенно соблазнителен был маленький, красивый пистолет Макарова (ПМ), тогда только поступавший на вооружение в армию. Однажды, недосчитались одного такого пистолета. Подполковник, проводивший занятия, приказал сержанту, учебному мастеру, построить взвод: всёх обыскали, тщательно обшарили класс, перевернули всё, но пистолета не нашли. По школе объявили учебную тревогу. Выстроившись вдоль корпусов, курсанты плотной шеренгой медленно пошли по её территории, тщательно осматривая везде всё что, попадалось на пути. Так дошли до самого дальнего угла территории школы. Там, среди брёвен дровяного склада, пистолет нашёлся. Уставшие и взвинченные курсанты долго обсуждали, какая сволочь это могла сделать. В тот жаркий летний день в классе было душно, и кто-то открыл зарешёченные окна. Класс был на первом этаже и, видимо, во время перерыва, когда все ушли на перекур, кто-то из посторонних, возможно, солдат

роты охраны или работников артиллерийской базы, располагавшейся здесь же, и украл один из пистолетов, лежавших на столах у открытого окна.

Поблагодарив и, попрощавшись с особистом, мы в тот же день уехали в Москву. Настроение было приподнятое – едем домой – об этом все мечтали. Значит, не зря прилежно учились. Командир батареи, майор, воевавший на фронте в Отечественную, муштровал нас так, что после команды: «Отбой!», – курсанты не помнили, как снимали второй сапог, тут же засыпая от усталости. В Загорск прибыли через день, вечером. Где в городе комендатура, я знал. Стоя перед дежурным, капитаном, «во фрунт» – на вытяжку, блестящие, как оловянные солдатики, доложили, что прибыли по направлению и передали пакет с вопросом как доехать до части. Посмотрев на номер части, указанный на пакете, у него вырвалось: «А у нас такой нет!» Достал какие-то бумажки. Перебирая их, повторял: «Да, нет у нас такой части, нет…». Куда-то звонил. Положив трубку, посмотрел на нас и сказал: «Я не знаю, что с вами делать!» Мы с Ефимычем сникли – опять не, «слава Богу». Дежурный стал расспрашивать, где призывались в армию, откуда прибыли, какую школу и по какой специальности окончили. Мы ответили, что один – из Загорска, другой – из Щелкова, учились в Горьком в школе Московского военного округа, артиллерийские техники по ремонту вооружения ближнего боя. Он слушал и задумчиво смотреть на пакет. Вдруг выражение его лица изменилось, будто осенило. Набрав номер телефона, спросил кого-то: «К вам должны прибыть курсанты?» Ему ответили. Он облегчённо вздохнул, положил трубку и произнёс: «Номер части, из-за её особой секретности, написан в обратном порядке!» Обратился ко мне: «Знаешь, где Ферма!» – «Да!» – «Поезжайте туда, там спросите, где казарма. Всего хорошего!»

Когда вышли из комендатуры, было уже десять часов вечера. Предложил Ефимычу идти пешком по 1-ой Рыбной, а дальше по Комсомольской улице, так ближе. Шли быстро, по дороге обсуждали наши приключения. Через полчаса мы были на Ферме. Это место сохранило своё название с того времени, когда здесь были парники и свиноферма Гефсиманского монастыря, закрытого в 1920-х годах. Тут в 1930-х годах работал помощником агронома мой отец. Здесь родился и я, отсюда ходил работать на «Скобянку», электромеханический завод, отсюда год назад меня провожали в армию, здесь жила моя бабушка. Предложил зайти к ней, попить чайку, так как сильно проголодались. Постучали в окно её дома. В доме включили свет, отодвинули оконную занавеску, и за стеклом увидел

прищуренные родные голубые глаза, внимательно всматривающиеся в уличную темноту. Через мгновение загремела щеколда, дверь террасы открылась и на пороге появилась бабушка в ночной рубашке маленькая, худенькая. Воскликнула: «Ангел, ты мой! Как здесь оказался? Проходи!» Расцеловались, поглаживая меня по спине, она сразу повела на кухню. Поставила на электроплитку разогревать чайник. Стала доставать всё, что было у неё из еды, действуя по-своему неизменному правилу: первым делом – накормить, а уж потом разговоры. Поев и выпив чаю, мы попрощались с бабушкой, сказав, что будем служить здесь, на Ферме. В казарму пришли поздно ночью. Дежурный проводил на второй этаж, разбудил каптенармуса. Тот, недовольный, что подняли, выдал нам постельное бельё и указал кровати, на которые мы могли лечь спать.

Утром проснулись, как все, по команде: «Подъём!» Привели себя в порядок. Состоялось первое знакомство с расположением. Оказались мы среди «краснопогонников», так называли пехоту из-за их красных погон. О нашем прибытии доложили начальству и сказали: «Ждите, вызовут». После обеда дежурный сообщил нам: «Вас вызывает начальник строевого отдела. Он находится в монастыре. Контролёры КПП там предупреждены, они покажут куда идти». Нам выдали разовые пропуска. Где вход в Гефсиманский монастырь, я знал. После Великой Отечественной войны с мальчишками фермы иногда ходил в него к солдатам, которые здесь находились, и там, в церкви, смотрели кино, спрятавшись на сцене за экраном. Оказалось, что через десять лет, мне вновь пришлось идти в бывшую церковь, но «кино» было уже совсем другое. После доклада начальнику строевого отдела о прибытии, полковник разрешил нам присесть. Не торопясь, раскрыл пакет, достал наши документы и начал задушевный разговор с «сынками». Похвалил за отличную учёбу в школе и передал нам свидетельства об её окончании, сказав: «Храните». Ознакомился с характеристиками и опять похвалил: «Молодцы!» После паузы, по-отечески глядя на нас, он сказал: «Я не знаю, что с вами делать. Мы запрашивали только одного, а вас прислали двоих. Должность по специальности ведь у меня одна! Как быть-то?! Кого на неё назначить затрудняюсь. У вас всё одинаково! Решайте сами! … или по жребию: вот монета – кому орёл, а кому решка – и вопрос решён». Ефимыч спросил полковника, какой может быть должность второму. Он ответил: «Помощника командира взвода, только химического. Тот, кто согласится, служить будет год, а не два», – не пояснив почему. Ефимыч был на год старше, и у него была, как он говорил, красивая девушка, обещавшая его ждать. Поэтому, не раздумывая, он тут же

согласился, чтобы быстрей закончить службу и жениться. Вопрос о нашем назначении был решён. Вдруг, полковник спросил меня: «А где ты родился в Загорске?» – «Здесь, на ферме, на водокачке у речки Торгоши». – «О, туда, на речку я хожу иногда купаться. Там живет бабушка, случайно, не твоя?» – «Моя». – «Ну вот, теперь будешь служить рядом с домом!» В тот момент не мог себе представить, какой пыткой может быть служба солдата рядом с домом за тремя периметрами колючей проволоки.

По возвращению в казарму нас обступили сержанты с вопросами: «Куда и кем назначили?» Мы сообщили. Они стали рассказывать, где придется служить. Все сочувствовали Ефимычу. Поведали о том, чем занимаются химики, о табличках с надписью «Грязно», дозиметрах, взрывах и опытах, о возможности стать импотентом. Последнее, особенно пугало, хотелось закричать: «За что!» Возможно, так думали про себя, и солдаты этой части, призванные с оборонных заводов Урала и Западной Сибири, сержанты и строевые офицеры, лучшие отличники военных школ и училищ, направленные сюда служить. Но виду они не подавали – «Значит так надо» – были веселы и оптимистичны, и это нас постепенно успокоило. Через день мы с Ефимычем расстались. Он уехал на «площадки», где за первым периметром ограждения из колючей проволоки находились взвода химзащиты.

Меня, как не очень загруженного работой, по рекомендации замполита избрали секретарём комсомольской организации отдельной роты охраны. Через некоторое время тот же замполит сказал: «Ты, секретарь комсомольской организации и должен вступить в партию, показать пример другим». Раньше о членстве в партии не задумывался, но если предлагают, то почему не вступить: дед, машинист паровоза был в ней с 1924 года – по «Ленинскому призыву», бабушка – с 1930, а отец – с 1941. С двумя рекомендациями: от комсомольской организации и своей бабушки, меня приняли кандидатом в члены КПСС. За получением кандидатского билета вызвали к начальнику политотдела части – председателю парткомиссии. Его кабинет находился в старинном монастырском здании из красного кирпича. Войдя в тесную полуподвальную комнату со сводчатым потолком, видимо, бывшую келью, – увидел за маленьким столом седого пожилого генерал-лейтенанта. Это был Лисицын, в годы Великой Отечественной войны – комиссар 1-ой Ударной армии, формировавшейся в Загорске. Отсюда в декабре 1941 года она пошла в контрнаступление, в результате которого был освобожден Дмитров, а немецкие войска отброшены от Москвы на 200 километров. Пригласив присесть на стул, напротив себя, он стал расспрашивать, как идёт служба, задал несколько вопросов

по Уставу партии. Спросил, что думаю о текущих политических событиях в мире. После чего, генерал, удовлетворённый ответами, достал из стола кандидатский билет и передал его мне, сказав: «Иди». Всё произошло просто, буднично и не соответствовало напряжённо-нервному состоянию, в котором вошёл в кабинет.

Солдаты роты охраны несли службу по поговорке «через день на ремень». Она регламентируется Уставом, а особенности охраняемого объекта отражаются в табеле поста. Что конкретно охраняли на площадках, солдаты не знали, но по косвенным признакам все понимали – охраняют что-то очень важное и опасное. Об этом постоянно говорилось на занятиях по изучению табелей постов и ежедневных инструктажах. Всем заступающим в караулы выдавались разовые пропуска. На каждый день пропуска были разные, которые обязаны сдать по возвращению из караула. За потерю пропуска – штрафная рота. Больших сооружений на постах не было, всё под землей. Поверх неё, на некоторых постах, лежали провода в виде сетки с датчиками, а из-под земли выступали трубки, издававшие шипение. В случае звукового сигнала часовому предписывалось немедленно покинуть пост. Часовой имел право при невыполнении его команды без предупреждения, то есть выстрела в воздух, стрелять на поражение. Ночью маршрут движения часового освещался мощными узконаправленными прожекторами. Ему запрещалось отклоняться от установленного маршрута и заходить за таблички с надписью «Грязно». На некоторых постах часовые ходили в войлочных бахилах, и в дневное время они обязаны были не допускать проноса на пост предметов могущих вызвать искру. При проведении работ солдатами-химиками, облачённых в средства радиационной защиты, часовые отводились на расстояние, считавшееся безопасным. Запрещалось собирать и есть лесные ягоды, орехи, грибы и фрукты садов в выселенных деревнях. Что здесь очень опасно можно было судить по виду животных, находившихся в вольерах. Особенно жутко было смотреть на стоящую корову, с тела которой шкура свисала лохмотьями; видеть, как за обнажившимися ребрами бьётся сердце, и дышат её легкие. При этом она методично жевала пучки сена, а большие оливковые глаза доверчиво смотрели на людей.

Однажды, находясь в наряде помощником дежурного по части, решил днём проверить, как несут караульную службу солдаты роты. Пошёл на одну из «площадок». У шлагбаума остановил часовой. Узнав меня, он пропустил и на вопрос, где работают химики, указал на поляну, метров за пятьдесят, там стоял танк. Вокруг него что-то делали солдаты, на которых были

противогазы с респираторами, прорезиненные длинные фартуки, и перчатки, а на ногах – высокие бахилы. До них оставалось метров десять, когда один из работавших обернулся в мою сторону. Это был Ефимыч в противорадиационном облачении. Его узнал не сразу, только когда он перекрестил на груди руки и замахал кулаком, грозя, не подходи, опасно. Пришлось вернуться к часовому. Вечером в столовой за ужином мы встретились с Ефимычем, и он в популярной форме с матом объяснил мне, куда попёрся. Над этим танком сымитировали атомный взрыв, и солдаты сначала проводили его дезактивацию, а потом несколько дней счищали шаберами верхний слой брони, проверяя, на какую глубину проникла радиация и в каких частях танка осела радиоактивная пыль. В конце концов, вырыли глубокий котлован и танк захоронили.

Но «НА ВЕРХУ» посчитали, что в этих условиях солдатам находиться безопасно, и установили срок службы здесь не два года, как было раньше – а три, каким он был принят тогда для строевых частей армии. Сюда из города, ближе к охраняемым объектам, перевели и нашу роту. Одноэтажная деревянная казарму находилась на территории второго периметра охраны и была здесь единственным зданием. Солдаты жили в лесу изолированно от всех за колючей проволокой. Только крытые автомашины с сотрудниками физико-инженерного института, солдатами химзащиты и стройбата проезжали по дороге, проложенной метров в ста от казармы, туда, где в двух-трёх километрах находились объекты третьей зоны охраны с караулами и постами. Караульная служба изматывала солдата охраны утомительным однообразием, как на конвейере не сходя с места, в течение трёх лет, изо дня в день – всё одно и то же. Когда постоянно меняется нормальный порядок бодрствования и сна, в результате накапливается устойчивое желание поспать – лечь, заснуть и не вставать. Действовали и психологические факторы: узкий круг общения, изолированность, нахождение в постоянной боевой готовности, жесткий контроль командиров за строгим соблюдением требований по охране объектов, чувство опасности для здоровья, о реальности которой умалчивали, и о чём солдаты только догадывались. От этого у некоторых были случаи нервных и психических срывов. Через год пребывания роты на «площадке», все солдаты нуждались в диетическом питании. В редкие увольнения большая часть времени у них уходила на дорогу от казармы до города – лесом пешком 10 километров туда и обратно.

В то время, в разгар «холодной» войны, случались и события, в которых с особой силой проявлялись духовно-нравственные

качества наших солдат. Заканчивался летний воскресный день. Из наряда прибыл караул – несколько десятков человек. Казарма наполнялась и солдатами, вернувшимися из увольнения. Стало шумно и суетно. При встрече друзья на ходу обменивались короткими репликами, как прошёл караул, где был в увольнении. У писаря интересовались, нет ли вестей из дома. После ужина все угомонились, рассредоточились по казарме, занялись личными делами. В проёме раскрытого окна на ночном небе мерцали звёзды. Время приближалось к отбою. Вдруг завыла сирена боевой тревоги. Её завывание становилось всё сильнее, проникало во все уголки казармы. За окном раздался гул подъезжающих автомашин. Тут же появился командир роты в сопровождении капитана особого отдела. Сирена надрывно завывала. Ротный приказал раздать автоматы, без патронов. Все бросились к пирамидам с оружием. Прибывшие офицеры также взяли табельные пистолеты. Солдаты обратили внимание на странность, почему при боевой тревоге патронов не выдают, в то время как офицеры взяли к пистолетам боекомплекты, зачем пришёл особист. Через минуту свободный от нарядов личный состав двух рот батальона охраны, повзводно выстроился у автомашин, колонной растянувшихся вдоль казармы. После переклички последовала команда: «По машинам!» Колонна тронулась, покинула военный городок, свернула к центру города, а там направилась в сторону Ярославля. Все заволновались. На вопросы: «Что случилось, куда едем?» – помощники командиров взводов, пожимая плечами, отвечали: «Не знаем».

Было уже одиннадцать часов ночи, когда на въезде в какой-то город колонна остановилась. У калиток своих домов стояли притихшие люди. «Что за город?» – спросили бабушку, причитавшую у дороги. – «Александров!» – «Почему темно!» «В городе отключили свет!» – ответила она. Кто-то просил: «Сынки, помогите, быстрей!» В ночи над тёмным силуэтом города полыхало зарево. Слышались выстрелы. Через минуту колонна медленно двинулась дальше. Звуки стрельбы, сполохи большого пожара приближались. Среди солдат началось волнение, напряжение нарастало: почему в городе стреляют, а нам не выдали патронов, даже штык – кинжалы не дали. Колонна машин, свернув в переулок, остановилась. Последовала команда строиться в шеренгу по одному, автоматы взять через плечо на грудь. Стоя спинами к зданиям и, удерживая автоматы одной рукой, другой солдаты сцепились, взяв друг друга под руку. Длинная цепь автоматчиков, прижимаясь к зданиям, боком двинулись по переулку, медленно «вползая» на центральную площадь города, запруженную толпой, охватывая её в полукольцо.

В темноте ночи лица людей освещали огромные костры – горели два здания: слева – паспортного отдел, а за нашими спинами – милиции района. Над головами слышались одиночные выстрелы. Стреляли с крыш соседних домов по охране тюрьмы, расположенной рядом с горевшей милицией. С нашим появлением по толпе пошли возгласы: «Солдаты! Краснопогонники…». Хаотичное перемещение людей на площади преобразилось. Толпа уплотнилась и направилась в нашу сторону. От её движения, воздушна теплая волна, насыщенная парами самогона и водки, ударила по лицам солдат. Из толпы возбужденно кричали, у нас праздник – «Казанская!» Толпа напирала на шеренгу крепко сцепившихся солдат, особенно там, где их можно было прижать к стенам горящих зданий и таким образом разорвать цепь. В первых рядах было много любопытствующих детей. До нашего прибытия, при попытке толпы выбить дверь в стене тюрьмы и выпустить заключённых, одна девочка погибла – была случайно убита охранниками «слепым» выстрелом через дверь. Когда стрельба прекратилась, по цепи прошла команда вытеснить толпу с площади. Солдаты дружно двинулись вперёд, и «лицом в лицо» упёрлась в жителей города: женщин и мужчин разных возрастов. Что тут началось! Мы узнали, что такое «101 километр!» Истеричные пьяные женщины – молодые, прижимаясь грудью к солдатам, хватали и выдергивали у них автоматы, говоря: «Солдатик, дай подержать!» Другие, постарше, плевали в лица солдат. Мужики от 20 до 45 лет, увидев наши красные погоны, приходили в ярость, что выдавало их как бывших заключённых. Одни, сильно отхаркавшись, плевали этим, особенно, норовя попасть в глаза солдат. Другие тыкали зажжёнными папиросами в лицо. Третьи – доставали перочинные ножи и норовили ткнуть в руки или их порезать. Но солдаты – ребята с Урала и Сибири не дрогнули.

К четырём часам утра люди были вытеснены с площади, и толпа рассеялась. Наступила тишина. Смотреть на площадь древнего города было тяжело. В результате бесчинства соотечественников погибла девочка. Дотла сгорели два дома и милицейский мотоцикл с коляской. Пожаром были уничтожены уголовные дела подследственных и заключённых, находившихся в тюрьме. У пожарных машин разбили камнями лобовые стёкла и порубили топорами шланги.… Утром к площади подошла одинокая старушка. Прижимая к губам беззубого рта конец головного платочка, и укоризненно покачивая головой, она произносила одну и ту же фразу: «Что сотворили, антихристы! Что сотворили…». В шесть часов из Москвы примчались три чёрных «Волги» с большим военным начальством. Тут же на

площади появились несколько местных чиновников, и только один-два милиционера. Во время разгула толпы они все разбежались и попрятались. Нас сменила рота КГБ – солдаты в штатском. Началось всестороннее расследование: политическое, экономическое, общественное и уголовное. В скором времени беспорядки, подобные Александровским, произошли ещё в двух городах. Это были «искры» – события местного масштаба. Затем случилась известная трагедия в Новочеркасске со многими жертвами. Позже, в ещё большем масштабе, проходили кровавые события в Вильнюсе и Риге, в Тбилиси и Баку… в Москве, кульминацией их стал распад Советского Союза.

В апреле 1961 года начался Карибский кризис – на Плая-Хирон высадился, под прикрытием США, десант наёмников для подавления революции на Кубе. В этой связи военно-политическое противоборство США и СССР обострилось, мир был поставлен на грань атомной войны. В один из тех дней в роте произошёл случай запомнившийся на годы. Прибывшие из караула солдаты приступили к чистке своих автоматов. В это время сержанты ушли, минут на пятнадцать передохнуть и покурить. Когда они вернулись, то увидели рядом с дневальным столпившихся, шумно и эмоционально разговаривающих солдат. Некоторые из них что-то писали на бумаге, лежавшей на его тумбочке, другие шутили, третьи – подтрунивали друг над другом. «В чём дело!? Что случилось!?» – спросил помощник командира взвода у солдат. – «Записываемся добровольцами!» – «Куда?» – «Защищать Кубу!» – «Вы что, серьёзно!» – «Да! Давайте с нами!» Последовала команда: «Сдать оружие!» Все тут же ушли в оружейную комнату, где у некоторых автоматы на столах были ещё в разобранном виде. Листок с фамилиями двадцати добровольцев остался лежать на тумбочке дневального. Утром дежурный доложил командиру роты, нашему рыжему, с копной вьющихся волос, конопатому капитану, о добровольцах и передал их список. Ротный приказал замполиту тут же собрать свободных от караула в Ленинской комнате. Явились все. Замполит рассказал о международной обстановке, призвал повысить бдительность и боевую готовность. Некоторых из списка он спросил, что побудило их записаться в добровольцы. Вставая, каждый из них, смущаясь перед товарищами, по-своему, неумело, но искренне, излагал свои мысли. Командир роты поблагодарил солдат за солидарность с Кубой. Сказал, что их инициатива – горячность молодости, они нужнее здесь. Подчеркнул, что они каждый день выполняют важную боевую задачу. И заверил, что СССР не позволит США быть безнаказанными, и окажет народу острова Свободы всю необходимую помощь для отпора

империалистическому агрессору. Эти слова своего командира солдаты одобрили дружными аплодисментами. После беседы собравшиеся расходились в приподнятом настроении, как выполнившие свой интернациональный долг. Но через месяц многие, кому в этом году предстояла демобилизация, были недовольны тем, что она была отложена. Им пришлось переслужить почти полгода.

Проникновения посторонних на охраняемую территорию случались. Иногда это были люди, заблудившиеся в лесу вокруг площадок. Заходили кабаны и лоси, когда это происходило ночью, их отстреливали. В этот раз наряд заступал в караул с субботы на воскресенье, в бывшем Гефсиманском монастыре. Предъявив пропуска на КПП, он выстроился на площадке, где ещё три месяца назад была монастырская колокольня. Зачем и почему её снесли не понятно, работавшим здесь сотрудникам она точно не мешала. Но это были 1960-е годы – время новой волны богоборчества, проводимой тогдашним главой КПСС Н.С. Хрущёвым. Разрушали последние церкви, оставшиеся после сталинских времён. Монастырскую колокольню было решено разобрать. Вызвали солдат строительного батальона, и они отбойными молотками стали по частям её «откусывать». Но колокольня оказалась очень прочной и никак не поддавалась. Чтобы разом покончить с ней, её решили взорвать. В бывшем монастыре работали высокопрофессиональные взрывники, и им не составляло особого труда выполнить поставленную задачу. Взрывом, как бритвой, колокольню отрезало от земли, она медленно вспарила над ней, накренилась и аккуратно легла точно по месту, не затронув стоявшие рядом здания. При ударе о землю она развалилась на части, и их вывезли. А место, где стояла колокольня, заасфальтировали. После доклада начальника караула В. Ефимова дежурному по части о прибытии наряда на развод, новый и старый караулы произвели приём-сдачу постов и смену часовых. Караул занялся обычными делами по заведенному порядку. В монастыре было тихо, ночь прошла без происшествий. С утра – безоблачное, голубое, солнечное небо. Воскресенье приближалось к полудню, когда в караульном помещении раздался телефонный звонок с одного из постов. Подняв трубку, Ефимыч услышал взволнованный доклад часового, о том, что на колокольне Черниговского скита, который находится рядом, он будто бы видел фотографировавшего человека. Приказав часовому продолжить наблюдение за колокольней, Ефимыч с разводящим бегом отправились на тот пост. По их прибытии, часовой доложил, что из проёма, где был забитый вход на колокольню, отделился мужчина, будто бы оправившийся «по

малому». Что он пошёл по дороге в сторону Киновии вдоль скитского пруда разделявший Гефсиманский монастырь и Черниговский скит. И показал на удалявшуюся семейную пару с девочкой 7–8 лет. Она шли прогулочным шагом, не суетясь и не оглядываясь, о чём-то оживленно беседуя. Девочка бегала вокруг взрослых, развлекаясь. Ефимыч решил досмотреть этого мужчину. Но, если бежать от поста через КПП и потом вокруг монастырской стены, то расстояние до удалявшейся семьи будет больше километра. Поэтому, не раздумывая, Ефимыч залез на стену, и с высоты семи метров спрыгнул за её внешнюю сторону на землю. Сначала он побежал, но как только семейная пара попал в поле его зрения, он перешёл на быстрый широкий шаг, замедляя его по мере приближения к ней. Поравнявшись с мужчиной, Ефимыч потребовал предъявить ему документы. Тот, не останавливаясь, стал возмущаться, говоря: «Почему старший сержант требует документы, разве здесь нельзя с семьёй гуляет, сейчас с собой у меня документов нет». Тогда Ефимыч достал из кобуры пистолет, который был у него, как у начальника караула, и приказал всем следовать с ним. Девочка, увидев пистолет, испугалась, заплакала, прижалась к мужчине. Женщина раскрыла висевшую у неё на руке сумку и попыталась в ней что-то искать. Ефимыч тут же отобрал у неё сумку и беспрекословным тоном повторил свой приказ. Вид решительного старшего сержанта с пистолетом в руке подействовал. Следуя сзади возмущавшихся задержанных, он привел их на КПП, где уже находился дежурный по части, вызванный разводящим. Во время досмотра и выяснения, как мужчина оказался на колокольне и что он там делал, прибыли офицеры особого отдела, и они тут же его с семьёй увезли куда-то на машине. То, что монастырь вызывает у иностранных разведок особый повышенный интерес, мы знали. На совещаниях показывали материалы, изъятые у задержанных иностранных разведчиков. Они нет-нет да проникали, на круглосуточно контролируемую офицерами особого отдела и солдатами роты КГБ, территорию гарнизона и вокруг монастыря. Тогда никаких заборов и проходных в гарнизон не было. Рейсовые автобусы, маршрут, которых проходил с трёх сторон монастыря, сопровождали сотрудники госбезопасности. Им удавалось задерживать «пассажиров» скрытно фотографировавших, во время движения автобусов, всех кто входит и выходит из монастыря. Их интересовали лица, воинские звания, рода войск. Они записывали на миниатюрные диктофоны разговоры местных пассажиров. Со дня задержания «семейной пары» прошло недели две, и мы узнали, что у неё нашли миниатюрный фотоаппарат, вмонтированный в дамскую пудреницу, с большим количеством

снимков объектов на территории монастыря. За находчивые и решительные действия при задержании шпиона Ефимову В.П. присвоили звание старшины, назначили командиром взвода и дали отпуск 10 суток. Все поздравляли нашего героя. До демобилизации ему оставалось служить три месяца и тогда, как он говорил: «Женится, и вернётся на Королевский завод, где до армии он работал мастером аэродинамической трубы».

В тот памятный день, 12 апреля 1961 года, было солнечно. В лесу на ещё не растаявшем и сверкавшем на солнце снегу лежали синие тени белых берёз. До обеда в Ленинской комнате проходило очередное комсомольское собрание роты. Повестка дня обычная, учитывающая специфику службы: «Повышение бдительности при охране объекта особой государственной важности». Вдруг, в комнату, где проходило собрание, вбежал дневальный и, громко взволнованно крикнул: «Человек в космосе! Гагарин полетел!» В едином порыве всех как ветром сдуло, мы оказались перед казармой. В глухом лесу разразилось многоголосие дружного солдатского «Ура!.. Ура!.. Ааа!» – будто только что мы взяли рейхстаг и одержали Великую победу. Весь день ходили в приподнятом настроении, с чувством сопричастности к великому событию, поглядывая на небо. Иногда там ранним утром мы видели над своими головами инверсионные следы на трассах полётов ракет другого назначения, периодически запускавшихся с соседнего полигона.

У ворот Гефсиманского монастыря стоит монумент. На гранитном постаменте бронзовое скульптурное изображение святого Николая, чудотворца. Он установлен в 2007 году выдающимся учёным, прекрасным офицерам и мужественным солдатам периода «холодной» войны. На нём надпись «Создателям ядерного щита России». Такие же монументы установлены в Семипалатинске и на Новой Земле. В безбожное время в бывшем монастыре творили чудо, до сих пор защищающее наш народ от напастей недоброжелателей. С тех пор прошло более 50 лет. Черниговский скит вернули монахам. Теперь, в новое время – всеобщего поклонения золотому тельцу, пришёл их черёд сотворить здесь чудо спасения наших душ.

9. Три вопроса В.А. Стародубцеву

Попытки связаться по телефону с депутатом Государственной Думы В.А. Стародубцевым, выпускником ВСХИЗО-РГАЗУ, и взять у него интервью по случаю 80-летнего юбилея университета заканчивались длинными гудками: занято. На просьбу помочь связаться с ним ректор университета профессор В.А. Дубовик, бывший депутат Госдумы, ответил: «На днях в университете мы проводим «круглый стол» на тему: «Проблемы и перспективы развития высшего заочного аграрного образования». Мы пригласили Василия Александровича. Если он приедет и у него будет время, то и поговорите с ним». Он приехал в университет и согласился после заседания «круглого стола» ответить на мои вопросы.

– Василий Александрович, спасибо, что нашли время для меня.

– Пожалуйста, задавайте ваши вопросы.

– Я начну с далекого прошлого. Вы родились в деревне, трудовую деятельность начали в 16 лет колхозником, работали бригадиром. Время подошло, и Вас призвали в армию, служили в авиации, были курсантом, стали бортмехаником. Демобилизовавшись с «небес», вы на семь лет «ушли под землю» – стали шахтером, машинистом угольного комбайна «Донбасс» треста «Новомосковскуголь», работали хорошо. В Вашей характеристике того времени, написано: «…норму выработки выполняет на 125–150 процентов». И вдруг опять всё круто меняется. Вы снова оказались в деревне, откуда ушли пятнадцать лет назад. Мы все из деревни, но, однажды покинув её, мало кто возвращается обратно туда. Вы же дальнейшую свою судьбу связали с сельскохозяйственным производством и здесь добились выдающихся результатов, стали Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР. Первый мой вопрос: что побудило Вас вернуться в деревню?

– Всё так и было. Во время службы в авиации я налетал 900 часов, со своими обязанностями справлялся. Мне даже предлагали остаться. Шахтером я стал по простой причине: хотел заработать побольше денег, тогда шахтеры хорошо зарабатывали. Вы знаете, что во время Великой Отечественной войны, когда германские войска рвались к Москве, под Тулой шли ожесточенные бои. Враг не прошёл. Но однажды бомба упала рядом с нашим домом. Семья осталась жива, а вот дом от взрыва сильно пострадал. После войны так в полуразрушенном доме мы и жили. На заработанные мной в шахте деньги мы с братьями и

построили маме новый дом. В деревню я вернулся, видимо, «по зову крови», весь наш род издавна крестьянствовал. Ещё работая в шахте, я поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт. В начале 1960-х годов на подъём сельского хозяйства в деревню направляли руководителями «30-тысячников» – специалистов с высшим образованием родом из деревни, хорошо знавших сельскую жизнь. Но таких подготовленных руководителей не хватало. Вот тогда, в 1962 году, меня горком партии и направил слушателем в Тульскую одногодичную школу руководящих кадров сельского хозяйства, а после её окончания избрали председателем колхоза.

– Мой второй вопрос связан с Вашей учёбой во Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования (ВСХИЗО – РГАЗУ). Экономический факультет создали в институте 1959-м. В 1963 году Вы перевелись из Воронежского СХИ на третий курс нашего университета, а я тогда был студентом первого курса. Мы учились у одних и тех же преподавателей. Их первый состав был сформирован из многоопытных профессоров и доцентов. Среди них были участники Гражданской войны, пережившие годы коллективизации и политических репрессий, защищавшие Родину в годы Великой Отечественной войны, те, кто восстанавливал разрушенное войной сельское хозяйство. Готовясь к нашему разговору, я нашёл в архиве Вашу зачётную книжку. По профилирующим дисциплинам специальности у Вас отличные оценки. На государственных экзаменах Вам также поставили «отлично». Такую зачетку впору выставлять в музее в пример новому поколению студентов. Вашими экзаменаторами были видные ученые-педагоги: по экономике сельского хозяйства – декан факультета, профессор, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РСФСР Григорий Галустович Бадирьян; по организации сельскохозяйственного производства – учёный с мировым именем, сподвижник Чаянова и Кондратьева, автор первого учебника по организации сельского хозяйства (1926 г.) профессор, доктор экономических наук Николай Павлович Макаров. Экзамен по финансам и кредитованию сельского хозяйства у Вас принимал Станислав Иванович Кованов, любимый ученик Н.П. Макарова, ставший в последующие годы профессором, доктором экономических наук. Планирование народного хозяйства Вы сдавали профессору доктору экономических наук Николаю Терентьевичу Легкому, а бухгалтерский учёт – заведующему кафедрой требовательному Аркадию Давидовичу Ривкину. Мой второй вопрос: какие чувства Вы испытываете, когда вспоминаете свои студенческие годы, проведенные в нашем институте?

– Вы, наверное, знаете, что ВСХИЗО окончили и два моих брата Дмитрий и Федор, и сестра Лидия.

– Да знаю. Я двенадцать лет был заместителем декана и помню, что Вы приезжали в 1978 году в институт на вручение сестре диплома. У нас в университете нередко, когда на занятиях за одним столом в аудитории сидят муж и жена, отец и сын, свекровь и невестка, брат и сестра.

– Наверное, все заметили, что сегодня во время выступления я волновался. Ведь после окончания института прошло 45 лет. И я с благодарностью вспоминаю тот профессорско-преподавательский состав, который не щадя своих сил готовил нас для конкретной, очень сложной и трудной работы в агропромышленном комплексе. И скажу, здесь была атмосфера, которая настраивала практически каждого студента на творческую работу, на освоение знаний, которые были нам так необходимы, здесь постоянно требовали: «Ребята, учитесь, если вы хотите чтобы вас не поколотили, чтобы вы двигались вперед семимильными шагами, и мы учились. Вы назвали фамилии моих экзаменаторов. Это профессора Макаров Н. П., Бадирьян Г. Г., Ривкин А.Д. и другие замечательные преподаватели. До сих пор помню, как сдавал экзамен по организации производства Николаю Павловичу Макарову.

– Представляю, каково было молодому председателю колхоза сдавать экзамен профессору, который в 1930 году в личной беседе с И.В. Сталиным высказался против тотальной коллективизации и выразил сомнения в её эффективности, за что и пострадал: отсидел пять лет в Бутырской тюрьме и ярославском политическом изоляторе, а потом 20 лет был на поселении агрономом без права выбора места жительства и общения с семьёй.

– Когда дошла очередь мне сдавать экзамен, Николай Павлович отложил мой билет в сторону и начал задавать свои вопросы. Наш разговор длился минут двадцать, после чего он открыл мою зачётку и намеревался поставить оценку. Я напомнил профессору, что он не спросил по вопросам билета. Николай Павлович сказал: «Вы ответили на более сложные вопросы, чем в билете» и поставил «отлично».

– Василий Александрович, Ваши земляки – туляки прислали благодарственное письмо по случаю 80-летнего юбилея университета, который подготовил для Тульской области более 4000 специалистов сельского хозяйства. Как отмечается в письме, многие из них достойно трудятся, достигли видного положения в структурах производства и управления. Я думаю, некоторых из них Вы хорошо знаете по прежней работе на посту губернатора

Тульской области. Наш университет за 80 лет подготовил десятки тысяч специалистов разного профиля для сельского хозяйства и других отраслей, тем самым решая важную экономическую задачу кадрового обеспечения. Заочное образование выполняет и социальную функцию, дает возможность каждому человеку, как бы ни складывалась его жизненная ситуация, получить высшее образования без отрыва от производственной деятельности. Сегодня за «круглым столом» его участники обсуждали не только имеющиеся проблемы в высшем заочном аграрном образовании, но высказывали большую тревогу по поводу предполагаемых реформ. В русском языке от слов с приставкой «ре» жди неприятностей: революция, реформа, регресс, репрессия, рецессия. Мой третий вопрос: что Вы, как член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук, думаете по поводу высказанных тревог?

– Прежде я хотел бы отметить, что университет в сегодняшнем виде мне понравился: как его материальная база, так и методики преподавания с использованием компьютеров и дистанционных методов обучения. Сегодня за «круглым столом» разговор получился исключительно полезный, деловой, положительный. Спорить о том, нужно ли заочное образование, просто кощунственно. Думаю, что у нас всё-таки хватит сил защитить заочное образование, если мы учтём необъятные просторы нашей страны, транспортные проблемы, особенно для работников агропромышленного комплекса. Что касается дистанционного обучения, прямо скажу: таким способом мы добираемся в самые глухие уголки нашей Родины, получаем новую и, что очень важно, на новом технологическом уровне возможность готовить кадры для сельского хозяйства. Такая форма обучения необходима для тех, кто работает в агропромышленном комплексе и желает повысить свои знания, для людей, преданных земле, своей территории. Они всегда будут её обустраивать и работать на ней.

10. С ними молодею

А я вас знаю!

Конец августа. На селе полным ходом идут уборочные работы. Московский обком партии отправил своих внештатных лекторов, преподавателей – экономистов сельскохозяйственных вузов, в районы оценить уровень знаний экономики и организации производства у руководителей и специалистов среднего звена совхозов и колхозов. Захожу в приёмную райкома партии. Представившись, спросил: «Могу ли увидеть первого секретаря». – «Он в управлении сельского хозяйства, проводит селекторное совещание с руководителями совхозов и колхозов района», – ответила женщина, сидевшая в приёмной. – «Как туда пройти? – «Пойдёмте, я вас провожу».

В здании управления поднялись на второй этаж. Слышно, как в кабинете начальника идёт разговор на повышенных тонах. Кто-то по селектору оправдывается и, вдруг, как выстрел в ухо, за дверью раздался мат. Сопровождавшая женщина приоткрыла дверь и, пропустив вперёд, предложила войти и присесть на стул, стоявший у входа. Первый секретарь райкома, не прерывая свою брань, продолжил кричать в микрофон: «Идёт уборка, а вас в хозяйстве нет!» Фразу он закончил матом. Присмотревшись, в лице тридцатипятилетнего секретаря узнал бывшего студента нашего института, своего дипломника. Без паузы, он назвал, чью-то фамилию. Ему по селектору спокойно ответил приятный баритон: «Я вас слушаю». Снизив голос на полтона, секретарь, назвав собеседника по имени и отчеству, сказал: «Вы знаете, что область не выполняет план по зерну. В северных районах неурожай, а у вас зерна много, вы можете сдать ещё 200 тонн». Все сидевшие в кабинете услышали ответ: «Я план сдачи выполнил, у меня нет зерна». – «Нет, есть! Я знаю!» – «Нет у меня 200 тонн». Секретарь, обратившись к прокурору и главному агроному района, распорядился: «Завтра поезжайте в хозяйство, покажите, где у него 200 тонн, и пускай он попробует их не сдать!» Придвинув микрофон и наклонившись к нему, он сказал: «Вы, слышите меня?!» Голос ответил: «Да». Совещание закончилось. Все, собрав свои бумажки, молча, направились к двери.

Последним шёл первый секретарь. Бывший дипломник узнал меня, остановился, улыбаясь, протянул руку, мы поздоровались. – «Слышали!» – «Да! Такого я от вас не ожидал. Разве можно так на весь район матом крыть директора совхоза». – «Да разве он у меня один такой. Из двадцати таких четверо! Только я за порог района, и они тут же исчезают из своих хозяйств!» – «Что же вы их не

замените?» – «Кем? В хороших кадрах руководителей – острейший дефицит! Помогите!» Узнав цель приезда, он дал необходимые распоряжения.

Каждый раз, возвращаясь из хозяйств в управление и работая в кабинете за столом, подводя итоги опросов специалистов за день, заметил, что женщина у окна иногда как-то пристально на меня смотрит. Подумал, может быть, мы где-то встречались. Нет, не припомню. Спросил: «Вы так смотрите, будто мы знакомы». – «Да, я вас знаю. Мы учились в одной группе на первом курсе института. Я запомнила, как вы у доски сдавали экзамен по высшей математике». И напомнила, как это происходило.

Наша группа сдавала свой первый экзамен в институте. Все столпились около аудитории, конечно, волновались. Ждали доцента, грузноватого старичка, ниже среднего роста, с крупной головой, на которой редкие седые волосы торчали коротким ёжиком. Вот и он идёт. Пригласил зайти в аудиторию. Все расселись, стало тихо. Доцент не торопясь, разложил на столе билеты, посмотрел на экзаменационную ведомость, спросил, все ли присутствуют и здоровы ли. Аудитория дружно ответила: «Все здоровы!» – «Вот и хорошо. Приступим. Кто знает высшую математику на «отлично»? – поднимите руки». Из группы такой нашёлся один. «Идите ко мне, вот ваше задание, решайте на доске», – сказал он студенту и дал листок бумаги с заданием. «Кто знает высшую математику на «хорошо»?» – продолжил он. Таких оказалось человек десять. «Берите билеты и садитесь за первые столы, готовьтесь». Когда хорошисты уселись на свои места, дверь аудитории открылась, и заглянувшая лаборантка кафедры сказала, что доцента кто-то вызывает. Он ушел, отсутствовал минут десять. За это время были отмобилизованы все шпаргалки. Когда он вернулся, в аудитории тут же воцарилась тишина. От двери он, молча, опустив голову, не торопясь, прошёл к окну, от него опять пошёл к двери, развернулся и, задумавшись, остановился. Кто-то из студентов не выдержал томительной паузы и выкрикнул: «Семён Семёнович, а нам то, что делать?» Он посмотрел в аудиторию и сказал: «А вам … слушать умных людей!» «Начинайте!» – обратился он к студенту, стоявшему у доски….

Командировка заканчивалась. Предварительные итоги опроса специалистов доложил первому секретарю райкома. Сегодня суббота, осталось ещё съездить в одно хозяйство и домой. В третьем часу дня к конторе, где находился, подъехала чёрная «Волга», и её водитель, подойдя ко мне, сказал: «Мне велено вас отвезти, вас уже ждут». – «Кто ждет?» – «Я не знаю». – «Если велело и ждут, то поехали». Едем минут пятнадцать. Дорога

межхозяйственная, не широкая, в хорошем состоянии, копирует слегка холмистую местность. Солнечно и тихо, мы с водителем молчим. Справа и слева от пустынной дороги то луга и поля, то лиственный лес. Вдали на обочине стоит «Волга». Когда до неё осталось метров 50, её левая задняя фара замигала. Машина медленно тронулась с места и, проехав 100 метров, свернула на колею, ведущую через небольшое поле в лес. Наш водитель, притормозив, последовал за этой «Волгой». По лесу ехали 5–7 минут. Остановились. Не выходя из машины, водитель сказал: «Вам туда», – и указал на поляну, видневшуюся среди деревьев. Когда вышел к ней, то был поражён её красотой. В окружение густого лиственного леса на высоком берегу реки, поляна диаметром 40 метров, ровная, как стол, освещённая солнцем, блестела изумрудной зеленью лесного разнотравья. Вид так потряс, что не заметил, откуда появились люди, человек 50. Раздались голоса: «Можно начинать!» Подошёл мужчина, поздоровавшись и назвав свою должность районного масштаба, повёл к столам, стоявшим с одной стороны поляны, у кромки леса, и у которых суетились молодые люди. От неожиданности растерялся – куда попал? – «Не стесняйтесь, проходите, здесь только свои – выпускники ВСХИЗО, наше институтское братство!»

Читай!

Сегодня у механиков моя лекция. Захожу в аудиторию. В ней – один студент. – «Здравствуйте, а где остальные?» – «Здравствуйте, я не знаю», – ответил студент, лет сорока. «Как не знаете, уже третий день сессии, а вы не знаю! Где и кем работаете?» – «Работаю заведующим ремонтно-механической мастерской, 15 лет», – ответил он и назвал один из известных подмосковных совхозов-техникумов. «Что окончили?» – «Наш техникум». – «Подведем итог: вы окончили техникум, много лет работаете по специальности – заведующим РММ в совхозе. Курсовую работу выполнили?» – «Да», – ответил студент. «Так, давайте вашу зачетку и расстаёмся по-хорошему. Проводить 20 часов занятий с одним студентом я не буду».

«Читай!» – вдруг сказал студент. «Вы что – шутите?» – «Нет, я корову зарезал и заплатил за сессию, читай!» – уже начиная раздражаться, сказал студент. Пошёл на кафедру, позвонил в деканат, говорю методисту: «На лекцию пришёл один студент, – и назвал его фамилию. – Есть ли ещё студенты на сессии?» «Да, ходят здесь ещё 8–9 задолжников», – ответил методист. Вернулся в аудиторию, студент ждал. Я начал лекцию. На следующий день пришли все – десять человек.

Сегодня двухчасовой семинар на тему «Организация труда». Предваряя разговор, напомнил студентам основные её формы. Более подробно остановился на организации подряда. Он только недавно стал внедряться у нас в сельском хозяйстве. Отметил, что после поражения во второй мировой войне Германия быстро восстановила своё разрушенное хозяйство благодаря повсеместному использованию коллективного подряда. Подчеркнул, что подрядным коллективам удается значительно повысить производительность труда. А на арендном подряде, кроме того, – снизить затраты материально-денежных средств и за счёт экономии повысить свой личный доход.

«Врёте вы всё!» – вдруг сказал студент, сидевший справа. За десятилетия преподавательской деятельности слышал разное: и что вы – наш профессор, и то, что он знает, но не хочет говорить, были и спасибо, и аплодисменты после лекции, но такое – в первый раз. «В чём же я не прав?» Студент встал. Он был 45-лет, высокого роста, широкоплечий, руки, что лопата в земле. – «Я с двумя родными братьями три года работал на арендном подряде в нашем совхозе, и всё развалилось!» – в сердцах ответил он. Было видно – для него это больная тема и мы «насыпали соль на рану». «Вот вы и расскажите нам о своей работе на аренде, а

причину, почему всё закончилось печально, мы попытаемся найти вместе».

Студент полчаса подробно рассказал всё, как было. Три брата решили поработать на себя, заняться откормом бычков на мясо. Взяли в аренду совхозный заброшенный скотный двор, отремонтировали, восстановили средства механизации. Молодняк для откорма, 200 голов, дал совхоз. Его директор всячески поддерживал начинание. Под началом старшего, студента института, братья работали, не покладая рук. В результате в течение года среднесуточный прирост живой массы в расчёте на голову скота довели до 800 грамм, почти в два раза превысив совхозный показатель. Совхоз закупал у них выращенный скот, появились «большие» деньги. Это стало заметно и для односельчан. По деревне пошли слухи и пересуды. Нашлись те, кто стал сигнализировать: директор отдаёт им лучших совхозных бычков, «пурит» туда дефицитные конц-корма, затраты списывает на совхоз, за это братья из своих доходов «отстёгивают» директору и т. п. Пошли бесконечные проверки: одна, вторая, третья, но ничего противозаконного проверяющие не находили. Это ещё больше злило деревенских. Теперь они стали разговорами «доставать» жён братьев. Слабое звено нашлось. У старшего брата начались семейные скандалы. «С этой арендой ты всё забросил: дом, детей, «пашешь» за братьев. Ты и без аренды хорошо зарабатывал! Ещё этот институт, ездишь туда, что ты там забыл? Ночью тебя не добудишься. Есть у меня муж, или нет?» – пилила жена каждое утро мужа.

Как-то три невестки, жёны братьев, встретились у деревенского колодца. Жена старшего брата высказала другим невесткам всё, что она думает об их мужьях. Особенно досталось младшей невестке. Мол, её муж – маменькин сынок, за которого с детства «пашет» старший брат. Все его оберегают, не утруждают, всегда всё лучшее ему, а он – лодырь, выпивоха и гуляка, этим пользуется. Невестки заступились за своих мужей. Перебранка перешла в потасовку, а закончилась дракой трёх жён братьев на утеху всей деревни. Младшая попала в больницу. После той драки, у колодца, каждая поставила своему мужу ультиматум: или разводимся, или бросай аренду! Первым ушёл младший брат, за ним вскоре – средний. «Аренда развалилась Скот забрал совхоз, всё стало по-прежнему», – закончил студент. После бурного обсуждения студенты пришли к выводу, что подряд, аренда здесь не причём. Причина в отношениях людей, в зависти, в нашем неумении радоваться успеху других, что это начало раскулачивания ещё не родившихся кулаков.

Экзамен

Сегодня у экономистов-заочников 6 курса экзамен. Когда утром вошёл в аудиторию, оказалось, что пришли сразу обе группы, 73 человека. Тут же студенты задали вопрос: «Как будем сдавать? Нас много, пожалейте себя! Сегодня у нас праздник, сдаем последний экзамен в университете, а дальше – диплом!»

«Да, за годы учёбы вы прошли «33 злодея», а вот о себе в такой ситуации мне действительно нужно подумать». После этих слов аудитория затихла в напряженном ожидании моего решения. «Я вижу, тут в основном женщины, сегодня суббота. Вы слышали, вчера по телевизору президент говорил о демографических проблемах в стране, о необходимости увеличить рождаемость?» – «Да, слышали!» – «Есть среди вас беременные?» Пятеро подняли руки. «А где доказательства». Аудитория зашумела: «Девчонки, встаньте!» Под одобрительные возгласы пять будущих мамаш, смущаясь, встали и выложили на столы свои большие аргументы. «Садитесь! Я думаю, вы все согласитесь, что они наши лучшие студентки: работают, оканчивают университет, вот-вот родят, их нужно оберегать от стрессовых ситуаций! Будем считать, экзамен по организации производства они успешно выдержали. Давайте ваши зачетки. Уверен, проверка их жизнью не изменит мою оценку – «отлично». После некоторой паузы, встав из-за стола, увидел, что в середине аудитории одна из студенток робко поднимает руку. Обращаясь к ней, спросил: «А у вас что?» Встав, она тихим голосом, глядя в пол, попросила: «Поставьте и мне отметку, кажется, я вчера залетела». В аудитории разразился гром от хохота, раздались и протестующие возгласы: «Ещё чего, мы тут все такие, не раз залетевшие!» Экзамен закончился поздно вечером. До предела уставшим сижу в аудитории, заполняю вторые экземпляры экзаменационных ведомостей. Дверь открылась, вошла лаборантка. «Там, в коридоре, девушка очень плачет. Вы ей поставили «тройку», поговорите с ней». Взяв ведомости, вышел в коридор. У окна одиноко стояла зарёванная, стройная, лет 25-ти девушка с запоминающейся внешностью. Подойдя к ней, спросил: «Что случилось, почему плачете?» «Поставьте мне «четверку», – попросила она, продолжая плакать. «Вот тебе раз, стоит из-за тройки так переживать! Вы считаете, что ваши ответы заслуживают более высокой оценки?» – «Нет!» – «Тогда в чём же дело!» «Поставьте, пожалуйста, мне четверку, – всхлипывая, вновь попросила заочница, – мой директор сказал, если за сессию будет, хоть одна тройка, – главной не сделаю». – «Ну, если так стоит вопрос, давайте зачётку! Что ни сделаешь для

хорошеньких студенток, чтобы одна из них стала главной!»

В этот раз экзамен был у студентов-механиков. Они взяли билеты. Прошло минут 40, спрашиваю, кто готов отвечать? Тишина. Приглашаю самого старшего, по виду ему 52–55 лет. Услышав свою фамилию, студент как будто обмяк, не торопясь, встал и, испытывая какую-то неловкость, молча, присел у стола. «Отвечайте на первый вопрос!» Студент молчал. «Если затрудняетесь, отвечайте тогда на второй или третий вопрос, как вам удобно, не молчите, ведь вы посещали все занятия по организации производства». Студент продолжал молчать. «Вы меня ставите в затруднительное положение. Рука не поднимается поставить ровеснику «неудовлетворительно». Где и кем вы работаете?» – «Всю жизнь в колхозе, механиком», – наконец-то он тихо выдавил из себя. «Ну, вот видите, у вас огромный опыт, а молчите. Что с вами делать?» Ответил староста: «За седины поставьте тройку, и пусть идет с Богом!» Вдруг колхозный механик сказал: «Можно за меня сын ответит». – «А где сын?» – «Вон он», – кивком головы он указал на парня лет 25, сидевшего у стенки. «Идите сюда, выручайте отца!» Студент не смутился, спокойно взял билет отца и коротко ответил на все вопросы. «Теперь отвечайте на вопросы своего билета». И на свой билет он дал достаточно полные ответы. Обращаясь к аудитории, спросил студентов: «Какие оценки им ставить?» «Поставьте по троечке!» – за всех снова ответил староста. Поставив оценки, закрыл зачётки и передал их студенту-отцу. Когда они вышли из аудитории, студенты спросили, что им поставил. «Отлично», – и пояснил: по справедливости, отцу – за многолетний труд в колхозе и хорошего сына, а сыну – за знания. По улыбающимся лицам было видно, что такой оборот дела студенты одобрили. В этот день они все успешно сдали экзамен.

Где дипломы дают?!

Три дня перед кабинетами деканата толпились более 200 студентов, заезжавших на лабораторно-экзаменационную сессию. Наконец-то занятия начались, все разошлись по корпусам и аудиториям. Декан и два его заместителя сидели в кабинете, молча, душевно опустошенные после разрешения бесконечных студенческих проблем. Теперь можно перевести дух. Вдруг дверь резко открылась и, тяжело дыша, ввалился грузный, представительный, в возрасте за 50 лет мужчина. Он остановился на середине кабинета, оглянулся по сторонам и выпалил: «Где дипломы дают?!» Многоопытный декан, выдержав паузу, не поднимая головы от одной из бумаг, кучей лежавших у него на столе, ответил: «Здесь дают». – «Когда дают?» – «Через шесть лет дают», – в той же позе ответил декан. «О!» – протяжно произнёс мужчина, и тяжело дыша, развернулся и молча, вышел из кабинета. Мы переглянулись, бывало всякое, такое – в первый раз. Прошло не больше минуты, дверь открылась, снова, но уже спокойно, вошёл тот представительный посетитель. Декан внимательно посмотрел на него и предложил присесть.

«У меня вчера весь день был Василий Иванович, ходил по хозяйству, – без предисловий заговорил посетитель. Поехали посмотреть поля, он всё ходил, всё хвалил и вдруг спрашивает: «А кто у тебя главный агроном?» Я говорю, Мария Павловна, кандидат сельскохозяйственных наук! Потом Василий Иванович попросил показать ему наши фермы. Он всё ходил, всё хвалил и спрашивает: «А кто у тебя главный зоотехник?» Я отвечаю, Татьяна Сергеевна, кандидат биологических наук! «Покажи-ка мне твои ремонтно-механические мастерские», – снова попросил Василий Иванович. Он всё ходил, всё смотрел и спрашивает: «А кто у тебя главный инженер?» Я отвечаю, Михаил Иванович, кандидат технических наук! – «А у тебя контора есть?» – «Есть. Конечно, есть!» – «Пойдем, посидим». Пришли в контору. Василий Иванович внимательно смотрел планы, отчеты, всё хвалил и спрашивает: «А кто у тебя главный экономист?» Я ему отвечаю, Зинаида Владимировна, кандидат экономических наук! «Так, сколько же у тебя в совхозе работает кандидатов наук?» – спросил Василий Иванович. «Семь», – ответил я. «А сам-то, что окончил?»… «Техникум». – «Как, какой техникум?!»… «Строительный» – «Это что же, – взорвался Василий Иванович, – получается директор лучшего хозяйства области, у которого «на посылках» семь кандидатов наук, сам не имеет высшего образования. Знаешь, где находится ВСХИЗО?» Да, до института

15 километров. – «Сколько тебе лет?» – «58!» – «Вот что, если хочешь доработать до пенсии директором, завтра же доложишь, что окончил институт!»

«Помогите! – уже обращаясь к декану, попросил представительный посетитель и добавил, – Василий Иванович, Конотоп, первый секретарь Московского обкома партии. Что мне ему доложить?» Декан встал и молча, пошёл к двери, продолжение разговора требовало конфиденциальности, за ним направился представительный мужчина. Больше он в деканате не появлялся. Директором до пенсии и звания Героя Социалистического Труда он доработал.

11. В голицынском парке

Голицынский парк усадьбы Пехра-Яковлевское большой, стар, ему двести лет: падают вековые деревья, много бурелома и сухостоя, зарастает мелколесьем. Но в суете быстроменяющейся жизни он продолжает служить людям. Напоминает нам о вечной красоте природы, является лёгкими Балашихи, крупного индустриального города, естественной средой обитаниия многих представителей животного мира. Здесь можно увидеть ужа и ежа, крота, белку и зайца. Послушать пение пернатых его обитателей: скворца, соловья, дрозда, чижа, синицы. Понаблюдать за работой большого пестрого дятла и желны (чёрного дятла), увидеть сову, сидящую на ветке вековой липы. На речке Пехорке в середине апреля более сотни серых чаек собираются на птичьи базары, оглашая парк своими криками. Кряква не покидает на зиму это полюбившееся ей место. Приглянулось оно и хохлатой чернети, утке редкой в Подмосковье. Там, где у речки высокой берег, многочисленные ондатры устроили свои норы. Если очень повезёт, можно увидеть и американскую норку, а в сумерках разглядеть и настоящую выдру. Голицынский парк и пойма речки Пехорки – своеобразный живой уголок Балашихи.

Важным хозяйственно-эстетическим элементом усадьбы Голицыных являлось большое озеро с возведённым через него мостом. Озеро образовывала запруженная плотиной речка Пехра (Пехорка) – левый приток Москвы-реки. Конфигурацию озера и его размеры можно представить по картине Свебаха, написанной в 1820 году. Сегодня границы озера обозначают сохранившиеся на берегу вековые ивы, липы и чёрные тополя, которые хорошо переносят подтопление во время паводка.

Лет 30 назад озеро у голицынской усадьбы решили расчистить и углубить. Открыли задвижки на плотине, спустили воду, приступили к работам. С весны до зимы экскаваторы выбирали грунт в пойме реки со стороны безлесного берега. Дошли до песка, стали проглядываться контуры возможно в будущем городского пляжа. Но, как у нас водится, через год всё забросили. Экскаваторы ушли, задвижка плотины исчезла.

Пойма обмелевшей речки стала постепенно заболачиваться. В зарослях осоки, камыша, водорослей, свистушника и незабудок теряется русло речки. Только мелкими протоками среди зыбких кочек с обеих её сторон, заводями, через кустарник она добирается до берегов. Эта речка-болото стала местом обитания диких городских уток.

Недалеко от берега в парке обитает стая дворовых собак. Они

здесь хозяева! Еды им достаточно на всю неделю, от субботы до субботы: тех «шашлыков» и объедков, которыми загаживает это место по выходным дням молодёжь. Но собаки – хищники, им подавай парного мяса. А где его взять! Собаки решили сами себя обеспечить и организовали охоту на уток, когда в мае на кочках кряквы начинают высиживать на кладках своё потомство. Кряква, наиболее крупная из речных перелетных уток, поселилась на Пехорке лет двадцать назад и постепенно перешла к круглогодовому оседлому образу жизни. С каждым годом здесь их становится всё больше и больше. Сейчас, если идти в парке вдоль берега речки, их можно насчитать не менее 100 пар. У мостиков через речку, где обычно люди подкармливают уток хлебом и семечками, они выходят на берег.

Стая собак, больших и не очень, рассредоточившись, с берега спускается в пойму речки – болота. Кто по кочкам, кто вплавь по протокам, собаки начинают подбираться к сидящим на кладках уткам. Те из них, кто ближе к берегу, заприметив собак, «перепрыгивают» на свободные кочки или шумно спрыгивают в протоки, громко издавая предупреждающие других уток «кря-кря!». Отвлекая на себя и уводя собак от кладок, кряквы постепенно выплывают на чистую воду. Преследующие их собаки вплавь, окружая, сгоняют уток в кучу, всё плотнее и плотнее сжимая своё кольцо. Когда это им удаётся сделать, начинается битва – «игра» в казаки-разбойники и в пятый угол. У одних цель поймать утку, у других – не попасться.

Утки начинают стремительно метаться, изо всех сил машут крыльями, громко тревожно крякают. Некоторые, набрав скорость, плывут прямо на собаку. В полуметре от неё одна кряква ныряет под собаку, та за ней. Вторая утка сходу делает низкий подлёт «свечкой», резко сворачивает в сторону и, тут же шлёпаясь, садится на воду за спинами других собак. Отвлекает их на себя так, чтобы разорвать собачью блокаду. Когда образовывается брешь, утки устремляются в неё врассыпную. И начинаются индивидуальные гонки. Работая ногами изо всех сил, утки несутся по воде подальше от кладок. Плывущие собаки гонятся за ближайшей из них. Если собаки догоняют, утка пытается спрятаться в протоке за кочками. Здесь ноги собак путаются в густых водорослях, и они отстают. Так продолжается до тех пор, пока собаки не выбьются из сил. Посрамлённые и обессиленные, они возвращаются к берегу, отряхиваясь от воды и водорослей. У берега, некоторые из них находят оставленные кладки и вознаграждают себя: повиливая хвостом, поедают утиные яйца.

Но у крякв есть более грозный враг – вороны, которые чёрной

тучей слетаются в это время на пойму-болото. Они по-хозяйски разгуливают здесь, деловито перелетая с кочки на кочку, издавая своё зычное – «карр! …карр!» После их нашествия остаются разорённые утиные гнёзда с разбитой яичной скорлупой. А на воде всё чаще и чаще можно увидеть уток, покинувших свои разоренные гнёзда, и селезней, по инстинкту возвращающих самок к местам кладок. Только когда вороны садятся на свои гнёзда высиживать потомство, на речке наступают тишина и покой.

В конце мая – начале июня среди одиноких пар уток появляются первые кряквы-самки, которым удалось получить потомство. Постепенно, вплоть до июля, выводков становится больше, в каждом от 4 до 8 утят. Сначала утята, издающие «пи-пи…пи-пи», копошатся в густых зарослях осоки и камыша, держатся среди кочек и коряг, на мелководье, где кормятся ряской, клубнями и корневищами водных растений. Затем самка выводит подросших утят на границу зеркала речки.

Время к вечеру. Любуемся выводком пуховых утят, кормящихся у кромки русла речки. Вдруг одинокая кряква-самка, сидевшая неподалеку на кочке, встала и замерла. Вытянув шею, издала «кря-кря!..кря-кря!..кря-кря!» Ей тут же ответила другая утка, плававшая ниже по течению. Нам показалось, что они объявили по речке тревогу. Но что могло вызвать их беспокойство? Кругом тихо, пустынно. Только лучи заходящего солнышка играют разноцветными бликами в неспешном течении речки.

Неожиданно там, где русло расширяется, что-то всплыло, не образуя волны. Туда напряженно смотрит утка, первая издавшая «кря!» Присмотрелись и мы: плывёт что-то похожее на крысу. Она то – погружается в воду, то всплывает, то медленно плывет вдоль извилистой кромки русла то у одного, то у другого берега. Спокойно проплывает мимо нас. Так это же ондатра! Рыже-ржавого окраса коварный злобный зверёк с торчащими усищами, маленькими глазками-бусинками и ушками на затылке, с чёрным длинным хвостом.

Ондатра питается преимущественно растительными кормами, но для нормального развития ей нужна и животная пища. Поэтому мы забеспокоились за пуховых утят, плававших у кочек и камышей под присмотром матери. Так и есть: ондатра их заприметила, у нее хорошие зрение и слух. Направилась в их сторону. Утка начеку, беспокойство матери передалось утятам. Они тут же собрались перед ней и стали неуклюже выбираться на доски, застрявшие в камышах ещё с весеннего паводка. В это время ондатра уже неслась к ним как скутер, еле касаясь воды,

преодолев расстояние в 10–12 метров за 4–5 секунд. Она была уже у цели, когда кряква-самка резко развернулась спиной к ондатре и сделала несколько быстрых и сильных ударов обеими ногами по её носу, обдав фонтаном брызг. Ондатра ушла под воду, но через мгновение, тут же вынырнула. Как только над водой показалась её усатая мордочка, поджидавшая уже на доске, утка резким движением клюва решительно ударила ондатру в нос. Ондатра отступила, поплыла к противоположному берегу.

Если взрослая кряква стоит на кочке, коряге или доске, то проплывающую рядом ондатру, она не боится и ведёт себя спокойно. Но на открытой воде утки держатся от неё на расстоянии, зорко наблюдая за её перемещениями. Поэтому хитрая ондатра маскируется. Мы не раз наблюдали, как, держа перед собой в пасти пучок осоки или веточку ивы и прячась за ними, она пыталась приблизиться к утятам. И если утенок отстал, замешкался или запутался в плавающих в воде мелких ветках ивы, то беды не миновать.

Точно также ведёт себя и другая утка – хохлатая чернеть. Впервые она появилась на речке Пехорке у голицынского парка года четыре назад. В десятых числах мая сначала прилетела одна пара, а через неделю их стало четыре. Эта утка мельче, чем кряква и отличается окраской. Самец – чёрный, его бока и брюхо белые, на голове – свисающий назад хохол, глаза желтые, посадка тела на воде низкая. Хохлатая чернеть в ближнем Подмосковье немногочисленна. По данным орнитологов, в окрестностях Москвы их гнездится не более 200 пар.

В отличие от кряквы, хохлатая чернеть – более осторожная утка, держится на открытой воде подальше от зарослей осоки и камыша. Когда кормится, постоянно ныряет, так как является животноядной и корм добывает со дна. Она может находиться под водой более десяти секунд и проплыть там 20–25 метров. В 2010 году одной хохлатой чернети удалось вывести четырёх утят. Когда они пуховые, то чёрно-коричневого окраса. Во время кормления утята плавают около матери и за кормом ныряют в воду по очереди. Пока утята, ныряя, кормятся, утка-мать постоянно находится на воде. Медленно перемещаясь, внимательно наблюдает за окружающей обстановкой. И каждый раз она каким-то образом угадывает и подплывает к тому месту, где выныривает ушедший под воду очередной утенок.

В прошлую очень теплую осень хохлатая чернеть обитала на Пехорке до ноября. Но один утенок с наступлением холодов не улетел, видимо, из-за какой-то травмы. Он одиноко плавал по узкой протоке замерзшей Пехорки. В середине февраля термометр показывал аномально низкую ночную температуру –

минус 25–30 градусов. Протока стала затягиваться льдом, для чернети наступило время борьбы за выживание. С трудом взлетев на высоту 1,5–2 метра, она складывала крылья и камнем падала на пленку льда, пробивая её своим телом, чтобы затем нырнуть на дно за кормом. Пробыв под водой две-три секунды, она тут же выныривала, будто боялась, что сильный мороз затянет пробитую лунку. Взлетев, она снова падала камнем на лёд в 4–5 метрах от предыдущей лунки, снова ныряла, всплывала, взлетала и опять падала, пробивая лёд. Так она повторяла много раз. Смотреть на эту борьбу за жизнь, сознавая, что ты не в силах помочь, тяжело. Подумалось, что если протока крепко заледенеет, чернеть погибнет, разбившись о лёд или обессилив с голоду. Через неделю сильные морозы отступили. И мы, к большой радости, увидели в бочаге за бывшей плотиной вынырнувшую чернеть. Бочаг оказался одним из немногих мест на речке, незамерзших в сильные морозы. Здесь её течение быстрее, а в пойме, среди кочек, бьёт много ключей. В этом спасительном месте собрались и кряквы, и ондатры, и норки. Сюда приплывала и чернеть.

…Женщина с мостика кормила десяток крякв, бросала ржаные сухарики, а мужчина снимал эту сцену на видеокамеру. Вдруг он сказал: «Смотри, плывет ондатра!» Довольно быстро она подплыла к уткам и прямиком направилась туда, где на воде плавали сухарики. Взяв один, спрятала его за щёку, другой – за вторую щёку, а третий прихватила верхними резцами и, развернувшись, спокойно поплыла среди посторонившихся уток. Съев сухарики на большой, торчавшей из воды коряге, ондатра снова вернулась к мостику. Мужчина достал ломтик хлеба и, опустившись на колено, держал его над водой. К нашему удивлению, ондатра подплыла к мостику, влезла на доску, которую прибило к нему течением, и, встав на задние лапки, пыталась достать ломтик хлеба. Мужчина разжал пальцы, и ломтик упал в воду. Ондатра тут же ловко спустилась с доски, подхватила его и, держа впереди себя над водой, поплыла среди скопления уток к коряге. Утки смотрели на ондатру и при её приближении отплывали чуть в сторону. Однако среди них нашёлся храбрец. Крайний селезень смело поплыл навстречу ондатре. Но когда он раскрыл клюв и попытался разделить с ондатрой ломтик хлеба, она ловко увернулась. При этом своим длинным хвостом, как плетью, она резко ударила селезня по клюву. Селезень взглядом проводил уплывающий ломтик…

С первых чисел августа кряквы-самки начинают учить подросших утят летать. Метод обучения классический – личный пример матери и игра. Весь курс занимает не более двух недель. Первые 2–3 дня утка-мать проводит уроки на кочках или

застрявших в реке досках, бревнах, показывая как принять нужное положение тела, как расправить крылья и махать ими, постепенно увеличивая частоту взмахов. Утята, вытянув шеи и приняв почти вертикальное положение, дружно повторяют движения матери. Следующий урок с теми же движениями проходит уже на воде. Через день-два новый урок – «разбег по воде с махом крыльев». Сначала утка, собрав возле себя утят, несколько раз показывает им, как это надо делать. Некоторые, наиболее сообразительные из них повторяют движения матери. Но большинство утят из-за лености или по трусости только наблюдают, продолжая кучкой плавать. Тогда утка-мать, вернувшись к этим утятам, начинает «стимулировать», то есть больно щипать их за заднее место. После такого щипка, утенок, работая лапками изо всех сил, пытается по воде «убежать» от матери. Но она, догоняя, продолжает щипать его до тех пор, пока утёнок не начнёт махать крыльями с наибольшей интенсивностью. Так она поступает с каждым лентяем или трусишкой. В этом ей помогают и сообразительные утята. Они гоняются за собратьями, пытаясь ущипнуть нерадивых. Такая игра-учёба в догонялки продолжается 2–3 дня. После того как утята выучили необходимые подготовительные движения наступает завершающий урок – «взлёт». Опять утка-мать, собрав возле себя утят, показывает им, как это нужно делать. Разбежавшись, интенсивно махая крыльями, она отрывается от воды. Взлетев на 50–60 см и пролетев 3–4 метра, она, выставив перед собой лапки и тормозя ими о воду, плавно приводняется. После нескольких таких показов начинаются пробные взлёты утят и к середине августа они все встают на крыло. Они летают еще не высоко и не далеко, но это дело им нравится. Они уже почти готовы к самостоятельной жизни, им нужно только ещё подрасти и окрепнуть. Поэтому, проявляя признаки самостоятельности, плавая, уже довольно рассредоточено, они не теряют друг друга из вида и периодически собираются вместе около своей утки-матери, которая всегда готова прийти им на помощь и защитить.

…Спустились сумерки. Время около четырёх часов вечера, когда ондатра активна. Вышел к бывшей плотине, присмотрелся, а вот и она, сидит на кочке в пойме, лакомится водорослью, держит её в передних лапках. Вот плывет ещё одна, неподалёку вынырнула третья. Всего их насчитал пять. Они деловито сновали по речке. Но что это? По берегу слева, у самой кромки воды, бежит какой-то зверек. Увидев меня, замер. Его чёрные глазки-бусенки выжидающе уставились на меня. Мы внимательно смотрим друг на друга три-четыре секунды. Звук выдвигающегося объектива фотоаппарата спугнул зверька, он устремился к воде и

поплыл. О нём рассказал Г.В. Хахину, заслуженному работнику охотничьего хозяйства России, кандидату биологических наук. Разглядывая фотографию, он спросил, как выглядел зверёк? Ответил, что тело узкое, длиной чуть больше 25 см, несколько короче хвост, окрас недлинного ворса – коричнево-черный. Форма мордочки, как у норки. «По вашему описанию, это американская черная норка», – ответил Геннадий Викторович. Чёрная восточная норка, полуводное животное, как и ондатра, была завезена к нам из Канады в 1928 году. Селится она у лесных рек, незамерзающих зимой. Свои жилища устраивает в земле. Норка и ондатра хорошо прижились у нас в стране. Для их акклиматизации и разведения от Европейской части России до Дальнего Востока много сделал Московский пушно-меховой институт, размещавшийся в 1930–1954 годах в усадьбе Пехра-Яковлевское. Четверо его выпускников за это были удостоены знания Героя Социалистического Труда. Зимой на заснеженном льду поймы Пехорки отыскал тропу норки от её жилища на берегу до места кормления. В дни сильных морозов удавалось по крепкому льду подойти к тропе и разбросать у неё принесённую с собой мойву, чтобы поддержать норку в трудное время.

В середине марта дневная температура неделю держалась плюс пять и выше. Время около полудня. Снег по берегу Пехорки блестит отраженной голубизной безоблачного неба. Внимательно осматриваю пойму. А вот и моя знакомая. На противоположной стороне протоки на заснеженном льду в полуметре от воды сидит норка. В контрасте с белым снегом она действительно имеет насыщенный чёрный окрас. Она хорошо перенесла зиму. Перед ней плотвичка размером сантиметров 13–15, в солнечном свете она блестит серебром. Норка смотрит на рыбку, предвкушая сытный обед и растягивая удовольствие. Пролетавшие с карканьем три вороны, заметив блеск рыбки, тут же спикировав, веером расселись в 1,5–2 метрах от неё. Увидев непрошеных гостей, норка предупреждающе выгнула спину, как это делают кошки. Но наглые вороны дружно двинулись к рыбке. Норка тоже сделала движение к ней, оскалилась. Вороны остановились. Через 2–3 секунды они повторили своё наступление. Норка медленно двинулась им навстречу. Напряжение противостояния нарастало. Сжимаясь, выгибая спину и увеличиваясь в размере, норка накрыла своим телом серебристую рыбку и замерла. Её решительная поза, демонстрировавшая готовность защитить свой улов, остановила ворон. И они, потоптавшись на месте, улетели. Норка, убедившись, что теперь ей никто не угрожает, приняла удобную позу и, не торопясь, приступила к трапезе. Съев рыбку, она пробежала несколько метров вдоль протоки и ушла в воду.

Вынырнув, вышла на лед, припорошенный снегом. Кругом было тихо, чисто и бело. Было видно, что норке здесь комфортно: никуда не спеша, с любопытством осматривалась по сторонам, радуясь весеннему теплу солнечного дня. Эта встреча подогрела желание познакомиться с норкой поближе. Такое знакомство состоялось через месяц.

Был ясный солнечный апрельский день, Вербное Воскресенье. Три дня назад на Пехорке был нерест у щук. Три дня речка буквально кипела от их борьбы за будущее потомство со скопищем более сотни серых чаек, слетевшихся сюда полакомиться икрой нерестящихся рыб. Сегодня на реке много рыбаков. На прогревшемся мелководье удочками они ловко вытаскивают одного за другим небольших карасиков – «здесь их тьма». Пообщавшись с рыбаками, пошёл вдоль берега к месту, где обитала норка.

У предполагаемого её жилища разместился на берегу в полутора метрах от уреза воды и стал ждать. Была уверенность, что сегодня наша встреча с норкой обязательно состоится: день выдался уж очень хорош. Осматриваю даль зеркала речки, пойму, пытаясь предугадать, откуда можно ожидать появление норки. Она появилась вскоре: плыла вдоль берега, вытянувшись черной лентой и держа мордочку над водой. Внимательно наблюдая, замер, боясь неловким движением спугнуть зверька. Вот она вылезла на валявшуюся автомобильную покрышку. Отряхнулась и, погревшись несколько секунд на весеннем солнышке, спокойно спустилась в воду. Поплыла, огибая берег, скрылась за ним. Надеясь, что норка появится вновь, разбросал на берегу мелко нарезанной сырой говядины. Там, где ожидал норку, положил на кочке большой кусок варёной докторской колбасы и куриные крылышки.

Она появилась вновь, выплыла из-за береговой линии. Почуяв мясной запах, вышла на берег и стала поедать кусочки разбросанной говядины. Норка ведёт себя спокойно, не реагирует на вспышку и звук сработавшего фотоаппарата. Тщательно собрав все кусочки мяса, она вернулась к реке. Поплыла в нашу сторону. Почуяв запах колбасы и куриных крылышек, разложенных на кочке, влезла на неё. Взяв в пасть увесистый кусок колбасы, побежала с ним по берегу к своему жилищу и скрылась в лабиринте небольшого, диаметром 8–9 сантиметров, лаза.

После некоторой паузы из лаза показалась мордочка норки на длинной шее, она осторожно выдвигалась. Маленькие миндалевидные темные глазки под широким лбом с любопытством разглядывали нас. Попятившись, она спряталась в норе. Вот появилась снова, вылезла почти наполовину, опять

спряталась. Сделав несколько снимков зверька, я удалился, присев в полутора метрах от кочки. Через некоторое время норка прибежала к ней и стала быстро поедать лежавшие там куриные крылышки. Делала она это мастерски быстро, её сильные челюсти буквально дробили мелкие косточки: только хруст стоял. Закусив и попив из речки, норка прихватила остававшуюся большую куриную косточку и скрылась с ней в своём жилище.

Наша встреча продолжалась минут пятнадцать. За это время удалось с близкого расстояния сделать несколько снимков норки в разных её позах. По сравнению с ондатрой она просто красавица. У неё плавные вытянутые линии тела, движения её грациозны, черный шерстный покров блестит в лучах солнечного света. У этого зверька очень красивая умная мордочка с чутким носом и небольшими ушками развёрнутыми вперед. Норка – беспощадный хищник: питается мышами, лягушками, птицами, рыбой, моллюсками и насекомыми, поэтому всем обитателям Пехорки надо её остерегаться. Один селезень кряквы уже стал её жертвой, остались только его пух и перья, лежащие кучкой в трёх метрах от жилища норки.

Но и ей нужно опасаться нежданных гостей. По нашим наблюдениям норка не труслива, к цели идет смело. Она любопытна, к тому же строго придерживается своего распорядка дня, чередуя работу по добыче пищи на реке с отдыхом в своей норе. За год общений мы с норкой подружились: корм она берет уже с рук. Лето, как ни странно, оказалось самым трудным периодом для выживания земноводных зверьков на Пехорке, особенно в выходные дни. Собачники выгуливают здесь своих псов, которые, почуяв запах зверьков, пытаются разрывать их норы. Шумная молодежь разжигает здесь костры, оставляет после себя упаковочный мусор, бывает, что и шпицы после употребления наркотиков, и всем этим забивает входы в жилища зверьков. Подростки иногда «развлекаются», стреляя в парке из малокалиберных и травматических пистолетов и ружей, которые они прячут в чехлах для гитар. Будет очень жалко, если норка, этот красивый зверек, погибнет от рук местных вандалов.

…Сегодня тепло, половина десятого вечера. Время земноводным обитателям Пехорки выходить на охоту. Кругом тихо, спокойно, наступили сумерки. Норка ещё дома. Покормив её, пошёл вдоль берега. Вдруг со стороны речки послышался звук, будто кто-то веслом ударяет по воде: шлёп-шлёп, шлёп-шлёп. На воде заметны разбегающиеся круговые волны. Взглядом ищу эпицентр, он за ветками и листьями ивняка, нависшими над водой. Среди веток удается разглядеть в потемках очертания зверька, сидящего на подтопленном бревне. Ондатра? Нет, зверек

раз в пять-шесть больше обычных её размеров. Подошёл ближе, спустился к воде. Нет, это не ондатра! Но кто же? В протоке между длинных косм водорослей, вытянувшихся по течению, появилась большая голова странных очертаний. Голова удаляется, плывёт к брёвнам и доскам, застрявшим среди кочек и ивняка. Вдруг на середине бочага голова скрылась под водой, и она «закипела». Будто кто-то там, извиваясь, гоняется, видимо, за рыбой. Через несколько секунд вода успокоилась и из реки на бревно медленно вылезает темное, почти черное, мокрое «чудище» длиной около метра, со спины яйцеобразной формы покрытое густой шерстью. В сумерках от этого зрелища стало даже жутковато. «Чудище» стоит на четвереньках, сделало движение вперёд: неужели бобёр? Показался хвост. Хвост длинный, узкий, у спины клинообразный, широкий. Фу ты! Это не бобёр, это крупная выдра! Она медленно развернулась, что-то съела, сползла в воду и поплыла к веткам ивняка, полоскавшимся в воде. Вылезла на подтопленное бревно, и тут раздались уже знакомые звуки: шлёп-шлёп, шлёп-шлёп. Шлепки о воду выдра делает хвостом. Хвост у неё – третья точка опоры, когда её тело находится в вертикальном положении. Уже стемнело, только по движению веток над водой можно было догадаться, что выдра ещё здесь, видимо, сидя на бревне передними лапами выжимает воду из своей ценной шубки.

В другой раз удалось с высокого берега наблюдать, как выдра ловит рыбёшек в водорослях. Вот она, вытянув передние лапы вдоль тела, как торпеда, плавно извивая свой хвост, медленно плывет под водой по течению между водорослями. Затем, повернув голову против течения, она резко бьёт своим хвостом по водорослям, из которых мгновенно выскакивает стайка мелких рыбешек, кормившихся тем, что задерживают водоросли. Рыбёшки устремляясь по течению, где их поджидает выдра. И три-четыре из них тут же исчезает в пасти хищника.

Появление на Пехорке у голицынского парка норки и выдры, этих двух видов из семейства куньих, – ещё одно примечательное событие последних лет. Однако состояние реки и её поймы у голицынского парка безобразное. Чего только там не брошено: бутылки, автомобильные покрышки, доски, бревна, даже холодильники. В заводях она покрыта ряской, русло густо заросло водорослями. Прилетевшим в мае 2011 года нескольким пар хохлатой чернети пришлось уже в середине июня покинуть Пехорку, так как им, уткам-ныркам, стало невозможно добывать корм со дна реки из-за этих водорослей. Так что нам есть над чем задуматься…

Много интересного можно встретить и в самом голицынском

парке. Летом, обычно с чау-чау по кличке Анука, мы прогуливались вдоль опушки леса. В зависимости от наличия времени, не торопясь, ходили любимым маршрутом на три-пять километров. Однажды в 3–4 метрах от нас на лесную тропинку неторопливо вышла ежиха, а за ней, друг за другом, четыре ежонка, выстроившись цепочкой. Поразил очень большой размер ежихи – с баскетбольный мяч, в контрасте с которой забавно смотрелись семенившие за ней крошечные ежата. Первые прилежно копировали движение матери, а последний ежонок постоянно отвлекался. Его интересовало всё на пути: то он отставал, то убегал в сторону. Мать – ежиха останавливалась и строго фыркала на «неслуха». Когда он возвращался в строй, движение продолжалось. Понаблюдав за дружной семейкой, спешившей, видимо, к своему дому, мы пошли дальше. В этот раз чау-чау неожиданно рванул и скрылся в кустах за деревьями. На всякий случай прислушался. Собака домашняя, ласковая, но это зверь. Мало – ли что его привлекло или может произойти. Через минуту со стороны, куда убежала собака, послышался шорох, будто идет какая-то интенсивная возня. Поспешил к месту непонятного звука. Шорох раздавался у комля огромной сосны, поваленной бурей. Собаки не было видно. Наконец-то из ямы под корнями весь в земле и листьях, вылез пёс. Он мотал головой. В его пасти что-то издавало писк. Присмотрелся. Ёж! Собака с добычей победно побежала на тропу, ведущую к дому. Догнав, палкой разжал её пасть. Ёж, упав на землю, лежал клубком, ощетинившись иголками, не издавая звуков. Подумалось, может быть молчит со страха.

Каждый русский знает поговорку: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь!» Но редко кому из современных городских жителей удавалось видеть её подтверждение. Нам такой случай представился. Идём с собакой вдоль поля шириной не более ста метров. Справа и слева – голицынский парк. Каждый из нас занят своим делом. Собака внимательно изучает всё интересное по ходу маршрута. Впереди – куст бузины. Сделали к нему несколько шагов. Вдруг из-под куста выскочил заяц и, не торопясь, попрыгал в поле. Собака бросилась к нему. Заяц прибавил ходу. Собака стала развивать максимальную скорость. До зайца осталось не более двух метров. Сейчас она его схватит. И вдруг… зайцев стало два! Откуда?.. Невероятно!.. Второй заяц возник как из-под земли рядом с первым. Видимо, до того они бежали синхронно, прижавшись друг к другу. Собака резко затормозила, на мгновение даже присела в замешательстве. В это время зайцы резко рванули и разбежались в разные стороны. Собака устремляется за ближним

к ней зайцем. Другой, описав дугу и набирая скорость, понесся наперерез собаке. Он проскочил буквально перед её носом, на мгновение, преградив дорогу, отвлекая внимание на себя. Вид близкой цели заставил собаку переориентироваться на этого зайца, и она, резко тормозя, почти на 90 градусов изменяет направление бега. Пока собака делает манёвр, зайцы уже далеко. Попытки их догнать повторяются снова и снова. Зайцы несутся изо всех сил, выписывая «восьмёрки», в сторону леса – там их спасение. И вот они скрылись в его зарослях. Собака влетела за ними, стала очень громко лаять – до хрипоты. Лай то приближается, то удаляется. Вдруг наступила тишина. Вернулась она минут через 30, еле волоча ноги. Вид жалкий. Скулила, жаловалась на «нехороших» зайцев. Плохая она бегунья. Взялась не за своё дело. Такая работа – для гончих и борзых собак!

В тот год дождливые и прохладные дни весны и начала лета несколько задержали созревание земляники и малины в лесу. Цвели они дружно, по всему было видно, что их урожай будет хороший. В голицынском парке крупная, зрелая земляника появилась на солнечных полянах только в первой декаде июля. Прогуливаясь в парке, решил набрать этой сладкой ягоды. Обобрал один солнечный пригорок, пошёл к другому. Пока шёл по лесной тропинке вдоль её солнечной стороны, в траве ягоды попадались: одна, две… А вот и ещё несколько. Моё намерение сделать шаг и протянуть руку, чтобы сорвать очередную ягоду, остановила лежащая поперёк тропинки длинная, правильной конической формы, палка. Насторожило то, что она как-то странно, неестественно была изогнута. Может быть, это кусок электрического кабеля в оплётке? Надел очки, присел, чтобы лучше разглядеть, что же это. Змея!!! С ядовитыми змеями встречался в детстве и боялся их. Но тут любопытство взяло верх. Глазами стал искать её голову, чтобы определить, какая это змея. Одновременно снял с руки висевший на ремешке готовый к съёмке фотоаппарат: до этого сфотографировал пригоршню крупной земляники. Мои движения, видимо, вызвали беспокойство чуткой змеи, и она, показывая свой язычок, высунула голову с оранжевым ободком из толщи лесной подстилки. Так это же уж! Длинный, около метра, он грелся на солнышке. Я сфотографировал его на память. Звук сработавшего фотоаппарата спугнул ужа, и мы мирно расстались. Он уполз под кустарник, а мы продолжили собирать душистые ягоды. В другой раз в жаркий день женщина в возрасте стояла в начале мостика через речку и тут, почти у берега, кормила подплывших уток. Проходивший по мостику юноша, вдруг сказал: «Смотрите, змея!» Это был уж. Он медленно сполз с берега в речку и, держа голову

над водой извиваясь, поплыл среди уток, которые на его появление никак не реагировали. Когда уж проплывал там, где на мостике стояла женщина, она в испуге отшатнулась от его края и произнесла: «Я бы умерла от страха, если бы в это время находилась в воде!»

Сегодня на безоблачном небе нежаркое ласковое солнышко. В берёзовой лесополосе вдвоём с собакой собираем грибы. Вышли на опушку. Остановились на краю довольно большого клеверного поля, прямоугольником врезанного в лес. Кругом тишина. Благодать! Вдруг на середине изумрудной зелени поля что-то мелькнуло. Будто язычки пламени от раздуваемого ветром тлеющего полена. Появляются: раз, два, три!.. Что бы это могло быть? Присмотрелся. Да это же рыжая лиса разгуливает по полю! Это её пушистый ярко-рыжий хвост с белым кончиком в прыжке пламенем взлетает вверх то тут, то там. Ловит полевых мышей. Увлечена! Лиса, охотясь, движется в нашу сторону. Всё ближе и ближе к опушке. Мы отошли немного. Спрятались с собакой за берёзой. Затаились, наблюдаем, что будет дальше. Лиса идет спокойно. Собака на поводке замерла. Вся внимание, ни звука. Она – молчун. «Рыжая», во всей своей красе, гордо прошла мимо нас в пяти метрах, даже ухом не повела! Мы взглядом проводили лису. Подождали немного, чтобы не нарушить симфонии природы. Под впечатлением от увиденного, пошли своей дорогой собирать грибы.

Грибы попадаются, но немного. Пошли вглубь леса. Напали на заросли малины и ежевики. Лежавшая на земле очень большая берёза делила малинник пополам. Не спеша, стали собирать ягоды. Увлеклись, малины много. Продираемся сквозь высокий малинник к берёзе. Собака идет рядом нога в ногу. Вот и берёза. Остановились. Палкой раздвигаю малинник, росший с противоположной стороны, решая, стоит ли перелезать через лежащую берёзу. Высоковато!

Вдруг – как вспышка от электрического разряда. Что это? Среди веток малинника большой немигающий глаз смотрит прямо на нас. Ноздри! Они нервно задёргались, из них пошёл горячий воздух. Не делая резких движений, приседаю. Огромная голова с рогами! Стук сердца заложил уши. До головы – лежащая берёза и два метра! Лось!!! – пронеслось в мозгу. Лосей в этих местах встречал и раньше, но так близко, чтобы «лоб в лоб» – в первый раз. Нагнувшись, тут же взял собаку на короткий поводок. Она молчит, умница! Начали медленно отходить назад – «от греха подальше». Лось тоже попятился. Расходимся в противоположные стороны тихо, обоюдно настороженно. Одновременно вышли из малинника. Отойдя на несколько

метров, оглянулся. Оказалось, это лосиха с лосёнком! Он шёл рядом, прижавшись к боку матери. Её голова была повернута к плечу, глаза внимательно смотрели в нашу сторону. Лосиха уводила своего телёнка подальше от нас! Мы перевели дух, но успокоились только через час, когда присели перекусить.

В голицынском парке обитают и белки. Их можно увидеть как на аллеях, так и около зданий усадьбы. Но их немного, хотя парк большой, в нём много хвойных деревьев и орешника. Растут и грибы: чернушки, сыроежки, польский белый, опята, серые и фиолетовые рядовки. Если повезёт можно найти и настоящий белый гриб и подосиновик. Одной из причин не многочисленности белок, видимо, является обилие ворон в парке. Знающие люди говорят: «Где вороны, там белки не живут». Раньше их огромная стая обитала у зверосовхоза «Салтыковский» на Лисьей горе около парка. Теперь этой горы не стало. Её сделали лыжно-катальной горкой, а воронья стая переместилась в парк. Вороны особенно агрессивны, когда учат своих воронят летать. В это время они нападают даже на человека.

Мне не раз приходилось видеть, как вороны охотятся за бельчатами. Заприметив скопление ворон, белка тут же спускается с дерева на землю. Вороны, рассевшись на ветках, начинают с разных сторон пикировать на белку, вынуждая её вновь залезть на одиноко стоящее лиственное дерево. Цель достигнута – белка на дереве. Воронье преследование с карканьем продолжается до тех пор, пока белка не окажется у вершины, где на ветках её уже тихо поджидают несколько ворон. Считай, дело сделано. Измотанной белке остается или сдаться, или сделать отчаянно рискованный прыжок с большой высоты в надежде зацепиться за ветку ближайшего дерева. Прыжок сделан, белка в полёте. Одна из поджидавших её ворон, взмахнув крыльями и расчётливо оттолкнувшись от ветки, камнем устремляется к ней и точным ударом мощного клюва сбивает белку. Та замертво падает на землю…. Однажды увидел на полянке среди высоких деревьев лежащего на боку бельчонка. Внешних повреждений у него не было. Что послужило причиной его гибели неизвестно.

С наступлением зимних холодов всё чаще можно увидеть белок, синичек и даже дятлов у кормушек, расставленных школьниками вдоль главной аллеи парка. Они же оформили красочные стенды об истории усадьбы, о флоре и фауне её парка. Частые посетители парка приносят для его обитателей различный корм: ломтики батона, сухарики, семечки, орехи, пшено, сало и оставляют всё это в кормушках. Вот к кормушке у звездчатой поляны подлетело несколько синичек и, не мешая друг другу, стали мирно склёвывать пшено. Через аллею перебежала белка и

тоже направилась к кормушке. С ветки деревца она спрыгнула в кормушку, синички посторонились, отойдя на край. Белке такое соседство не понравилось. Она стала издавать угрожающие цокающие звуки. Синички улетели, расселись на ветках ближайшей липы. Белка в одиночестве щелкала семечки не более минуты. Потом она по стволу деревца, стоявшего у кормушки, шустро спустилась на землю, перебежала аллею и скрылась в сучках большой ветви, лежавшей у вековой липы. От кормушки к этой ветви она бегала несколько раз, видимо там она хранила свои заготовки.

К кормушке подлетела большая птица, величиной с ворону, основная окраска её матово-черная, но верх головы малиново-красного цвета. Взяв мерзлую горбушку батона, и взлетев, она расчетливо, одним движением клюва вставила её в расщелину между веткой и стволом дерева. Устроив так свой стол, она стала долбить горбушку, как дятел. Когда приблизился к дереву, чтобы сфотографировать птицу, она, взмахнув крыльями, полетела вглубь парка. Её полёт напоминает катание на воздушных волнах: плавно вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз. Это был чёрный дятел – желна.

Чаще в парке можно встретить другого дятла с характерным чёрно-белым рисунком и красным подхвостьем. Это большой пёстрый дятел. Его размеры заметно меньше чем чёрного. Однажды большой пёстрый дятел – санитар парка увидел гнездо чужаков, в котором на яйцах сидела воробьиха. Воробьи в парке не живут, они кучкуются в городе, где посытнее. Но, когда приходит пора высиживать потомство, они прилетают на опушку парка вить свои гнезда. Подлетев к гнезду, дятел прогнал хозяйку и стал долбить и поедать лежавшие в нём яйца. Воробьиха видимо сообщила воробью о случившемся. И он, разъяренный творимым безобразием, подлетел к дятлу. Верезжа и отчаянно махая своими крылышками, воробей пытался клюнуть его в голову. Но дятла это не напугало, он тупо продолжал долбить гнездо и улетел только, когда закончил свое чёрное дело.

12. Нам вдвоём хорошо

Любить не буду!

Странное дело, жить всё труднее и труднее, а собак у людей в домах и на улице увеличивается. Лет 30 назад, когда заселяли этот одноподъездный девятиэтажный дом, ни у кого из новосёлов собак не было, двери квартир были – каркас обитый оргалитом. Теперь двери подъезда с домофоном, а квартир – металлические на 2-3-х замках, но от воров всё это не спасает. Не обворованы только те квартиры, в которых жильцы держат собак. Если идти по лестнице дома, то вас будет сопровождать собачий оркестр. Начинают дворняжка и метис с первого – второго этажа, выше – пару тактов делает долматин, но главная партия у брехучего овчара со следующего этажа, его тут же поддерживает сучка – овчарка, живущая выше. Дальше больше, включаются ротвейлер, стаффордшир, чау-чау и т. д. Чем шумнее на лестнице, тем громче и продолжительнее собачья какофония. Жильцы – молодые родители, больные пенсионеры, старухи – кошатницы возмущаются. Эти претензии во многом справедливы. У одних от собачьего гвалта просыпаются дети, с ними невозможно гулять во дворе из-за обилия собачьего кала, особенно, весной, у других повышается давление, у третьих – собаки душат кошек и котят, которые живут в подвале дома и которых они кормят у подъезда. Собачникам тоже нелегко, у них свои проблемы. Особенно у тех, которые держат больших, сторожевых и бойцовых собак. Им главное не столкнуться с кем-нибудь или друг с другом, когда они выходят со своими питомцами из лифта или из дома. Воспитывая своих собак, они сами не всегда ведут себя воспитанно, не считаются с окружающими людьми.

Вторую неделю дочь, придя из школы, молча, поест, закроется в своей комнате, сядет на тахту с книжкой и упрется в неё с сумрачным видом. Закралось беспокойство. Не случилось ли что! Обратил внимание жены. Попросил её поговорить, выяснить причины резкого изменения поведения дочери. Раньше она была всегда активной и общительной. Через пару дней жена сказала: «Не волнуйся, с ней всё в порядке!» – и уехала в командировку. В порядке, так в порядке. Слава Богу! Успокоился. Прошла ещё неделя. Сцена всё та же. Вид дочери серьёзно-сосредоточенный. Молчит. Движения быстрые, резковаты. Опять ушла в свою комнату. Опять сидит в углу, читает. Всё это очень не нравится.

Вечер. На кухне пью чай в одиночестве. В голове: «Что значит всё в порядке? Гулять не ходит. Подружки перестали заглядывать. Мальчишки не приходят за ответами по математике. Телевизор и тот не смотрит. Сидит, запершись в комнате. Всё книжки читает.

Какой же это порядок! Всему есть мера!» Прерывая размышления, из комнаты дочь громко зовет: «Папа,… иди сюда!» Без промедления встал перед ней. Она, молча, протянула раскрытую книгу. Взял в руки, посмотрел на обложку. «Собаководство». Книг о собаках в домашней библиотеке было несколько. Вопросительно посмотрел на раскрытые страницы. Фотографии собак с описанием пород. Дочь с серьёзным видом категорически: «Не купишь, любить не буду!». Надел очки и, разглядывая снимки, спросил: «Какую?» «Эту!» – привстав с тахты, она ткнула пальцем в фотографию. Подпись «Чау-чау». Внимательно читаю краткое описание породы. – «Такой породы собак не встречал! Может быть, они есть в СССР. Но, видимо, очень мало». – «Найди и купи». – «Я дам тебе адреса клубов собаководов. Сама позвони или съезди туда. Всё выясни. Потом будем решать. С мамой нужно посоветоваться!» Разговор закончился.

Почему дочери захотелось сейчас именно собаку? У неё уже была одна, «Белка». Её, метиса, среднего шпица, щенком купил на «Птичке» родственник и принёс в подарок, внучатой племяннице, когда ей было два года. Таких небольших пушистых собачек часто используют в цирке. Они очень сообразительные, хорошо поддаются дрессировке. В цирке показывают невероятные трюки, вызывая восхищение детей и взрослых. Щенку дали кличку «Белка» из-за её рыжего окраса, который имеют наши белки. На ней с дочерью оттачивали свои первые навыки дрессировки собак. Ученица, большая умница, быстро осваивала приёмы выполнения не только команд общей, но и служебной дрессировки. Её точёная мордочка с прямостоячими и направленными вперёд ушками, напоминала мальчишкам со двора, ровесников дочери, миниатюрную копию овчарки. Сидя с ней в кустах, они «охраняли дом от разбойников». Она служила у них пограничной собакой. Любила стаять на воротах, когда мальчишки играли в футбол; а на детской площадке кататься вместе с ними с горки, самостоятельно залазив на неё по ступенькам. Бабули, постоянно сидевшие у подъезда, прозвали «Белку» профессором. При встрече она, виляя хвостом, улыбалась, показывая им полный ряд своих сжатых белых зубов. Однажды поздней осенью дочь вернулась с улицы вся в слезах, держа «Белку» на руках. Шубка на ней была мокрая в грязи и снегу, сильно порванная. – «Что случилась? Почему в грязи и порвана шуба? Поставив собаку, она разрыдалась. Гуляла с ребятами и «Белкой» недалеко от дома в лесопарке. Откуда не возьмись, стая дворовых собак набросилась на «Белку». Дочь, упав, накрыла её собой. Ребята убежали. Собаки рвали шубу, но не покусали её собачку. После гибели всеми любимой «Белки», сбитой машиной на глазах жены, она заявила,

чтобы в доме собак больше не было. С тех пор прошло шесть лет.

Поискав и найдя другие книги о собаках, углубился в изучение, кто такой чау-чау. С книгами просидел допоздна. Спать лег озадаченным кучей вопросов. Почему эту породу? Где у нас можно хотя бы посмотреть на него живого? Сколько стоит, если он у нас редкость? Что скажет жена? Заснул с мыслью: «Утро вечера мудренее!». Два дня дочь занята интенсивным поиском и сбором информации, где и за сколько можно приобрести чау-чау. Результат неожиданный. Щенков чау-чау клубы продают по цене легковой машины. Очередь в МГОЛСе (Московское городское общество любителей собаководства) расписана на 10 лет вперёд. Вид у дочери трагический. Впору подключаться. Теперь надежда только на удачу, веря в народную мудрость: «Кто ищет, тот всегда найдёт!».

Фортуна улыбнулась. На руках продавца настоящий 2-х месячный чау-чау! Правда, не очень качественный. Но! Во-первых. Это «девочка», а с неё какой спрос! Это не кобель, это ему нужны все стати. Во-вторых. Пасть, дёсны, язык, количество зубов, прикус, в полном порядке. А это главное! «Окрас собаки будет рыжий, классический», – уверяет продавец. – Очень хорошо! – «Отец щенка – собака посланника итальянского посольства в Москве. Чистокровный английский чау-чау». Отлично! Англия отвечает в мире за стандарт этой породы.

Продавец – высокий, худой, нервный парень, 30 лет. Продает щенка вынужденно, срочно. Сейчас не до него. У парня родился третий ребенок. Живёт в тесноте. Брать или не брать? Это не вопрос. Брать! Вопрос в деньгах и… жене. Продавец, узнав, наши проблемы, предложил хороший вариант решения. Он берёт задаток. Если жена даст согласие на покупку, то нам надо будет расплатиться с ним в течение 2-х месяцев. Лучшего не придумать! Мы отдали задаток. «Ещё не было случая, чтобы, увидев такое очарование и подержав его на руках, кто-нибудь отказывался», – прощаясь, сказал парень. Счастливая дочь понесла домой щенка чау-чау по кличке «Ай-Ю».

Теперь надо обустроить его быт. Удалось найти и купить небольшую книжечку «Чау-Чау» на немецком языке. Засел за её перевод и изучение. В то время, в конце 1970-х годов, у нас не было специальной литературы по чау-чау. Некоторую информацию по кормлению, уходу и поведению чау-чау нашёл в нескольких заметках периодической печати. Стал их собирать, чтобы получить более полное представление об этой породе. Первые дни наблюдаем. Где щенок себе выберет место или места в квартире? Как часто и где писает? Что он предпочитает из корма и как часто ест? Где его кормить и поставить чашку с

водой? С обоюдного согласия щенка и нас все вопросы постепенно решаются. Так, чтобы в последующем принятый порядок не менять. Определились со временем и местом прогулок. Вдали от домов, на сухом и солнечном месте, чтобы избежать всякой заразы, особенно, чумки. Решили, кто с ним и как долго будет гулять. Неделя для дочери проходит в радостных хлопотах. Её не узнать. Одноклассники, мальчишки и девчонки, поджидают её, когда выйдет со щенком погулять. Неделя для мены проходит в тревожном ожидании предстоящего разговора с женой.

Звонок в дверь. Жена вернулась из командировки. Встречаем втроём! Щенок назойливо лезет к ней знакомиться. Пытается услужить, хватает её обувь. Реакции хозяйки никакой, будто бы его и нет. Ждём, что она скажет о новом члене семьи. Молчит. Может, устала с дороги! Молчит уже неделю. Мы с дочерью тоже молчим, боимся напороться на неприятный разговор. Ожидание реакции матери переходит в тревогу. То ли ещё будет! Прошла ещё неделя. Всё без перемен. Все заняты своими делами. В общих разговорах никто ничего не говорит о щенке. Вроде бы его и нет в доме. Щенок старается угодить, не лезет под ноги. Лежит в сторонке, так чтобы всех видеть. Все свои дела справляет только на улице. Проходит ещё неделя. Неопределенность начинает раздражать. Напряжение нарастает. Приближается срок расчёта с продавцом. Нужно принимать решение.

Вечер. Пора ложиться спать. «Иди, посидим, попьем чаю!» – зовёт жена на кухню. «Садись!» – говорит, пододвигая, чашку. Сел, пью чай. «Ты, что заначку от меня делаешь?» – вдруг без предисловий спросила жена. – «Нет!» «Ты, знаешь, сколько стоит эта собака?» – сказала она, показывая на щенка. – Знаю! – А откуда у тебя деньги взялись на щенка? – Я только отдал задаток! – Так ты ещё не расплатился! – Нет. – Щенок у нас больше месяца, а ты ещё не расплатился! Завтра же рассчитайся! Она погладила щенка и взяла его на руки.

Мы вдвоем легли спать. Слава Богу! Теперь можно всем расслабиться! Кто из нас мог тогда сказать, что 20 лет у нас будут собаки чау-чау: «Ай-Ю» и «Анука». Было всё, что бывает, когда в квартире собака. Больше того, когда их сразу две и куча щенят. Они дрались с сородичами, но, ни разу не укусили людей. Кусали хозяев, а они их кормили, ухаживали, гуляли, лечили, вместе играли и взрослые и дети. В трудные безденежные 1990-е годы они поддержали хозяев морально и материально. Их любили соседи дома и жители округи.

Материнство

Приближалось время, когда «Ануке» нужно было искать жениха. Знакомые «мальчики» у неё были, но все из других пород. В клубе сказали: «Мы ей дадим жениха! Но, если вы с кем-то договоритесь, сообщите нам, мы проверим. И если кобель действительно хорош, то возражать не будем». Обсуждая этот вопрос, дочь сказала: «Неделю назад я шла по улице Горького (теперь снова Тверская) и видела чау-чау, «мальчика». Он мне очень понравился. На всякий случай я взяла у его хозяйки, молодой женщины, их адрес. Они живут на ул. Неждановой». У меня тоже был адрес одного кобеля. С хозяином познакомился на московской выставке собак. Его чау-чау, красавец, получил в разряде юниоров первое место. Кроме отличных статей он выделялся ещё редким действительно красным сочным окрасом с жёлтыми очёсами. Договорились, что своих собак повяжем, когда подойдет время. Сообщил в клуб, что есть два варианта вязки нашей «Ануки». Оба кобеля там были хорошо известны и в клубе одобрили наши планы. Но предупредили, что кобель с ул. Неждановой уже в солидном возрасте, а второй по их сведениям ещё не развязан. Чтобы перестраховаться, на всякий случай, клуб выписал два направления на того и другого «мальчика». Позвонив, поставил их хозяев в известность. Те подтвердили согласие и оговорили свои условия оплаты.

Для хозяев «девочек» период до их случки волнительный. Во-первых, собаку нужно хорошо подготовить. Сделать все прививки, так как иммунитет матери передался детям. Больше с ней гулять, чтобы сбросила лишний вес и физически лучше себя чувствовала. Чау-чау из-за малой подвижности склонны к ожирению. Это может привести к затруднениям при родах и сказаться на количестве щенков. Во-вторых, точно определить сервис-период, то есть даты вязки, так как его продолжительность всего неделя. Лучше всех это делают дворовые кобели. Во всяком случае, с нашими собаками сбоев, прохолоста не было. Как только при их подходе сука не огрызаясь, фиксирует своё положение, её без промедления нужно вести на вязку. Срок у «Ануки» подошёл, на это нам указал дворовый пёс.

Поехали с ней к тому второму «мальчику», чемпиону с выставки, его надо развязывать. Все были на месте. Хозяева собак выполняли команды инструктора-вязчика. Можно начинать. Хозяин выпустил из соседней комнаты своего кобеля. А он, огрызнувшись на «Ануку» забился под стол, прижавшись к стене в углу. Хозяин, парень 30 лет, сконфужен, пытается вытащить

оттуда своего кобеля. Он без ошейника, ощетинился, огрызается, приходит в ярость, готов укусить. Сделали ещё две попытки. Нет, ничего не получается! «Мальчика» при виде суки «заклинивает», он становится трусливо-агрессивным. Стали выяснять, в чём дело. Оказалось, за неделю до этого к нему приводили не развязанную «девочку». Её хозяйка, 50-летняя дама очень хотела, чтобы воспитанница родила ей щеняточек. Начитавшись книжек, не посоветовавшись ни с кем из опытных собачников, она привела в первый раз не готовую к вязке, свою «девочку». Инструктору что? Ему деньги заплатили. Он попытался не развязанных «девочку» и «мальчика» насильно повязать. По сути «изнасиловать» обоих. Некоторые «вязчики» иногда так делают. Но, если чау-чау не хочет, то его и вчетвером не удержишь. «Девочка» вырвалась и очень сильно покусала настырного кобеля. Потом мы встречались с хозяином того «мальчика» на «Птичке». Он чуть ли не со слезами рассказал, что кобель «на дух девок не принимает», возил своего красавца по ветврачам. Безрезультатно, кобель, не вяжется, просто трагедия.

В тот же день позвонил хозяйке кобеля с ул. Неждановой. Договорились наших собак вязать завтра. Инструктор опытный, с этим кобелем неоднократно вязал. Приехали к дому в назначенный час. Дом уникальный, весь увешан мемориальными досками, здесь жили выдающиеся люди нашей страны. Позвонил у входной двери квартиры. За ней раздалось: «Подождите, пожалуйста, сейчас уведём кобеля!». Нас уже ждали. Дверь открылась, встретили две молодые женщины: хозяйка и инструктор. Инструктор, осмотрев «Ануку», взяла бразды правления в свои руки. Скомандовала хозяйке: «Выпускай!» «Как выпускай!» – говорю инструктору. «Мы же ещё «девочку» не подготовили!» Из соседней комнаты пулей вылетел красавец чау-чау и сразу к нашей «девочке». Она ему очень понравилась, стал ухаживать. Ему, с Тверской, из престижного дома у Моссовета, она ответила взаимностью. Хозяйка «мальчика» забеспокоилась. «Хватит, а то он перегорит и ничего не получится!» – сказала она молодой женщине, инструктору. «Дай на настоящую любовь посмотреть!» – ответила та. Насмотревшись, она сказала: «Уводи кобеля! Погуляй с ним на улице минут десять. Пусть остынет, а мы здесь всё приготовим». Вязка прошла успешно. «Мальчик» отдал невесте свою чашку первой попить воды. Повёл её по комнатам квартиры, «рассказывая», какие знаменитости в ней раньше жили. Вывел на небольшой балкон. Невеста легла в его углу немного отдохнуть. Он, не спуская с неё глаз, притулился у балконной двери.

Семь щенят: четырёх девочек и трёх мальчиков родила

«Анука» в этот раз. Для чау-чау такое количество щенков можно считать рекордным. Обычно их бывает 3–4, реже 5 и более. Чтобы они не расползались по комнате, сделали загон размером 2х1,5х0,35 м из деревянных брусков 5х5 см и сетки, которую используют в звероводстве. На пол постелили сложенное в два раза старое гобеленовое покрывало. «Анука» очень внимательно наблюдала, как её детей переносили в загон, проявляя сдержанное беспокойство. Как только их большая часть оказалась там, она без промедления перепрыгнула туда и легла. Вытянувшись поудобнее на боку, выставила для кормления щенков свои восемь сосков, ароматно пахнущих молоком. Вся пищавшая и хаотично ползавшая орава ещё слепых детей, наперегонки толкая друг друга, устремилась к матери. «Анука» окончательно успокоилась, когда раздалось дружное чмокание и сопение. Кормящая мать была довольна новым местом, дружной работой, крепнущих день ото дня детей. Молока у матери было достаточно. Каждую неделю щенков взвешивали. Родившись в среднем по 200 грамм, среднесуточные приросты массы повышались от недели к неделе от 50 до 100 грамм. Это свидетельствовало, что, щенки растут здоровые, развиваются нормально. К месячному возрасту, они весили до 4 кг. Девочки при рождении и через месяц по массе уступали мальчикам примерно на 25 процентов.

Наступил день, когда подросшим щенкам загон стал мал. «Анука» начала ложиться для кормления снаружи его, всем своим видом показывая, чтобы дети выходили из загона. С трудом, перелезая через стенку, они последовали за самым крупным щенком. Он никому не уступал самые молочные паховые соски. В каждое кормление за обладание ими шла ожесточённая борьба. Они не доставались девчонкам. Их приходилось специально подкладывать к этим соскам. Мальчики, сони, обычно опаздывали к началу кормления. Увидев, что их любимые соски заняты, они действовали решительно. Забравшись по животу матери наверх, они всей своей массой и силой лап, упёртых в тело, давили на головы сосущих девчонок до тех пор, пока те с визгом не отлетали. Или подползали под них снизу, головой и лапами отталкивая их.

Когда щенкам исполнилось полтора месяца, пригласили инструктора клуба по племенному делу. Увидев незнакомую тётку, «Анука» очень разволновалась за своих детей. Её увели в другую комнату, успокаивали, говорили, что её щенки лучше всех. Инструктор всесторонне осмотрел каждого. Проверил в первую очередь прикус. Для чау-чау перекус или недокус является недопустимыми. Все ли имеются зубы. Иногда отсутствуют 2–4

зуба, что считается нежелательным. Окрас пасти и дёсен должны быть по всей поверхности чёрным. Язык – фиолетовый; смотрят, нет ли розовых пятен. Если печень у щенка здоровая, то шерсть будет плотная, густая, блестящая. Печень у чау-чау слабое место, что нужно учитывать при их кормлении. У чау-чау шерсть прямостоячая по отношению к телу собаки. Если преобладает подшёрсток, то шерсть у взрослой собаки будет короче. Если больше остей, то перпендикулярность шерсти будет менее выражена. Шерсть длиннее у собак черного окраса. Не должно быть перхоти. Её наличие часто связано с заболеванием кожи. В зависимости от формы головы чау-чау бывают двух типов: медвежьего и львиного. Цвет мочки носа чёрный, глаза тёмные. Проверяют, нет ли заворота век, что вызывает слезотечение. Инструктор проверил постановку ног, особенно задних. У чау-чау единственной породы собак в коленном суставе задних ног должно быть не 6, как обычно, а 7 косточек. Поэтому они почти выпрямлены, а в движении напоминают хождение на ходулях. Хвост должен плотно прилегать к спине и т. д. В целом весь помет был очень хорош. Инструктор поставил татуировкой на животе у задних ног каждому щенку, не имеющему недопустимые пороки, клеймо – номер. Выписал шесть щенячьих карточек, где указаны родители и другие сведения, предусмотренные установленной формой. Один щенок был забракован.

Во время всей этой процедуры «Анука» находилась в соседней комнате. Лёжа у закрытой двери, она принюхивалась в щель у пола, ждала, когда уйдет та тётка, после которой начинают куда-то исчезать её щенки. Наконец-то дверь открыли и её выпустили. Она влетела в комнату, тут же, обнюхивая, пересчитала своих щенков. Все на месте. Вытерла сопли и слезы тому, которого забраковали и не дали «паспорт» – щенячью карточку, успокаивая, облизала его. Легла на бок, вытянувшись на середине комнаты. Все дети собрались около неё, она хотела покормить их, но молока к этому времени у неё уже почти не было. Мать «Ануки», «Ай-Ю», из прихожей, заглянула в комнату дочери убедиться, всё ли в порядке с внуками. «Анука» сердито посмотрела на мать. У неё сложились не простые отношения с ней. Мать всё время пыталась встрять, всё сделать по-своему. Один раз дошло даже до драки.

«Ануке» нужно было выйти на двор сделать свои дела. Хозяйка, взяв её на поводок, вывела на улицу недалеко от дома. В это время стали наводить порядок в загоне. «Ай-Ю» решила помочь дочери, вылизывала её щенков, своих внуков. Их было семь, поэтому мать очень уставала, тем более что она тщательно убирала за каждым, слизывая с пола их «писи – каки». Когда

«Анука» влетела в комнату и увидела «Ай-Ю» в загоне у своих щенков она пришла в ярость. Чтобы предотвратить кровопролитье при «детях», выставил ногу перед «Анукой», бросившуюся на мать. Четыре полутора сантиметровых клыка «прокомпостировали» ногу, вонзились выше колена. Упав, на мгновение потерял сознание. Когда открыл глаза, обе собаки мирно облизывали мне лицо.

Нужно что-то делать! Нет никакой гарантии, что такое не повторится с худшими последствиями. Решили «Ай-Ю» временно отвезти к нашей дочери. Когда об этом сообщили, она сказала: «А у нас живет крошечный котёнок. Мы подобрали у подъезда, кто-то его выбросил!» «Ай-Ю» всё же отвезли, она была мудрая собака. За долголетнюю свою жизнь никогда первая никого не тронула. От маленьких детей, которых притягивало к ней, она уходила при их приближении. Крошечный котёнок «Ричард», или просто «Ричи», обрадовался большой «маме», которая с ним играла. Больше того у «Ай-Ю» появилось молозиво, вроде молока. Им она стала кормить сироту и выкормила его. Потом, когда «Ричи» вырос, они были рады каждой новой встрече. Однажды, приехав к «Ричи» она его не увидела. Искала везде во всех комнатах, даже заглядывала под кровать и диван, но его нигде не было. Не было и на другой день, и на третий. Она даже собрала его игрушки в одно место. А вдруг объявится! Ей объяснили, что «Ричи» не слушался. Вылез в форточку на первом этаже, около подъезда что-то съел и умер. Она очень переживала за тех, кого любила.

Пятый «ребенок»

Приближались суббота и воскресенье – торговые дни для собачников. Решили снова взять девочку. Они расходятся труднее. Может быть, из-за некоторых неудобств во время течки у сук: резкого запаха, кровотечения. Трудностей при прогулках, когда приходится отбиваться от кобелей. Но надо сказать, что чау-чау опрятные собаки, и суки всегда себя и своё место в доме держат в исключительной чистоте.

Коммерческое счастье решили попытать на вернисаже у Измайловского парка. Приехали к 12 часам. Раньше нет смысла. Богатые в выходные дни спят долго. После завтрака появления первых из них можно ждать к часу дня. Выходят проветриться, себя показать, да на товар посмотреть, может быть себе что-нибудь прикупить. Вернисаж – место многолюдное, известное иностранным туристам и нашим «уездным купцам», прикормленным низкими ценами на импортный ширпотреб, пока пользующийся спросом у нищей России. Одно неудобство, изгаляется милиция. Она периодически появляется на прилегающей к вернисажу территории. Гоняет старух, стариков и других за торговлю в неразрешенном месте. Постоянные торговки приспособились, говорят: «А что с нас взять – то, продаем своё, за копейки! А вот стоять с дорогим и ходовым товаром опасно. За ним милиция охотится, может отобрать. Сами же за полцены продадут!». Но при повышенной бдительности рискнуть можно. Только не пропусти «волну» из разбегающихся торговцев, которая бывает при появлении милиции, как от камня, брошенного в воду.

Был чудный солнечный, безветренный день. Разместились у бойкого места, на лужайке с комфортом, на раскладном стуле под большим зонтом. Девочку начесали, надели шлейку. Привязали на всякий случай «от сглаза» красный шнурок на шею. Любопытствующих прохожих много, вопросов ещё больше. Но нашего покупателя нет и нет. Щенок, набегавшись на солнышке и устав от внимания посетителей вернисажа, идущих туда и сюда, задремал по травке под зонтом. От постоянной готовности свернуть торговлю при появлении милиции, наши нервы напряжены.

С 16 часов народ повалил с рынка. Безрезультатно прошел ещё час. Покупателей становилось всё меньше и меньше. Они уже не смотрят по сторонам. Устали. Им бы теперь только домой добраться. Закралась мысль: «Сегодня не повезло». Соседки, бабки – торговки, всячески выказывают нам искреннее

сочувствие.

Проходивший мимо парень вдруг резко повернул и, подойдя к щенку, как подкошенный рухнул на землю. Молодая женщина, с которой он шёл, стоя поодаль равнодушно смотрела в сторону. Парень встал на колени и спросил можно ли взять щенка на руки. Это делать не разрешается. «Можно!» – как исключение для хорошего человека. Парень сел на землю. Прижал щенка к себе. Стал гладить, целовать. Удерживая его, поставил на землю. Опять взял на руки. Снова прижал к себе, стал гладить и целовать.

Женщина не выдержала и подошла к парню. – «Гарик, пойдем!»

Гарик жену не слышал. Видно в мыслях он был где-то там, далеко, может быть в мечтах своего детства.

Жена присела на корточки. – «Гарик, пойдем домой!» «Давай купим!» – повернувшись в её сторону, сказал он.

Бабки-торговки, молча наблюдавшие эту сцену, услышав что, сказал парень, будто с цепи сорвались, наперебой стали расхваливать щенка.

«Давай купим!» – снова повторил он жене. По голосу можно было догадаться, он решение принял. «Гарик, хочешь я ещё рожу ребёнка», – умоляюще произнесла в ответ женщина. – Детей нам хватит.

– Сколько же у вас детей? «Четверо» – ответила женщина не старше 30-ти лет. Муж, поднимаясь с земли, полез в карман за деньгами. «Я могу родить и пятого,… и десятого», – уже не сопротивляясь, сказала она.

Щенка-девочку они купили. Отдал им сумку, в которой её привезли, документы. Взял у них адрес и телефон. Передал поводок. «Девочка» как будто поняла, что её продали. Не прощаясь, она побежала с новыми хозяевами. Вдогонку одна из торговок с добрыми глазами тихо напутствовало: «Будь счастлива!».

На следующий день я позвонил. «Дети в восторге от нового прибавления в семье. Спасибо!» – ответил в трубку женский голос.

Рыжие

Вечер. Сидим с женой за столом на кухне. Пьем чай. Обсуждаем события дня. «Из-за твоих объявлений весь день без умолка звонил телефон», – недовольно жалуется жена. – Кто звонил, что спрашивают? – Да всё дети! От их расспросов голова разболелась!

Вдруг в дверь позвонили. Пошёл открывать. На пороге симпатичная женщина с дочерью 13-ти лет. «Мы по объявлению!» – мило улыбаясь, сказала женщина, протягивая газету. – «Пожалуйста, проходите. Подождите немного на кухне. Я только собаку в другую комнату отведу. А то, как бы чего не случилось».

«Ой, какая прелесть!!!» – прошептала девочка, первой осторожно войдя с мамой в комнату. Обнюхивая, щенки со всех сторон обступили посетителей, предлагая себя. – «Мама! посмотри, какой этот хороший. Давай возьмем его!» – «Кто он, девочка или мальчик?» – спросила женщина, усаживаясь в кресло. – «Девочка! Мама, давай её купим! Мы же хотели девочку!» Присев на корточки, и повернув свою голову в сторону мамы, скороговоркой с немного манерной детской интонацией говорила её дочь.

После того, как прошло первое нервное возбуждение знакомства, и немного успокоившись, начался деловой разговор, который обычно бывает при покупке щенков. Кто папа, можно ли посмотреть маму, как кормить, содержать, ухаживать за щенком и т. д. Женщина сказала, что они давно мечтали завести собаку. Но против этого муж, не хочет категорически. Они приехали от него тайком. Она поинтересовалась, какой окрас будет у выбранной ими «девочки». Первоначально природным, как пишут историки чау-чау, был ярко-рыжего окраса, его даже называли «красной собакой». В процессе разведения окрас их стал разнообразнее. Появились рыжие, палевые, белые, черные и «голубые» чау-чау. С 1990-х годов можно встретить и с трехцветным окрасом – «цветных». Сказал, что если судить по щенячьему окрасу, то после линьки собака будет классическая, традиционно ярко-рыжая. Женщина поднялась из кресла. «Я рыжая, дочь моя рыжая и собака у нас тоже будет рыжая. Отлично! Берём!» – с восторгом произнесла покупательница. Девочка тут же взяла облюбованного щенка на руки, боясь, как бы он не затерялся среди других, не отходивших от неё.

Прошло больше шести месяцев. Позвонил женщине купившей щенка. «Все ли в порядке? Как муж принял щенка? Не дошло ли дело до развода, ведь в жизни и такое случается», – спросил

откровенно беспокоясь. – «В порядке, приезжайте, пожалуйста, сами всё увидите!»

Ну что ж поехал в Москву посмотреть. Встретил муж женщины. Нормальный мужик. Из всей семьи щенок больше всех любил его, дома постоянно рядом с ним. – «Мы с ним не разлей вода. Даже в туалет не даёт спокойно сходить, вышибает дверь. Зачем закрываешь! В этом квартале я родился, прожил 50 лет, но меня почти никто не знал. Из-за собаки, с которой я прогуливаюсь, стал популярным, теперь меня знает вся округа. И дочь приобрела много друзей».

Счастье «вверх ногами»

«Маша (Машенция)», имела клубную кличку. Но пользоваться в быту ей неудобно. Своих питомцев хозяева нередко зовут по-домашнему. «Машенция», маленькая, с хорошими пропорциями, была очень подвижна. Во время кормления постоянно ползала от соска к соску. Изо всех сил боролась за выживание. Более крупные собратья отпихивали её в первую очередь от разработанных с молоком сосков, с которыми не надо напрягаться.

С ней приехали на салтыковский рынок. Со щенками стоят, где продают цыплят, кур, козочек, кроликов, котят. Здесь же мужики-старьевщики предлагают разный утиль с мусорных свалок. Поначалу и мы встали тут. Вскоре поняли, этот угол рынка посещают самые бедные. Им такой щенок не по карману. Один из стариков-покупателей, узнав цену щенка, очень выразительно покрутил пальцем у своего виска, мол, с ума сошли.

Мы решили сменить место. Попросили у продавцов шуб, шапок из натурального меха, кожаных пальто и курток разрешения поторговать рядом с ними. Они охотно согласились. Одна из продавщиц, видимо, сама собачница, быстро выкроила на своем прилавке место для нашего щенка и яркой рекламы. Справедливо полагая, что очень пушистый, красивый, живой товар с черной пастью и оригинальным фиолетовым языком привлечет внимание состоятельных, богатых покупателей и к их товару. Народу в торговом ряду сразу заметно прибавилось. Образовалось даже небольшая толпа из любопытствующих посетителей. «Машенция» тоже не подкачала. Своим поведением хотела всем понравиться. Самым маленьким детям давала себя подержать, гладить, показывала язык, слизывала им подтаявшие кусочки мороженого, положенные на блюдце. Нам прибавилось работы, пришлось отвечать на массу вопросов, как детей, так и взрослых. Чаще спрашивали: «А почему у чау-чау язык фиолетовый?». Устав серьезно отвечать, сказал девочке лет десяти в шутку: «Потому, что у него язык как ластик. Им он стирает двойки в дневнике. Никто не заметит!». Немного подумав, она серьезно сказала: «Надо купить!». Стоявшая рядом её мама только улыбнулась. В другой раз, на ответ – шутку бабушка, сердито ответила. «Наш Вова – круглый отличник. Ему не нужна такая собака!». Взяв внука за руку, она тут же его увела.

Толпа периодически редела. В такие паузы продавец может осмотреться, что делается вокруг. Взгляд выхватил из проходивших двух женщин. То одна, то другая уже не раз

попадали в поле зрения. Медленно проходили с короткой остановкой у нашего прилавка. Решил понаблюдать за ними. Может быть, это потенциальные покупатели присматриваются к товару. Прислушиваются, какие вопросы задают, и какие ответы получают любопытствующие. Как они оценивают щенка. Так поступают опытные покупатели на рынке, где можно поторговаться. Они никогда не набрасываются на понравившийся товар. Справедливо полагая, что продавцы, психологи, видя заинтересованность, могут взвинтить цену. Особенно их настораживает, когда на прилавке нет ценника.

Редкий случай у прилавка нет никого. Но вот уже четвёртый раз проходит скромно одетая женщина. Поравнявшись с нами, она подошла и молча, стала снимать с пальцев обеих рук золотые кольца. Их было пять. Протягивая на ладони, она тихо, даже как-то жалобно произнесла: «Возьмите это, у меня нет денег, дайте мне щенка». В её глазах сквозило одиночество, подумалось, вероятно, она бездетна. Посочувствовав, женщине пришлось отказать. Опасно.

А вот идёт и та, вторая. Хорошо одетая, высокая довольно крупная, в возрасте женщина по всему видно работник торговой сети. Подошла не одна, с подругой. Наверное, пригласила для совета, ведь щенок стоит дорого. Сразу начала торговаться. Свою цену назвала в два раза ниже нашей. Ну, правильно, всю информацию она собрала раньше. В ответ получила категорическое «Нет». Тогда она предложила приемлемый хороший вариант: «Половину цены сейчас, а вторую отдаст через неделю у неё дома». Согласен, при условии, что щенячью карточку и ветеринарный паспорт с отметками о сделанных прививках она получит при окончательном расчёте. Сделка состоялась. Лицо покупательницы было не проницаемо, довольна ли она или нет, было непонятно.

Через неделю мы встретились у неё на даче. «Машенция», новые хозяева сохранили её прежнее прозвище, бывшего хозяина узнала. С восторгом, сбивая с ног и не давая пройти, она сломя голову носилась по обширной усадьбе. У дома за накрытым столом собрались покупательница, её сын с женой и старая мать. На их лицах была улыбка и умиление. Было видно «Маша» – подарок сыну на день рождения, пришлась ко двору. Когда все сели за стол, «Маша», улеглась у ног хозяйки на спину, вверх ногами. Что может быть выразительнее для демонстрации преданности и собачьего счастья.

«Бананщик»

С таким щенком, красавцем, не стыдно появиться на «Птичке». Там среди продавцов есть профессионалы высокого уровня. Некоторые из них держат большие питомники. Являются владельцами собак – чемпионов выставок, клубов, пород, России, других стран и мира. Есть, конечно, и проходимцы. А где их нет? Здесь можно купить щенка, который в добрых и умелых руках станет украшением любой выставки. Но могут под видом «бриллианта» всучить за большие деньги и подделку, от которой потом не знаешь, как избавиться. Некоторые покупатели потом нередко выбрасывают таких «породистых» на улицу. Одна из купивших у нас щенка успокоилась только, когда её питомец получил на выставке золотую медаль.

На «Птичку» приехали к 12 часам дня. Заняли свое место, где обычно торговали. Всё разложили и расставили. Попросил помогавшую в этот раз дочь пройтись по рынку. Узнать, кто из знакомых сегодня торгует, много ли хороших щенков чау-чау, какие на них цены, как идет торговля, есть ли спрос. Через полчаса она вернулась. Рассказала об обстановке и заключила: «Папа, сегодня на рынке наш щенок лучший». Вот это мне и надо было знать, чтобы не ошибиться в цене. К часу дня наступил разгар торговли. Народ всё прибывал и прибывал. Мимо к выходу с рынка прошёл покупатель с хорошим щенком чау-чау на руках. Оставив дочь за прилавком, пошёл за ним. Догнав, поинтересовался о цене, за которую тот купил щенка. Он ответил. Поблагодарив его, я одобрил покупку. Торговцы неохотно говорят своим конкурентам о реальной цене продажи. А знать надо, чтобы не завысить или не занизить её на свой товар.

Ждём покупателя. А вот и он! К нам подошла очень броско и дорого одетая парочка. Высокая красивая женщина лет 27-ми, блондинка с длинными распущенными волосами, одетая в короткое манто из белого песца и очень короткую чёрную юбку. Высокие сапоги-ботфорты обтягивают её красивые и без того длинные стройные ноги. С ней высокий крепкий мужик около 35 лет, одет явно не по сезону. Стояла середина осени, октябрь, было довольно зябко. Его тонкая рубашка почти до пупка расстегнута. На груди, густо заросшей медвежьей шерстью, лежит огромный золотой крест на цепи, висевшей на загорелой шее. Смотрел он поверх голов прохожих. Всем своим безразличным видом и отстраненным поведением от происходящего вокруг демонстрировал, что сюда «на помойку» попал случайно. Вообще ему некогда.

Женщине щенок очень понравился. Он смотрелся как дорогая игрушка – медвежонок густо-серого окраса, блестел, будто выкрашенный серебрянкой по кончикам шерстки. Короткий широкий черный нос с красивой формой мясистых брыл. Мощная голова, покрытая ровной высокой и густой шерстью, как и всё тело. На ногах светлые очёсы, хвост пушистый. Один недостаток, быстро вырастет. Женщина поинтересовалась о цене. Показал на ценник, стоявший рядом со щенком. «Ой, дорого!» – непроизвольно вскликнула она. – «А дешевле нельзя?» – «Походите по рынку, сходите вон туда, туда и туда. Может, там найдете. Но я уверен, вы вернетесь!» Её мужик отошел уже метров на пять. «Он дал мне на все про всё полчаса!» – задержавшись и наклонясь в нашу сторону, негромко сказала женщина. Нехотя и медленно она пошла дальше.

Она вернулась минут через десять. Открыла свою сумочку и, достав 400 долларов, протянула мне. Я молчал, не беря деньги. «У меня больше нет», – сказала она. Я продолжал молчать, и посмотрел на её мужика. Медленно повернувшись в его сторону, она неуверенно спросила: «У тебя есть?». – «Нет», – тихо еле заметно смутившись, ответил он и сделал шаг в сторону выхода с рынка. Легкая растерянность появилась в красивых глазах женщины. Было видно, что ей очень хочется именно сейчас купить этого щенка. Её стало жалко. – «Вы можете остальную сумму отдать позже. Если вас устроит, в течение месяца. При окончательном расчёте передам вам документы на щенка». «Я вам очень благодарна!» – сказала она, протягивая 400 долларов и бумажку со своим адресом. Прикрыв щенка полой песцового манто и прижав его к груди, она пошла за мужиком.

Через неделю мы созвонились. Она пригласила к себе домой в Перово, расплатиться. Жила она в «хрущевке», в однокомнатной квартире, одна. Пригласив в комнату, посередине которой стояла большая тахта, занимавшая почти всё пространство, женщина уютно уселась с ногами на неё в углу, положив по бокам себя подушки. Щенок тут же прыгнул за ней и лег у её ног. Его поза, законно занимающего это место, выражала: «Вдвоем нам очень хорошо и никого не надо». Глаза под бровями-«домиками» внимательно смотрели на меня.

Прошло несколько месяцев. Заводчик, профессионально занимающийся разведением, всегда интересуется, какими стали щенки, полученные от его собак. Бывает по экстерьеру кобель очень хороший, но как производитель, по отношению к той или иной суке он может дать не качественное потомство. Через некоторое время мы снова встретились. Купленный ей щенок развивался нормально, выглядел прекрасно. Спросил, а как она

его называет. – Бананщик! Улыбнулся. Вспомнил разговор с ней на рынке. – «А чем его кормить?» – спросила она тогда. – «Чау-чау ест всё. Чем разнообразнее пища, тем лучше. Вообще-то он вегетарианец». – «Я люблю бананы. Он будет их есть?» – Будет! Ест, всё от чего пахнет мясом. Обмакните банан в мясной бульон и дайте. Сначала немножко, постепенно увеличивая до целого.

«Когда я прихожу домой, он не отстает пока не получит банан!» – продолжила она. Увидев мою улыбку, она взяла из вазы три банана и, очистив один, дала щенку. Бананы были сладкие.

Ему не повезло

Оставив дочь за прилавком, взял щенка на руки и пошёл с ним по рынку размяться, потолкаться среди посетителей, «себя показать, других посмотреть». А вот и знакомое лицо, Алла. Давно не виделись. Разговорились о том, как идут дела, конечно, и о собаках. Она держит в пригороде Москвы большой питомник, чау-чау её любимцы. В среде владельцев собак этой породы, её уважали, она авторитет и в общении приятный, доброжелательный человек. К её советам как специалиста – профессионала, все прислушивались, а рекомендации ценили. В то время её чау-чау были лучшими у нас в стране. Однажды мне повезло, довелось целый день наблюдать, как она работала в своём питомнике. Одна без помощников с двумя десятками собак, всё по часам, ни минуты покоя, все разговоры на ходу!

Во время нашего разговора, проходившая мимо женщина спросила: «Можно посмотреть щенка?» – «Конечно можно!» Попрощавшись с Аллой, повернулся в сторону покупательницы. Высокая плотного телосложения женщина чуть старше сорока лет с девочкой-подростком молча смотрели на щенка. Выражение лиц у них было, будто они решали какую-то задачу. При этом ответ матери явно не устраивал дочь, но она покорно вынужденно стояла рядом с недовольным лицом, выражавшим: «Зачем ты меня сюда привела!»

Женщина попросила показать щенка; разглядывала его со всех сторон, оценивая, как кусок мяса на рынке. Молча провела рукой по животу и паху щенка. «Грыжи нет», сказал, наблюдая за её реакцией. – «Дайте мне ваш адрес, мы ещё подумаем». Получив визитную карточку, они ушли. За день ещё несколько человек попросили адрес, что обнадёживало.

Вечером дома жена спросила: «Как дела?» – «Как у рыбака – клюёт, но не ловится!» Позвонили. Дверь открыла жена. «К тебе пришли!» – зовёт она. – «Добрый вечер! Мы к вам, решили купить! Можно пройти?» В дверях стояла та женщина, которая проверяла, нет ли у щенка грыжи. – Проходите!

– «Ой, сколько!» – воскликнула она, когда вошла в комнату. – «Вот этого мы видели на рынке?» – показала она после короткой паузы на одного из щенков. – «Нет. Там был другой. Вот этот!» – «Нет, этот!» – настаивала женщина. – «Я его хорошо запомнила!» – «Щенок, на которого вы показываете, стоит дороже!» – «Вы меня обманываете!»

Чтобы прекратить неприятные препирательства, спросил: «Почему с вами не пришла дочь?» – «Она не хочет щенка, она

хочет летом поехать за границу, а у меня нет времени, чтобы с ней туда ехать!» – «Кем вы работаете?». – «Я – хирург, врач – гинеколог, хоть из больницы не уходи столько работы, особенно, весной и летом!» Неприятное впечатление об этой женщине усилилось, как только представил её нерусскую в белом халате с окровавленными руками, стоящей перед распластанными нашими девчонками. – «Забирайте, того, кто вам понравился». С видом сделавшей одолжение, оставив свой адрес, она забрала лучшего щенка и ушла. Вечер был испорчен, жена ругала, зачем отдал. Была права. Видимо сказалась усталость: основная работа, две собаки, куча щенков, каждые выходные дни на рынке. Устал.

Прошло два года, а этот случай не выходил из головы. Совесть мучила, ведь отдал живое существо, кому – «мяснику». Позвонил его хозяевам, договорились, что посмотрю собаку во время прогулки. Приехал в назначенное время. Иду по улице, решил уточнить номер дома, где жили хозяева собаки и у которого договорились встретиться. Достав бумажку с адресом, обнаружил, что номер дома написан неразборчиво то ли 13, то ли 18, или 15, или 16. Всё понятно, писал врач! Их каракули на рецептах нам всем хорошо известны. Пошёл искать таксофон, чтобы позвонить и уточнить номер дома. Нашел три, и все не работающие. О мобильных сотовых телефонах тогда в нашей стране и представления не имели. Решил пройти по улице у домов с номерами 13, 15, 16, 18 и посмотреть, может, ждут у какого-то подъезда. Будний день, район спальный, многоподъездные дома вытянулись вдоль улицы, время обеденных перерывов, пустынно и спросить то не у кого. Наконец у одного из подъездов третьего дома увидел сидящую на лавочке бабулю. Подойдя к ней, спросил: «Не видели ли здесь рыжую собаку похожую на львенка, чау-чау?». – «В соседнем подъезде живет, хорошая собачка!» Обрадовался что нашёл. Посмотрел на часы. О! Прошло более часа, как приехал, опоздал. Решил присесть, расспросить о собаке. Бабуля оказалась словоохотливой.

– «Собачка-то хорошая, смирная, да хозяева плохие! Хозяйка или её дочь выйдут с ней из подъезда, походят около него минут десять и уводят домой. Хозяин, правда, иногда гуляет с собакой вон там». Она показала на небольшую березовую рощицу, видневшуюся между домами. – «Собака красивая, но неухоженная в колтунах, спина голая, они её чем-то мажут, видать больная!» Поблагодарив и попрощавшись с наблюдательной бабулей, решил зайти к хозяевам, может быть, кто-то есть дома и самому посмотреть состояние собаки.

Повезло. Дверь квартиры открыл мужичонка лет пятидесяти,

невысокого роста, худощавый, с лицом постоянно недовольного инженера. Не поздоровавшись, пригласил на кухню, собака сидела здесь. Она даже не среагировала на появление чужого, глаза потухшие, по вялому внешнему виду – пришибленное существо, которому всё безразлично. Создалось впечатление, что в этой малогабаритной однокомнатной квартире, хозяин и собака живут на кухне. Я спросил о собаке, а он начал ругать жену. Говорил он долго, раздраженно, как будто мы были знакомы много лет. О том, что собака никому здесь не нужна, квартира запущена, дочь своевольная и без присмотра, жена всё время на работе, зарабатывает и копит деньги, чтобы уехать с ней из Союза.

Когда хозяин выговорился, снова спросил его о собаке. «Собака хорошая, посмотрите какая красивая голова!», несколько успокоившись, сказал он. Но за ней нужен уход, а я тоже занят. Он показал на маленький обеденный стол, заваленный его бумагами. – «Вот посмотрите, что с ней!» Подойдя к собаке, он попросил её встать. С виноватым видом она поднялась с пола. Бабуля была права, но она не всё увидела своими старыми глазами. А вид собаки был ужасный.

«Что с ней?», спросил хозяин. «По внешнему виду у неё или очень больная печень, или подкожные клещи, а вероятно то и другое вместе, вдобавок блохи. Вы чем её лечите?» Он назвал мазь. Я с улыбкой сказал, что этой мазью в 1-ю мировую войну раненых солдат лечили. – «Нужно срочно показать собаку квалифицированным ветврачам, сделать анализы! Она же очень мучается! Глядя на неё, и вам должно быть неприятно».

Я ушёл, ругая себя, что отдал тогда щенка-красавца этой женщине и думал вот как бывает, когда никто никого не любит, даже себя.

Смерть «Боевика»

Среди собратьев он был лучшим. Не хотелось с красавцем расставаться. Тянул с продажей, даже прятал его, когда покупатели приходили на квартиру. На рынок повел 3-х месячным. На «Птичке» уже в течение нескольких недель безуспешно пытался его продать. Худшие расходились без проблем, а этот как назло, «по закону подлости», не продавался.

Он родился самым крупным. При родах появиться на свет не торопился, шёл последним. Среди собратьев всегда держался особняком. Сядет или ляжет, где-нибудь в стороне, соберёт складки на своей большой темно-серой голове, и всё думает о чем-то своём. Оживлялся, когда между собратьями назревала драка. Если встревал, то доставалось всем. Больше всех он не любил одну сестру. Она писала всегда на середине комнаты. Выйдет, сядет и надует огромную лужу. От такого безобразия он приходил в ярость. Срывался со своего места и ударом мощных лап сбивал её. Переворачивая на спину, изо всех сил кусал за пах, окунал и полоскал девчонку в её луже. Она орала что есть мочи. Приходилось его оттаскивать. За такую агрессивность прозвал «Боевиком». «Не называй «Боевиком», а то, никто не купит» – говорила жена. Как в воду смотрела!

В этот раз решил попытаться продать его у ВДНХа. В своё время здесь была прекрасная выставка достижений нашего народа. Теперь базар, павильоны стоят, как девочки Тверской, смазливые снаружи, внутри дешёвка, соблазняющая не очень денежных людей. Разместились в скверике у дороги, ведущей от метро к центральному входу ВДНХа. «Напёрсточники» справа и слева от нас не возражали. Даже поиграли со щенком как вполне нормальные дети. Взяли под своё покровительство. Стой, будешь привлекать! Меня такое соседство не устраивало. Но, если они открыто орудуют, значит, здесь милиции не будет. А это главное! Она появлялась в течение дня три-четыре раза, подъезжая на белом «Форде». Но подходил один из «напёрсточников» к открытому окну машины и милиционеры, сидевшие в ней тут же каждый раз уезжали. Поэтому целый день стоял спокойно, не «дёргался». Только было больно наблюдать, как в течение дня очень много людей по глупости расставались со своей зарплатой, пенсией, деньгами, отложенными для покупки дорогих вещей, машин, добровольно отдавая их мошенникам. Особенно было обидно за полковника, которого они обокрали дочиста. Когда он понял, что «лох», потерял сознание. Мошенников как ветром сдуло. Бросив всё, они тут же уехали на машине, постоянно

находившейся заведенной и стоявшей неподалеку. Полковника увезла вызванная кем – то скорая помощь. «Напёрсточники» вернулись на своё место через час. Видно, дураки и мошенники – кровные братья, вечные спутники пока существует людская глупость – «задёшево – нажиться».

Был ясный солнечный февральский день с легким морозцем. Накануне выпал обильный снег, огромными шапками укутавший ветки деревьев сквера. Чау-чау похожий на маленького медвежонка-львёнка бегающий на поводке и купающийся в чистом снегу, смотрелся великолепно. Собачников, подходило много. Особенно любопытствующих людей, из провинции приехавших за покупками на ВДНХа. К щенку дети тащили свих родителей, показать им какой он хороший.

«Какой национальности?», неожиданно спросил, приостановившись на секунду, старший лейтенант, одетый в камуфляжную форму, и спешивший видимо за покупками. – Боевик! «И тут чеченцы!» – уходя чуть ли не бегом, раздражённо произнес лейтенант, резко отмахнувшись рукой. Подумал, контужен, шутки не понимает, видимо, только с гор спустился. В то время о боевиках говорили все. На Кавказе они выпускали дурную кровь из федеральной армии.

Подошла молодая пара, симпатичная стройная невысокого роста девушка и долговязый парень. «Мальчик или девочка?» – спросил он. «Револьверный! С двумя патронами и номером на кобуре», – сказал, устав отвечать на такие вопросы. Лицо парня вытянулось. Он не понял шутки. Обычно так о поле щенка спрашивают женщины. Свой вопрос он повторил снова. – «С пистолетом!» Его лицо ещё больше вытянулось и приняло глуповатый вид. Повернувшись к девушке, он как двоечник мимикой на лице попросил школьную отличницу подсказать, что бы это значило. Она, увидев мою реакцию, с раздражением сказала ему: «Дома я тебе покажу, где у кобеля пистолет и сколько у него патронов!».

Подошла женщина пожилого возраста одетая скромно и спросила: «У кого такая собака?». – У английских аристократов, старых евреев и новых русских. Опустив голову, она как бы себе сказала: «Я не аристократка, не еврейка и не новая русская. Это не моя собака!» – и пошла дальше.

Набегавшись, устав, щенок подошёл ко мне. Поел мелко нарезанного мяса, и попросился на руки немножко подремать. Нет, не замёрз. За проведенных на небольшом морозе полдня, он чувствовал себя хорошо. У чау-чау очень длинная, прямостоячая и густая шерсть. Она позволяет ему находится на улице длительное время при отрицательной температуре до 30 градусов. Но когда

дождичек, или под ногами лужи он идет неохотно, только по крайней нужде. Носиться в облаке земляной пыли и по песку – это он любит. Если лежащего чау-чау зимой завалить до головы снегом, он будет под ним лежать с удовольствием.

Начало смеркаться. На часах 16 часов. Прохожих уже почти нет. «Наперсточники» ушли, собрав дневную дань с дураков. Без них стало легче дышать. Решил ещё немного постоять, минут через 15–20 надо будет собираться домой. Вдруг неожиданно за спиной женский голос произнёс: «Петя, …посмотри!». Обернулся. «Ведь это чау-чау, да?!» – спросила женщина, одетая по-домашнему, будто вышла на улицу прогуляться недалеко с мужем. – Да! – Ой, какой хорошенький! Мальчик или девочка? – Мальчик. Возгласы женщины «Ой!» и «Ай!» продолжались минуты три.

Её муж стоял рядом равнодушно, не принимая участия в завязавшемся разговоре. «Петь, давай купим?» – обращаясь к нему, вдруг сказала она. – Ты, зачем сюда (на ВДНХа) пришла? – Стиральную машину купить! «Ну и что?» – продолжал муж. «Нет той, которую я хотела!» – ответила она и продолжила задавать различные вопросы о собаках этой породы. Так в разговоре прошло не менее получаса. «Петь, давай купим!» – снова сказала она, решив, что ответов достаточно, чтобы убедить мужа. «Ты, зачем сюда пришла?» – невозмутимо повторил он свой прежний вопрос. «Стиральную машину купить!» – в унисон ему ответила она.

Расспросы о содержание, кормление, повадке, воспитании, прививках продолжились ещё полчаса. Стало совсем темно, холоднее. Почувствовал, что сильно промерзаю. Всё хватит, пора домой. Щенка жалко. Умница! Весь день вёл себя превосходно. – «Петя, ну возьми его на руки!» Он нехотя подошёл. Щенка взял как молодой папа своего первенца в роддоме, держа его почти на вытянутых руках. «Петя, ну повернись ко мне!» – попросила жена. Он медленно развернулся в её сторону. «Петь, он же на тебя похож! Всё, берем!» – тут же воскликнула она. Взяв щенка на руки и пытаясь его запихнуть под полу меховой куртки, она, решительно не оглядываясь, пошла к метро.

Петя, молча, помогал мне собрать вещи. Догнали мы её у входа в метро. Предложил зайти в него и там, в тепле, рассчитаться. Женщина сказала, что столько денег у них с собой нет. Предложила пройти к ним домой и там отдаст деньги. «Мы живём здесь рядом. Вон там!» – показала она рукой на дом у гостиницы «Космос».

По подземному переходу мы вышли на противоположную сторону проспекта Мира и направились к дому. Пока шли,

женщина вслух мечтала. Как она утрёт нос соседу, живущему над ними, известному артисту, у которого есть чау-чау. Как будет ездить со щенком на трамвае в Останкино, где в парке у озера есть собачья площадка. Как будет дрессировать своего питомца, чтобы он её охранял. В этой связи сказал новой хозяйке, что среди собратьев купленный ими щенок настоящий «боевик». У него крутой нрав и агрессивности больше чем нужно. Он только с виду добродушный увалень. Охранять любимого хозяина будет и без дрессировки. Это заложено в чау-чау природой. Если он пошёл в атаку, то никакая команда его уже не остановит, хоть оборись. Поэтому некоторые считают чау-чау не дрессируемой собакой. Правда, ему далеко до овчарки. Но при правильной дрессировке команды общего курса он выполняет хорошо. Только не надо на него кричать и торопить, тем более ругать. Он себя уважает, ему нужен запас времени, чтобы «до него дошло, что вы от него хотите».

За разговором подошли к дому, увешанному мемориальными досками. Миновав арку, попали на большой двор. «А вот и наш подъезд», сказала новая хозяйка. Поднялись в квартиру и только, войдя в неё, она опустила тяжёлого щенка с рук. Мы познакомились поближе. Щенка купила семья московских интеллигентов. Муж хозяйки – заслуженный деятель науки, доктор, профессор, 65 лет, ещё работал. Его жена, научный работник со степенью, около 60 лет, выглядела моложаво, крепкая, подвижная, скучающая пенсионерка. Жили они вдвоем в квартире площадью около 60-ти метров. Большая комната – кабинет хозяина, по стенам книжные шкафы до потолка, у окна большой красивый письменный стол с креслом. Большой кожаный диван был его кроватью, на нём он спал. На потолке строгая люстра, пол паркетный. Вторая меньшая комната – спальня хозяйки с большой кроватью. «Вот здесь он будет спать!» – подойдя к своей кровати, указала она место на полу у изголовья. Дал последние советы. Обменялись телефонами и адресами. Уходя, обнял на прощание своего любимца.

Встретились вновь, когда щенку исполнилось 6 месяцев. Он терпеливо позволил себя обмерить. Мне показалось, что он меня узнал. Поверив в это, попытался его поцеловать в щеку. Моя голова оказалась в его пасти. Прижал клыками аккуратно, оставив только пару царапин. Дал понять, что с любимым хозяином он определился!

Иногда звонил хозяйке «Боевика». Интересовался, как развивается и ведёт себя щенок. Она отвечала, что всё хорошо. Что её щенок лучше, чем у известного артиста этажом выше. С восторгом говорила, как при их появлении жильцы дома

немедленно уводят со двора своих собак. «Боевик» всех дерёт. Что на выставке клуба, в который они записались, он получил оценку «отлично» и золотую медаль. Прошёл год. На «Птичке» одна из бывших покупательниц с восхищением рассказала нам о красавце «Боевике». Она видела его на одной из выставок. Там он получил ещё одну золотую медаль и оценку «Бест» – лучший.

Однажды зазвонил телефон. Подняв трубку, услышал взволнованный голос хозяйки «Боевика». – «У нас беда. Собака сильно покусала мужа. Он в больнице. Я не знаю, что мне делать. Очень прошу, помогите пристроить собаку!» Из разговора выяснилось, что до этого уже четыре раза собака кусала её мужа. Теперь всё было серьёзнее. Муж работал дома допоздна. Почувствовал себя плохо, был сердечником. Раздевшись, прилёг на диване у себя в кабинете. Полежав, он решил принять лекарство, выпить таблетки. Встав и включив свет в прихожей, зашёл в комнату жены. Она спала. Чтобы её не тревожить, он, не включил свет. Осторожно открыл аптечку, которая висела здесь и, в полу потёмках стал искать свои таблетки. Долго не мог найти.

«Боевик», охраняя покой любимой хозяйки, встал с места у изголовья и бросился, укусив за ногу мужа. Он начал отмахиваться. Проснувшаяся жена еле увела пса, выполнившего, как учили свой долг. Мужа потерявшего сознание забрала скорая помощь. Посочувствовав хозяйке, пообещал помочь пристроить пса. Профессиональные собаководы, кому звонил, отказались его брать. У всех свои собаки, а эта уже взрослая и очень агрессивная. Любителям, желающим, сам не отдал, чтобы ещё не было беды. Позвонил в питомник собак дивизии им. Дзержинского. Там сказали, привозите, постараемся пристроить. Созвонился с хозяйкой, она запросила деньги. Повесил трубку. Через некоторое время узнал, «Боевика» усыпили.

«Командир» с пистолетом

Раннее утро. С «Анукой» идем своей дорогой. Для ежедневных прогулок утром и вечером у нас было несколько маршрутов. В зависимости от погодных условий общей протяженностью от 6 до 10 километров. Прогулки – залог её здоровья и долголетия. Она прожила 14 лет. Для чау-чау столько лет жизни много.

Идём по лесной дороге. Собака на длинном поводке. С него спускал только, когда кругом никого не было и далеко видно. Метрах в ста появился мужик. Идём навстречу. До нас уже метров 25. По неуверенной походке, напряженной фигуре и глазам видно, мужик боится собаки. Подумал, может быть, такую породу он видит впервые. Взял собаку на короткий поводок, чтобы он не волновался и шёл спокойно. Мы сближались.

«Уберите собаку!» – закричал он. Перевёл собаку слева от себя направо. Отошёл с ней к обочине, давая возможность ему безопасно пройти. Ещё укоротил поводок, взяв его крепче. У людей: трусливых, сидевших в тюрьме, кого собаки уже кусали, боящихся их, раздражительных, содержание адреналина в крови повышается при виде любой собаки. Чау-чау адреналин, фермент страха, у животных и человека чует далеко, за десятки метров. Чует, даже когда человек внешне скрывает страх и вроде бы держится спокойно. По поведению чау-чау таких людей можно легко определить. Обычно он молча ударит их носом в ногу, а агрессивный может и укусить за неё. Кусают они за область ахиллесова сухожилия. Это их отличительная особенность.

Нападает чау-чау с близкого расстояния. Из засады. В схватке он из-за своего небольшого размера пытается в первую очередь обезножить жертву. Чтобы этого добиться идёт на беспрецедентную хитрость. Подставляет свою холку – самое уязвимое место животных. Он провоцирует противника на укус сюда. Но у чау-чау холка защищена большой и густой гривой. Поэтому укус противника получается ложный. Этого достаточно, чтобы чау-чау сделал решительный бросок под брюхо, и схватил за дальнюю от себя заднюю ногу противника. При удачном захвате он мгновенно тянет её на себя. Вставая на мощные передние ноги, он переворачивает своим корпусом жертву на спину. Такой приём используют борцы. Если и это ему удается, тут же следует мгновенный перехват в область шеи, и он рвёт жертву своими мощными клыками. После чего она прекращает сопротивление.

Поравнялись с мужиком. Ему лет под 40. Очень напряжён.

Лицо злое в испарине. Проходя мимо, он попытался пнуть ногой собаку. Остановился примерно в 4 метрах позади нас. Начал громко ругаться матом, жестикулировать и кричать. «Анука» дернулась к нему защищать хозяина и себя. Резко одёрнув, удержал её. Сказал, что думал о ситуации. Он, в ярости закричал, чтобы здесь нас больше не видел, а то пристрелит собаку. Мы пошли каждый своей дорогой.

Прошло несколько дней. Утро. Прогуливаемся как обычно вдвоем в своём месте. Вокруг никого нет. Спускаю с поводка собаку. Иду по тропе. «Анука» на значительном удалении гуляет в поле. Гоняется за полевыми мышами, обнюхивает кротовины. Из леса вышел мужик. Издали мы узнали друг друга. Он, видя меня без собаки, начал глазами беспокойно её искать, замедляя свой шаг. Оцениваю ситуацию, как поступить. Решаю, где перехватить собаку, если она побежит в его сторону. Дело в том, что чау-чау злопамятны, своих обидчиков они помнят, и обиды им не прощают.

В возрасте шести месяцев «Анука» с гавканьем бросилась на мужика – родственника ростом 185 см и весом 130 кг, когда он вошёл к нам в квартиру. Считая себя собачником, он ногой с беззлобной небрежностью отшвырнул шести месячного щенка в дальний угол прихожей и прошёл на кухню. От такого бесцеремонного обращения «Анука пришла в ярость, её закрыли в другой комнате. Уже, будучи взрослой, она только ему из наших гостей не позволяла передвигаться по квартире. Ложилась вдоль дверного проёма и пресекала предупреждающим рыком, вставая в агрессивную позу, любые его попытки подняться со стула, кресла или сделать резкое движение рукой.

Мужик, увидев собаку в поле, остановился. Поспешил к нему. «Анука» заметила обидчика. Направилась в его сторону, постепенно перешла на бег. Прошло несколько секунд, и мы уже бежали оба. До мужика в куртке милиционера, остается метров десять. Из кармана он вытащил свою правую руку, сделал движение к поясу за спину. Судорожно соображаю, что делать, если у него там действительно пистолет. В пяти метрах от мужика догнал собаку. Взял на короткий поводок.

Мужик из-за спины вытащил руку. В ней пистолет. Подняв «Ануку» на руки, и прижав к груди, мы прошли мимо. Бледный прапорщик с пистолетом в опущенной руке, молча, стоял на месте. Месяца два на тропе мы его не встречали. Через своих знакомых узнал кто он. Оказалось, работает в милиции охранником КПЗ. Прошло несколько месяцев. Как-то зайдя на рынок, увидел его за прилавком, торговал овощами. Выглядел нормально, по всему было видно здесь его место.

Инсульт

«Делай что хочешь, но с двумя собаками я одна не останусь!» – сказала жена, узнав, что в ближайшее время мне предстоит уехать в длительную командировку. «Я плохо себя чувствую», – добавила она.

Что делать? Приобретая домашних животных: щенка, котенка, рыбок, птичек и т. п. часто не задумываемся, а куда их пристроить, если придется на время уехать, например, в отпуск или по другим обстоятельствам.

Позвонил ближайшему родственнику, молодому парню, любителю животный, который умел обращаться с собаками. Жил он вдвоем с женой в двухкомнатной квартире. По телефону объяснил ситуацию. Ответ был прямо сказать неожиданный. – «Нет! Ты на собаках «бабки» делаешь, а я с ними должен сидеть!» Позвонил другому. Ответ тоже отрицательный. – «Собаки дорогие, не дай Бог что случится, мне придется отвечать! Нет!»

Позвонил знакомому Виктору, которого знал много лет. У него почти постоянно были собаки, одна – две, самых разных пород от кавказских овчарок до левреток и метисы. Их брошенных, бездомных, часто очень больных он подбирал с улицы. Корм для них он доставал из разных источников: на рынках – «мясо и овощи», отбросы, давали торговцы; у предпринимателей – брак пельменного и мясного производства, в магазинах – списанные, просроченные, продукты. Иногда удавалось получить что-нибудь из корма и в московских приютах для бездомных собак. Проявляя чудеса ветеринарного мастерства, не считаясь со временем, тратя свои скромные денежные средства на приобретение нужных лекарств, он выхаживал этих собак. А потом пристраивал их. С ними его можно было увидеть на «Птичке», у входа в метро или на бойком месте у подземных переходов, где отдавал вылеченных и ухоженных им собак за символическую цену в хорошие руки. Узнав, повод, по которому ему звонил, он ответил: «С удовольствием бы помог, но у меня самого сейчас две собаки: овчарка и чау-чау в плохом состоянии. Чау очень больной, прежний хозяин его почти не кормил, держал на кухне постоянно привязанным к отопительной батарее».

В те годы не было приютов, куда за приемлемую плату можно было бы на время поместить собаку. Пришлось Ай-Ю отвезти к дочери. Это случилось в новогодние праздники. Заметили, что Ай-Ю как-то странно себя ведёт. Что послужило причиной или причинами было не ясно. То ли новая незнакомой обстановке в шумной Москве и тоска от разлуки с хозяином на неё повлияла,

то ли стресс от новогодней уличной стрельбы из петард и ракет или от схватки с бросившимся неожиданно на неё мощным кобелем – ротвейлером. Но она стала плохо ориентироваться. Когда её подзывали из одной комнаты, не понимала куда смотреть и шла в другую. Когда выходили на прогулку, спускаясь по лестнице, её задние ноги подкашивались, а сама заваливалась на сторону. На прогулке начала ходить кругами. Заподозрили, что с собакой происходит что-то неладное. Тут же повезли её в клинику.

Клиника круглосуточная, настроение у персонала было новогоднее праздничное. Терапевт, осмотревший собаку, посчитал, что, возможно, это от защемления седалищного нерва. Прописал лекарства, назначил уколы и сдать кровь на анализы. Сразу приступили к лечению. Уколы делали сами. Кстати, приобрести навыки делать уколы подкожные, внутримышечные должен каждый, у кого есть собака. Сдали анализы. Прошла неделя. Эффект от лечения нулевой, состояние собаки ухудшилось: она потеряла аппетит, повисло одно ухо и морду как-то перекосило, вывалился язык.

Снова повезли собаку в ту же клинику. Врач, осмотревший Ай-Ю, сказал, что нужно обратиться к нейротерапевту. Повезли собаку в клинику ветакадемии. Принявший профессор-врач отметил, что наш чау уже старенький (тогда ей было 7 лет) и, посмотрев зрачки, сказал, что у неё инсульт, левосторонний. Он показал на собаке все признаки инсульта, присутствовавшим на приеме студентам. Сказал, что лечение будет долгое, не на один месяц, дорогостоящее, лекарства те же, что и для людей. Лекарства нужно давать строго по часам, определенное количество, то в возрастающей, то в убывающей дозе. По результатам анализа крови выяснилось, что у нее ещё больная печень.

Приобретя в аптеке все назначенные лекарства, сразу уколами и таблетками приступили к комплексному лечению, строго выполняя рекомендаций ветврача. Улучшение состояния собаки началось практически через 3–4 дня. Постепенно ей становилось всё легче и легче. Её ещё два раза возили показывать тому врачу профессору ветакадемии для консультации. Примерно через три месяца собака практически полностью восстановилась.

После этого она прожила ещё 7 лет, но рецидивы инсульта были ещё дважды и каждый раз в связи с длительным отсутствием хозяина. Второй она не перенесла. Память о ней бережно храним. Это большой платок, связанный из её шерсти-линьки. Он прекрасно согревает душу и лечит тело в ненастные холодные дни. Линька у чау-чау два раза в году: осенью и весной,

каждая полторы-две недели. В этот период его вычесывают через день, а потом достаточно одного раза в неделю. Существуют правила вычесывания чау-чау, их следует придерживаться, так как кожа и чау-чау очень нежная, как у ребенка. Тот, кто думает, что от чау-чау шерсти в квартире больше чем от кота Васьки, то ошибается. Постепенно накопив достаточно шерсти-линьки можно связать не только варежки или носки, но и пальто. В таком приходила на «Птичку» одна владелица питомника. Своим внешним видом, действовавшим неотразимо, она создавала дополнительную рекламу своим чау-чау.

«Птичка» на Нижегородской

Это сейчас, в начале XXI века в России все стали «рыночниками». А тогда в 1980-90 годы, в период агонии умиравшего великого СССР, предпринимательское творчество народа тлело на маленьких кострах, называвшихся колхозными рынками. В Москве такими местами были: Центральный колхозный рынок на Цветном бульваре с его филиалами в районах города и Птичий рынок или, как любовно называли его москвичи – «Птичка» на Нижегородской улице недалеко от метро «Таганская».

Здесь на «Птичке» свой товар души и мастерства рук: птиц, рыбок, кроликов, кошечек, собак, многое другое выставляли на продажу профессионалы и увлеченные люди. Здесь любители домашних животных могли получить консультацию и совет многоопытных практиков. Не только увидеть как в зоопарке, но потрогать, подержать и купить свою мечту – котеночка или щеночка… Или получить их просто так: «Отдаю в хорошие руки!». Можно было купить редкость или дворняжку с «документами», котенка из подворотни. В базарной толчее было тесно от взрослых и детей, от богатых и бедных, москвичей и приезжих из разных уголков нашей необъятной Родины. Сюда заглядывали иностранцы. Кого здесь только не было! Здесь кипела настоящая жизнь, а на радостных лицах можно было увидеть мгновения неподдельного счастья.

«Ай-Ю» и «Анука» принесли более тридцати щенков. Они разошлись с «Птички» по многим адресам нашей огромной страны. Их покупали самые разные люди: крутой бизнесмен для престижа и валютчики из ближнего зарубежья, отоварившие фальшивую валюту. Профессионалы-собаководы для племенного разведения и иностранцы, потому что в России они дешевле. Для своей души, своим детям; и с целью коммерческого размножения и продажи щенков. Одни сделки запомнились своей предысторией, другие – обстоятельствами в момент продажи, третьи – последствиями.

Позвонил Николай Иванович, владелец кобеля чау-чау, которого МГОЛС под разными предлогами никак не ставил на племенную вязку. – У меня есть хорошие покупатели. Им нужен приличный чау – «девочка». У тебя есть такая? – Есть! Приезжай, вместе с ними и выберите! – Договорились! Они приехали в согласованный день. Выбрали, понравившегося чау – «девочку» с кличкой «Юта», по – русскому «Счастливая». Сделку обмыли.

Купившие щенка – семья московских интеллигентов среднего

достатка: муж – научный сотрудник оборонного НИИ, жена – учительница и дочь – школьница выпускного класса. Люди их общественного положения тогда первыми попали под каток «демократических» преобразований, оставшись без зарплаты, единственного источника их существования. Поэтому хозяева «Юты» решили вложить свои сбережения в собачий бизнес, приобретя щенка чау-чау, породы в то время модной и пользовавшейся спросом у людей с деньгами. Выращивали «Юту» под наблюдением соседа – практикующего ветврача, строго соблюдая все его рекомендации. Из неё получилась всеми любимая, хорошо развитая и очень воспитанная собака.

В одно из посещений посочувствовал семье по поводу их жилищных условий – трое и собака в двухкомнатной малогабаритной квартире на первом этаже. На это жена хозяина, показывая на «Юту», сказала: «С ней у нас связаны надежды на улучшение! Ждём, когда можно будет вязать». Этот момент наступил. «Юту» повязали с очень хорошим кобелем. Она принесла хозяевам 5 очаровательных щенков. Кормящей матери с её щенками выделили всё свободное пространство в «большой» комнате. Надо было видеть это зрелище: в центре на ковре возлегала в хорошем настроении «Юта». Вокруг неё ползающие, пищащие ещё слепые щенята. А по углам и около стен комнаты ютились в счастливом возбуждении хозяева, будто бы их дочь родила сразу пятерых. Позже узнал от Николая Ивановича, что он помог с реализацией потомства «Юты». На вырученные деньги хозяин купил машину. В выходные дни подрабатывает на ней извозом. Нужны деньги, дочь поступила в институт.

Стоим на «Птичке» с очередным щенком – «мальчиком». Повернув голову, взглядом провожаю только что отошедших от прилавка посетителей рынка. «Забирай!» – кто-то неожиданно сказал рядом с боку. Повернулся. Перед щенком стоит парень чуть более 30 лет. Он открыл на прилавке свой кейс и показал деньги пачками, лежавшие в нём. Тогда было время «победы демократии», инфляция – 10000 %, все считали на миллионы рублей. Пересчитал деньги. Их оказалось ровно столько, сколько было указано на ценнике.

«Забирай щенка!» – сказал покупателю. Он, закрыв пустой кейс, оставив свой адрес и взяв на руки щенка, тут же пошел на выход с рынка. Всё произошло стремительно. «Возьмите документы на щенка!» – кричу парню вдогонку. Он махнул рукой: «Не надо!».

Прошёл почти год. Позвонил тому покупателю, сказав: «Очень бы хотелось посмотреть, каким стал щенок!» – Нет проблем! Он назвал дату, время и адрес в одном из городов

ближайшего Подмосковья.

Приехал, как договорились. Звоню в дверь квартиры. Вдруг откуда-то прозвучал женский голос: «Вы кто?». Назвал себя. Женский голос продолжил: «Я в ванне. Дверь открыта, проходите сразу в комнату. Муж сейчас приедет. Подождите, пожалуйста!». Разговор через закрытую дверь произвел эмоциональный эффект. Тогда в начале 1990-х годов домофон был редкостью и о таком устройстве мало кто знал.

Открыв дверь и, пройдя, в очень светлую, уютную со вкусом обставленную хорошей мебелью комнату, стал ждать хозяев. Через три минуты из ванной вышла в махровом коротком халатике молодая очень симпатичная женщина с мокрой головой. А через пять минут появился её муж, приехавший из Москвы на почти новом вишневого цвета «Форде». Поздоровавшись, он сразу предложил поехать к нему на дачу, щенок там. Когда садились в «Форд», сказал: «Первый раз еду в такой шикарной машине!» На что он ответил: «У меня другая, а это машина жены! Весит две тонны, чтобы в случае аварии об неё наши консервные банки разбивались!»

Спросил его, почему тогда на рынке он не взял документы на щенка. – «На «Птичке» я начинал познавать азы бизнеса. Ещё мальчишкой продавал там голубей. Теперь у меня пять магазинов в Москве. Понадобятся документы, они буду, какие захочу». – Как переносит езду на машине щенок? «Хорошо! Вот здесь он сидит», – он показал на место рядом с собой. – Мы с ним друзья! На него все обращают внимание! Но у меня оказалась аллергия на собак, поэтому держу его на даче, с ним мой отец. Прошло года два. Как-то проходя по одной из улиц Москвы, увидел большой магазин того парня. Зашёл посмотреть из любопытства. У подошедшего продавца, спросил можно ли увидеть хозяина и назвал его имя. Продавец сказал, как само собой разумеющееся, буднично: «Нет, он в бегах за границей!»

В Китае закончилась эра Мао Цзэдуна, когда гибли и преследовались люди, изводили птиц, уничтожили всех собак. Великий народ постепенно возвращался к человеческой жизни, оживилась экономика. Тогда не из Китая, а туда везли, не только сигареты и сникерсы, но и собак. Это было время, предшествовавшее китайскому «чуду». Китайцам, владельцам домов, разрешили иметь приусадебный участок в 8 кв. м. Такая малость земли позволила, на родине «пекинесов», «чау-чау», «шарпеев», возродить тысячелетнюю любовь людей к домашним животным. Китайские коммерсанты наводнили «Птичку», скупая щенков «пекинесов», так как в России все можно купить дешевле, чем в других странах. На них создался ажиотажный спрос.

Китайцы скупали их в полном смысле мешками, ходили, перекинув их со щенками через плечо. Наши собачники – коммерсанты с «Птички», профессионалы. Они не растерялись, действовали по правилу: «Есть спрос, будет и предложение». Организовали конвейер. Одни, имея связи с клубами собаководов, владельцами – любителями скупали щенков «пекинесов» оптом по стране и свозили их в Москву. Другие, их передерживали и сортировали. Третьи, главные в этой цепочке, организовывали и контролировали их продажу на «Птичке». Цены на «пекинесов» они держали от 100 до 500 долларов за хорошие экземпляры.

До начала торговли к рынку подъезжала «Волга» с дверью открывающейся сзади и со щенками в мешках. К ней подходили, предлагая свои услуги, профессиональные торговки, которые сами и собак то никогда не имели. Главный продавец выделял каждому из них по 5–6 щенков. Оговаривал свою минимальную цену в зависимости от качества щенков и места их расположения на рынке. Всё, что получит торговка сверх этой суммы, её доход. Одна из них, красивая армянка, вначале приходила на рынок в затрапезном виде, а через пару лет она торговала в норковой шубе, привлекая богатых покупателей своим внешним видом, внушающим доверие, манерой ненавязчивого поведения, и «глубиной профессиональных знаний» при ответах на их вопросы. Главный продавец оставлял у себя лучший товар, действительно качественных щенков, на которые он держал, в зависимости от спроса в этот день, максимально высокую цену. Торговки устанавливали свои цены, ориентируясь на него, качество выделенных им щенков и кошелек покупателя. Всё остальное для них было «делом техники».

Китайцы на рынок приходили в разное время до обеда несколькими группами. В каждой 3–4 человека. Один из них владел русским языком. Через него и шла торговля. Каждую такую группу сопровождали рыночные воры, промышлявшие здесь всем чем угодно, без разбора, у кого, что плохо лежит. Одна и та же группа китайцев могла ходить по рынку весь день, справедливо полагая, что к его закрытию цены могут снизиться.

Конвейер, приносивший большие деньги его организаторам, работал без сбоев. У знакомого китайца поинтересовался, как же они переправляют к себе щенков, ведь нужно пройти пограничный, таможенный и ветеринарный контроль на двух границах. «Контрабандным путем», – ответил он. За определенный срок до пересечения границы с Китаем крошечным щенкам дают димедрол в такой дозе, чтобы они спали в момент прохождения пограничного контроля. Переносят щенков на себе,

уложив четырёх сонных щенков на спине вдоль позвоночника и привязав их эластичным бинтом. – Если обнаружат ваши пограничники, русские, то расчет прост: двоих они забирают себе, а с другими иди. Если попадёшься у наших, китайских, то всех щенков они тут же сжигают на костре. – Стоит ли так рисковать? – Выгода есть! В Пекине за хорошего «пекинеса» дают до 3000 долларов! Прошло некоторое время и наши коммерсанты – собачники с «Птички», отчаянные люди, сами повезли щенков на продажу в Пекин.

Знакомый китаец часто появлялся на «Птичке». Он упорно обдумывал вариант переправки щенков чау-чау в Китай, где на их продаже он мог хорошо заработать. Отработанная на «пекинесах» технология не годилась, так как щенки чау-чау значительно крупнее. Пока китаец думал, наши собачники с Дальнего Востока сами приехали на «Птичку» покупать щенков чау-чау. А потом разводить их там непосредственно у китайской границы. Полагая, что обоюдное желание с одной стороны много заработать, а с другой, китайской, иметь у себя чау-чау обязательно найдет дорогу в Китай.

Позвонил собаковод из Москвы и говорит: «У меня остановилась знакомая из Хабаровска. Она закупает щенков по списку для клуба. Была в Питере. Там купила несколько, в том числе кобеля чау-чау. В Москве хочет купить «девочку». Я знаю, у тебя ощенилась «Ай-Ю». Может, ты что-нибудь подходящее предложишь! И ещё! Пока она ехала, была в Питере и в Москве, цены на щенков резко выросли. Денег у неё осталось только на обратную дорогу. В Хабаровск она летит самолётом. Поэтому, если возьмёт у тебя щенка, отдай без денег, под мою гарантию. Из Хабаровска она деньги вышлет обязательно. Я гарантирую!»

Мы договорились о времени встречи. Собаковод из Хабаровска приехала, выбрала «девочку». Решили, что подвезу её в день отлёта к аэропорту. В назначенный день щенок улетел в Хабаровск. Деньги оттуда пришли через 2 месяца. Через неделю ещё два щенка: девочка и мальчик, улетели на Сахалин. Ещё один – со знакомой в Магадан.

За десять лет торговли на «Птичке» щенки разошлись по самым разным адресам нашей страны: Кемерово и Грозный, Иваново и Прибалтика и т. д. Всё и не упомнишь! Были новогодние дни. В воскресенье решил повезти продавать щенка на «Птичку». Жена говорит: «Ты, что праздник, все гуляют, а ты на рынок. Никого там не будет!». Решил, значит надо ехать. А вдруг повезёт! Да и щенок перерастает свой лучший срок для продажи.

Рынок был открыт. Пустынно, непривычно тихо. У входа всего человек десять, кучка продавцов со щенками. Вид у всех

озабоченный не праздничный. Друг с другом перебрасываются короткими фразами, у каждого свои проблемы. Погода пасмурная, влажно, откуда-то тянет сквозняком. Покупателей почти нет. Но продавцы ждут, а вдруг ещё подойдут попозже.

Рядом стоит собачница с чау-чау чёрного окраса, переростком, которому около 5 месяцев, по экстерьеру среднего качества. К ней подошли покупатели, видимо, семья, проявляют заметный интерес к её щенку. Им понравился его черный окрас. Собачница, поняв, после нескольких фраз подошедших, что они только слышали о такой породе, начала расхваливать «эксклюзивные» достоинства своего щенка.

Дочь, приехавшая со мной, не выдержала такого и, подойдя к ним, стала отмечать все недостатки щенка. После нескольких её замечаний лицо продавщицы позеленело. Она еле сдержала себя. Увидев состояние собачницы, взял дочь за руку и немедленно отвел её на свое место. Стал объяснять, что так делать нельзя. Что это не добросовестная конкуренция и за такое на рынке можно получить по физиономии. Слава Богу, собачнице удалось всучить покупателям своего щенка. После того как они рассчитались и ушли, она подошла к нам и, мне пришлось грудью защищать свою дочь и извиняться за неё.

Прошло минут пятнадцать и нам повезло. Увидев на практически пустом рынке щенка чау-чау, к нам подошли две молодые на вид деловые женщины. Задав несколько чисто формальных вопросов, они, посовещавшись, сказали: «Берём! Он поедет с нами в Ухту». В Москве у них была пересадка. До отправления их поезда на Север они зашли на «Птичку» погулять, убить время, а уехали с хорошим подарком на Новый год.

Лучшие собаки чау-чау периода последних двух десятилетий XX века у нас вели свои родословные от производителей из Чехии, Польши, Венгрии, ГДР, затем появились из Франции и США. Особо интенсивную племенную работу вели московские клубы, и отдельные энтузиасты, имевшие большие питомники. Постепенно численность чау-чау увеличилась, они стали доступны для многих людей с деньгами. Количество постепенно перешло в качество. Всё чаще и чаще наши чау-чау стали появляться заграницей в разных странах на выставках. Хлынувшие в конце 1990-х годах в Россию иностранцы стали у нас приобретать и вывозить чау-чау. По качеству они уже мало уступали зарубежным собакам, но стоили значительно дешевле. Некоторые из них занимали первые места, становились даже чемпионами. Так чау-чау по кличке «Нюрка» увезли в США. Там она стала чемпионом мира, а «Монти» – в 1995 г. в Брюсселе чемпионом мира среди юниоров.

Второй день стою на «Птичке» на новом месте, на дальнем ряду собачьего сектора. Второй день покупателей на рынке мало, даже как-то скучно. Его заметил метров за 10–15. Молодой мужчина выше среднего роста, в джинсах не глядя по сторонам, шёл один прямо на нас. Подойдя, он достал портмоне, молча, открыл и, стал выкладывать из него на прилавок сторублевые купюры, не торопясь одну за другой.

Собачники, стоявшие рядом, смотрели с интересом. Отсчитывая про себя: пять,… десять,… пятнадцать,… двадцать,… двадцать пять! … Что же будет дальше? Положив еще купюры, покупатель развернул в нашу сторону портмоне и, показывая, что он пустой, произнёс: «Больше нет!».

Взяв купюры в руки, стал их пересчитывать. Всего 2700 рублей. Показывая на ценник, сказал, что щенок стоит 3000 рублей, а по курсу того времени 600 долларов. На плохом русском языке он стал объяснять, что у него больше никаких денег нет, что это его подарок русской жене. По акценту, жестам и мимики понял, итальянец.

– Не хватает 300 рублей! Он разводит руками, говорит, что поедет с женой в Италию. Деньги у меня в руках. Деньги не малые! Возвращать нет сил! Вспомнил поучения одного еврея, менялы – валютчика, который постоянно крутится здесь на рынке. – Есть покупатель – продавай. А то себе дороже будет! Махнув рукой, сказал: «Чёрт с тобой, бери!». Отдал ему щенячью карточку, международный ветеринарный паспорт. Но для вывоза за границу нужна ещё бумага о том, что щенок не представляет племенной ценности. Липовую справку тут же организовали собачники. На «Птичке» постоянные продавцы дадут вам любую. На всякий случай у них есть всё!

Когда покупатель отошел со щенком от прилавка и направился к выходу с рынка, задал себе несколько вопросов. Почему он сразу подошёл ко мне? Подумал, видимо, вчера, в субботу, он был и присмотрел этого щенка. Если так, то почему у него оказалось только 2700? Ведь цена осталась прежняя! Зачем нужен был весь этот спектакль с вытаскиванием денег по купюре? «Психолог!», нужно было снять с этого итальянца джинсы, в то время они был в дефиците или часы. Он бы узнал, как нервы мотать. Впервые в жизни прочувствовал, как магнетически действует вид больших денег и, понял, что до завершения сделки их брать в руки нельзя. Возвращать трудно! Потом был благодарен тому итальянцу за урок, который он преподал.

Прошел год. Раздался телефонный звонок. Подняв трубку, услышал женский голос. – Мой муж купил у вас щенка чау-чау. Сейчас я в Москве приехала в отпуск из Италии. Привезла с собой

видеокассету, где наша собака на выставке. Она стала чемпионом. Если хотите посмотреть, приезжайте! Конечно, поехал. Встретились, посмотрел видео. Фотографии, где она красивая молодая женщина с ярко-рыжим чау-чау снята на фоне лазурного моря. На фото не хватало только одного, надписи: «Сделано в России!»

13. Черногория – Монтенегро

Будванская Ривьера

– Куда летите? – спросил я, присаживаясь за столик, уставленный бутылками с пивом, мужчину сорока лет, ожидавшего вылет самолёта в аэропорту Домодедово.

– В Монтенегро!

– В Монтенегро. Это где?

– Нет, это не Монте-Карло и не рядом с ним. Монтенегро – так европейцы называют Черногорию. Лечу отдыхать. А вы куда? – спросил он в свою очередь.

– В Тиват.

– Так это же один из двух аэропортов Монтенегро! Значит, нам по пути.

Объявили посадку, и «Боинг», набив в своё брюхо три сотни российских граждан, взлетев, взял курс на Киев и далее в Европу. Через три с половиной часа стюардесса объявила: «Наш самолёт приземлился в аэропорту Тиват. Температура воздуха за бором + 35, влажность – 80 процентов. До свидания, желаем вам всего хорошего!»

Черногория. Как независимое государство она впервые была признана в 1878 году. Маленькая страна – одна из республик бывшей Югославии, растерзанной воинствующими европейскими демократами и местными политическими проходимцами под руководством США на шесть «самостоятельных независимых» государств. Теперь у Черногории есть красный флаг с двуглавым орлом, президент, но нет национальной армии и валюты. Ещё не будучи принятой в объединённую Европу, здесь уже всё за евро, истребители НАТО летают в её небе, итальянские военные моряки частые гости на Будванской Ривьере, промышленности практически нет, кроме нескольких заводов. Главный источник дохода жителей – иностранный туризм.

Господь Бог, расселяя народы мира на Земле, выделил православным черногорцам и сербам на Балканах кусочек рая в горах на берегу теплого Адриатического моря. В далёкие времена сюда приходили разные завоеватели: римляне и венецианцы, три столетия бесчинствовали турки; эти земли присоединяла к себе Австро-Венгрия. Здесь пытались закрепиться униатские католики и мусульмане. В результате деятельности последних многие жившие здесь племена славян стали «потурченцами», то есть приняли мусульманскую веру. Были здесь и православные русские.

В наше время европейцы с разным материальным достатком и много молодёжи с марта до середины ноября прилетают,

приезжают и приплывают сюда, увеличивая численность населения в десть раз. Это место в Европе признано самым экологически чистым. Их привлекают красоты горных пейзажей, здесь можно прекрасно отдохнуть у моря, а православному укрепиться в вере, знакомясь с памятниками истории этого народа, веками противостоящего натиску католиков и мусульман.

Вдоль всей извилистой береговой линии Черногории непрерывной цепочкой высотой 1000–2000 метров тянутся горы. Они то отступают вглубь суши, оставляя в море редкие острова и островки, то отвесными скалами нависают над ним.

Мужчину, с которым познакомился в аэропорту «Домодедово», встретил случайно, уже хорошо загоревшим. Он выходил с территории самого большого на Будванской Ривьере 5-звёздочного отеля «Сплендид» в десять этажей, рассчитанного на одновременное проживание 700 человек. По очертанию отель напоминает большой старинный одноимённый парусник «Сплендидо», на котором капитан Иван Висин совершил кругосветное путешествие (1852–1859). Он является доминантой среди многочисленных апартаментов, трёх десятков 3-4-звёздочных отелей на берегу местечка Бечичи. Здесь двухкилометровый пляж, который ещё в 1935 г. был признан самым красивым в Европе.

– Как устроились? – после взаимных приветствий, спросил его.

– Нормально. Сервис – европейский стандарт, но он уступает 5-звёздочному в Турции.

– Кто в отеле живёт?

– Как мне сказали, 70 процентов из России. Русские: москвичи, питерские, из Череповца, Самары, с Урала и севера. Бизнесмены: газовики, нефтяники, металлисты и металлурги, кому за 30, многие с детьми, от полугода до 11–12 лет. Но есть и супружеские пары в возрасте: учёные, редакторы разных изданий, которых отправили сюда отдохнуть их более денежные дети. На днях на крышу отеля сел вертолет, прилетел депутат Госдумы. Украинцев в этом отеле нет, живут, где подешевле. Приезжают сюда даже на своих машинах, в основном из западной Украины. И с улыбкой продолжил: – Парадокс! Между собой они общаются на мове, а официантам говорят, что русские. Евреев здесь нет. Они предпочитают мягкий климат Карловых Вар, куда слетаются со всего света отдыхать, тусоваться среди блеска витрин с изобилием золота, бриллиантов, ювелирных украшений, мехов, подышать воздухом корабельных сосен и поправить здоровье водой лечебных источников.

Продолжая разговор, он сказал: – Уютный прохладный номер

отеля, постель с безукоризненным бельем, прекрасный шведский стол, большой бассейн, теплое море, пляж, палящее солнце, женщины – для отдыха это немало.

Здесь, в Черногории, можно организовать для себя и разнообразную культурную программу. Меня интересовали здешние православные храмы и монастыри. Удалось побывать в Остроге – в самом святом месте черногорцев. Во времена турецкого ига и происков униатских католиков в 1650 г. подвижниками православия в отвесной скале на высоте 900 метров высечен знаменитый Верхний монастырь. В нём св. Василий Острожский Чудотворец возвел церковь Честного и Животворящего Креста. Его мощи покоятся здесь же в храме Введения Пресвятой Богородицы. Сюда нескончаемой вереницей идут и едут пилигримы многих национальностей и конфессий. Во время посещения Нижнего монастыря (1824 г.) много народа присутствовало в его церкви Святой Троицы на крещении двенадцати младенцев, принесённых своими родителями.

В Цетине, многовековом духовном и культурно-образовательном центре Черногории, с XV в. существует монастырь Рождества Пресвятой Богородицы. В нём хранятся святыни христианства: частица Святого Креста, на котором был распят Иисус Христос, десница св. Иоанна Крестителя и икона Пресвятой Богородицы (Филермская), написанная кистью святого апостола Луки. Эти святыни 120 лет (1797–1917) находились в России. В монастыре покоятся мощи Федора Стратилата, им 1600 лет. На почётном месте у входа, где хранится десница св. Иоанна Крестителя, установлена большая икона св. прп. Сергия Радонежского. Видимо, она вывезена сюда из России в первые годы атеистического богоборчества. Здесь резиденция митрополита Черногорско-приморского.

У причалов Котора и Будвы сотни лодок и прогулочных катеров черногорцев. Среди них десятки морских и океанских яхт под английским и американским флагами стоимостью в миллион и более долларов. Старые части этих древнейших городов Адриатического побережья, представляющие собой крепости, привлекательны узкими и извилистыми улочками. В Которе улица «Позволь мне пройти» – самая узкая в мире. Здесь привлекает внимание тесное соседство православных и римско-католических храмов. Когда – то в церкви св. Саввы Освещённого (XII в.) проводились и православные, и католические службы.

Высокий крепкий 50-летний черногорец по фамилии Кулячич из деревни Куляче (по-русски Ключи), владелец катера и дома в Будве, наш гид на суше и капитан на море, хорошо знающий историю края и неплохо говорящий по-русски, свозил нас на

своей машине в родную деревню. Она самая крайняя в горах, расположена на высоте 450 метров. От берега моря до неё ехали по горному серпантину минут 20. Выше голыми скалистыми уступами горы уходят за облака.

Своё название деревня получила по месту, где бьют 27 ключей с родниковой водой. От нескольких из них Кулячич отвёл к себе на участок в 70 соток воду по трубам в ёмкость 100 куб. м. Она в горах дорогая – 2 евро за 10 литров. Продажа воды – его неплохой бизнес. Здесь у него каменный дом с тремя комнатами, кухней и другими подсобными помещениями, на участке – плодоносящий сад.

В Черногории с давних времён ведутся родовые книги и существует законодательная традиция: если черногорец вернулся из любой точки мира жить на родину своих предков, ему бесплатно выделяется участок земли. «Земля, за исключением мест вдоль береговой линии удобных для создания пляжей, продается свободно», – сказал Кулячич. Но немцам, французам, итальянцам и покупателям других стран, участвовавших в бомбардировках и расчленении Югославии, местные жители землю не продают. Самые желанные покупатели – русские. Соседний с ним участок купил русский.

Рядом с деревней монастырь св. первомученика Стефана, Дулёво, построенный в XIV веке. Он один из восьми на Будванской Ривьере. До 1992 года был «порушен и опустошён», теперь в нём женский монастырь. Под его вековыми деревьями монастырское кладбище, за оградой которого по традиции хоронят только тех, чьи предки были первыми жителями этой деревни. Перед входом в монастырь просторная площадка, где под деревьями можно укрыться от палящего солнца и отдохнуть посетителю, а рядом – источник св. Саввы. Сёстры монастыря занимаются иконописью, резьбой, церковным шитьём. На террасе выше – монастырская пасека. Мёд необыкновенно вкусный, попробовав его, навсегда познаешь эталон настоящего мёда. Из горных растений монашки делают на продажу различные лечебные настойки, ликёры, могут угостить чаем, кофе и более крепкими напитками.

Спустившись ниже от монастыря метров на сто, можно попасть на смотровую площадку, откуда открывается чудный вид Будванской Ривьеры с примечательным островом – скалой св. Стефан. На нём в XV столетии местным населением был построен городок – крепость с церковью св. Стефана, по которой остров и получил своё название. На нём вершился местный суд, поэтому он имел и ещё одно название – «место правды». Но как говорят, сейчас остров продан то ли султанам, то ли русским и

используется для эксклюзивного отдыха высшего качества.

Если с моря смотреть на горы, то на высоте 200–400 метров можно увидеть цепь храмов и монастырей. Их много, возведены в давние времена из серого камня, поэтому на фоне гор заметишь не сразу. Они строгой формы с крестами, как бойницы оборонительной стены, предупреждают каждого – здесь православная земля. Местные жители говорят: «Если в горах есть хотя бы два дома, то обязательно будет стоять и третий – православный храм». Черногорцы на русском языке шутят: «Нас 660 тысяч, а с Россией – 300 миллионов!» Здесь, на берегу Адриатического моря, они вместе с русскими строят Новую Москву. Строительство идёт полным ходом.

Фотографии на память

Отпуск закончился. Перебираю снимки, принесённые из фотостудии. Их много. Они зафиксировали впечатления, эмоции, лица родных, новых знакомых и пейзажи Черногории.

Фото 1. Наши

– Вы куда идёте? – спросил «Монтенегро», мой новый знакомый по Домодедовскому аэропорту, уже успевший хорошо загореть.

– Возвращаюсь в отель.

– Пойдёмте со мной! Попьём местного вина, оно мне понравилось. Составьте компанию, угощаю! Пока здесь, решил сесть на диету: на рыбу, салаты, а вместо пива вдоволь напиться здешнего вина. В отеле бутылка стоит двадцать евро, дорого. А вон там, в магазине, оно всего за два. В магазине купили три бутылки и тут же выпили по стакану.

Пошли в сторону отелей и пляжей искать место, где можно было бы посидеть. Разливая очередную порцию вина, «Монтенегро», кивнув головой, тихо сказал: «Посмотрите!» Среди прогуливающихся вдоль пляжей по дороге от ларька лёгкой трусцой бежала в открытом купальнике стройная девушка. В вытянутой руке она держала два рожка с разноцветными шариками мороженого, а другой безуспешно пыталась на бегу запихнуть в лифчик выскочившую грудь. Полная ядреная грудь, подпираемая снизу узким лифчиком, раскачивалась в так бегу, большие ореолы сосков таращились по сторонам, увидав наконец-то белый свет. Шедшая впереди подруга обернулась и, зажимая ладонью вырывавшийся из неё хохот, стала медленно оседать. Протянув руку, она приняла рожки с мороженым. Это походило на передачу факела с олимпийским огнем. Остановившись, бегунья, натягивая узкий лифчик на непокорную грудь, сказала: «Ну, и что ты, как дура, ржёшь, чего ушла!» – «А ты что так долго!» Откусов мороженое, они, смеясь, беззаботно пошли дальше.

– Наши! Давайте выпьем за наших!

Выпили по полному стакану.

Фото 2. Хорошенькая

Всю ночь в открытые окна ухали волны, обрушиваясь на берег. Они, высотой до полутора метров, продолжали утром накатывать на пляж, выбрасывая из глубинных недр мелкую гальку, сбивая с ног смельчаков, пытавшихся побороться с волнами и войти в море. Лежать на пляже под палящим солнцем без воды даже под большим зонтом – пытка. Поэтому

большинство отдыхающих до семи утра уже заняли места у бассейна, растянувшегося по всей длине отеля.

После завтрака, поплавав в бассейне, прилёг около него позагорать, пока не наступит полуденная жара. Стала одолевать дрёма. Чтобы не отвлекаться, на лицо положил шляпу изо льна с большими полями, сшитую в Вологде и купленную в Сергиевом Посаде на ярмарке в День города. Закрыл глаза. Солнце поднялось к зениту и вышло из-за пальмы, стало припекать. Не шевелясь, приоткрыл глаза, посмотрел в щель под полями шляпы.

Над приподнятой спинкой впереди стоящего лежака медленно появилась голова молодой женщины с густыми чёрными вьющимися волосами, собранными в пучок на затылке. Черты лица её были очень правильными. Глаза смотрели куда – то неопределённо. Взор, обращенный вовнутрь, отслеживал ощущения тела. По еле уловимым изменениям лица видно было, что они доставляют женщине приятное удовольствие. Легкая улыбка появлялась то в глазах, то в сомкнутых и слегка растягивающихся губах.

Женщина исчезла за спинкой лежака, и наступила длительная пауза. Чуть наклонившись в сторону, я увидел, что она медленно сползает на животе с лежака в бассейн и, погружаясь в воду, скрылась, оставив плавать только свои распущенные волосы. Вынырнув, она улыбнулась кому – то. Вытянувшись на спине у кромки бассейна, плавными движениями рук в воде она как бы манила к себе, просила кого – то, посмотри какая я красивая. Потом, оттолкнувшись от дна, легко вылезла из бассейна и вновь скрылась за спинкой лежака.

Её голова на длинной шее снова медленно появилась над его верхней стойкой. В мокрых распущенных волосах путались, блестя в капельках воды, лучи яркого солнца. Она приподнялась выше, потом появились её обнажённые груди. Под них она подложила, как прилежная ученица, обе руки. Здесь на территории 5-звёздочного отеля, где много состоятельных отдыхающих, некоторые молодые женщины позволяют себе загорать, купаться и ходить вдоль бассейна без лифчика.

Стала смотреть по сторонами, видимо, почувствовала, что кто – то на неё внимательно смотрит. Наверное, вот тот пожилой мужчина, из-под шляпы. Возбуждённая догадкой, не смутившись, она стала кокетливо менять позы и выражения лица. Сначала, будто в зеркале разглядывала, любуясь, своим отражением. Потом лицо стала дерзить, капризничать, дразнить своей молодостью. Это походило на немой монолог женщины требовавшей признать, что если она и не красавица, то уж очень хорошенькая. Получив подтверждение от моего легкого кивка из-

под шляпы, она тут же встала и, довольно улыбаясь, нырнула в бассейн. С её лежака поднялся мужчина и последовал за ней.

Фото 3. Первое знакомство с морем

Сегодня небесно-голубое море мирно плескалось у берега, песчано-галечное дно просматривалось на глубине 15–20 метров. Уже с утра пляжи были забиты отдыхающими.

– Здравствуйте! Купались? Как вода? – спросил «Монтенегро», остановившись около меня. За руку он держал голубоглазого сынишку не старше двух лет.

– Добрый день! Вода прекрасная, поплаваешь – и жить хочется! – протянул свою руку мальчонке. Ещё не научившись говорить, он, улыбнувшись, хлопнул своей ручонкой по протянутой ладони.

– Хочу познакомить его с морем: – сказал «Монтенегро», – и повел сына к воде. Сначала на песке они делали отпечатки своих ног. Потом вместе наблюдали, как вода смывает их следы. «Монтенегро» пятясь спиной в море, ногой стал делать брызги. Сыну это занятие очень понравилось. Топая по воде, он не заметил, как оказался в ней уже почти по колено. Отец сел спиной к морю и, отталкиваясь пятками от дна, стал медленно погружаться в воду. Сын шёл к вытянутым рукам отца, пытался своими ручонками дотянуться до них и не замечал, как вода уже закрыла животик, подошла к груди, поднималась выше.

«Монтенегро», сидя в воде уже по грудь, сделал своим корпусом движение навстречу. Сын уцепился за руки отца и, вытянувшись на воде, поплыл, заулыбался – цель достигнута. «Монтенегро», держа сына за руки, подтянул его к себе и, вставая на ноги, как великан – черномор поднял его над головой. Оба смеялись. Опустив и прижав сына к широкой груди, он продолжал пятиться в море. Зайдя уже довольно глубоко, стал полоскать сына в воде, вращать его вокруг себя. Оба смотрели друг на друга, счастливо улыбаясь. Знакомство сына с морем состоялось.

Фото 4. За шведским столом

– Ещё работаете? – спросил «Монтенегро», – вам, наверное, под семьдесят.

– Да, преподаю в университете. Подрабатываю на полную ставку. На пенсию не прожить, больше за 50 лет трудового стажа не заработал!

– Вчера на завтраке за шведским столом позавидовал. Разговорился с официанткой, обслуживавшей наш стол. Оказалась русская из Ростова-на-Дону, после средней школы год учила английский язык в Великобритании. Теперь в Швейцарии учится в университете на менеджера гостиничного бизнеса. Плата

за обучение – 25 тыс. франков в год! Здесь, в 5-звёздочном отеле, проходит практику после первого курса. Говорит, таких, как она, из России, на факультете 40 человек. Нам бы таких специалистов, но в Россию они вряд ли вернутся! Возвращается «элита», убежавшая в своё время: артисты, певцы, музыканты, журналисты, прошедшие на западе подготовку на разных «голосах», экономисты – «рыночники».

– Да, у нас только учёная болтовня по поводу повышения качества нашего образования, поверьте мне, 35 лет проработавшему в вузе. Помните времена 80-90-х годов, как только не хулили наше образование: «Надо всё перестроить!». Где только не вопили: «В «нормальных» странах наши дипломы не признают!». А на поверку сотни тысяч специалистов уехали за границу и успешно там работают. По сравнению с прошлыми годами образование сейчас всё хуже и хуже. Вы, бизнесмены, тоже виноваты. Если не родственник, да ещё институт окончил с отличием, то на прилично оплачиваемую работу не берёте. Одним словом хвалиться нечем, а жаловаться не хочется.

Фото 5. Не мешайте любить!

Пляж. По раскалённой солнцем гальке в сторону моря идёт черногорец. Не один, с подругой, приподняв её сильной рукой за тонкую талию. Она прижалась к нему, положив свою руку на его плечо. Её стройные ноги перебирали в воздухе, еле доставая кончиками пальцев до земли, и она как бы порхала над ней. Подойдя к лежаку, девушка опустила на него свой маленький рюкзачок и повернулась. Они стояли лицо к лицу. Он – 25-летний, высокий, ростом около 190 см, плечистый, настоящий черногорец. И она – русоволосая, выше среднего роста, стройная и загорелая. Со стороны они смотрелись очень гармонично. Казалось, сейчас для них никого нет вокруг. Обнялись, стали целоваться. Переведя дыхание, коротко чмокнув друг друга в губы, они тихо говорили, постоянно улыбаясь.

Вдруг девушка решительно взяла черногорца за руку и, пятясь спиной к морю, повела его к набегающей волне. Большой и сильный, он шёл за ней молча, шёл загипнотизированный её взглядом и улыбался. Море поглощало их всё глубже. Они были уже по пояс в воде, когда она обняла его за шею и, подпрыгнув, обхватила ногами его талию. За каждый свой шаг черногорец получал поцелуй, и он всё нёс и нёс её в море.

Только когда над водой остались их головы, она освободила свои ноги и поплыла перед ним на спине в море. Он плыл у её ног. Лёжа на спине, она смотрела на черногорца, что-то ему говорила и, улыбаясь, плыла туда, к красному бую, где никого не было.

Доплыв до буя, она оперлась на него спиной. Черногорец, держась за ограничительные канаты, стоял перед ней. Отдых был недолгий, минуту-полторы. Оттолкнувшись от буя, девушка обняла черногорца за шею и стала целовать его, как распятого на кресте. Солнце сияло над их головами, расцвечивая вокруг морскую рябь. Он разжал руки, отпустив канаты, и в объятиях они скрылись под водой. Их долго не было. Девушка вынырнула первая, жадно глотая воздух, глазами искала черногорца. Вот появился и он, поплыл к ней. Не дожидаясь его, она засмеялась и нырнула. Он последовал за ней, и тут же всплыл. Она вынырнула за его спиной, что-то сказала. Пока черногорец разворачивался, она снова ушла под воду, обдав его фонтаном брызг. Он тут же нырнул за ней. Это походило на игру влюблённых дельфинов.

Наблюдая эту сцену, не заметил, откуда взялись эти две женщины. Они плыли туда, где сейчас была «запретная зона». Хотелось закричать: «Не мешайте любить!»